

333
958

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

4

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

10335

59

1958

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

Н. ДЖАШИ. Сокровищница мировой эстетической мысли 94

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Ю. СУРОВЦЕВ. Близость к жизни и глубина поэзии 105 ✓
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ. Рассказы молодых. 118

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

«ДРУЖБА НАРОДОВ» — обсуждение журнала
«Литературная Грузия» на Декаде грузинского искусства и литературы в Москве 117 ✓
Коротко об авторах 127

Редактор **К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ**

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора)
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

ОБ ИСПРАВЛЕНИИ ОШИБОК В ОЦЕНКЕ ОПЕР „ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА“, „БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ“ И „ОТ ВСЕГО СЕРДЦА“

Постановление ЦК КПСС от 28 мая 1958 года

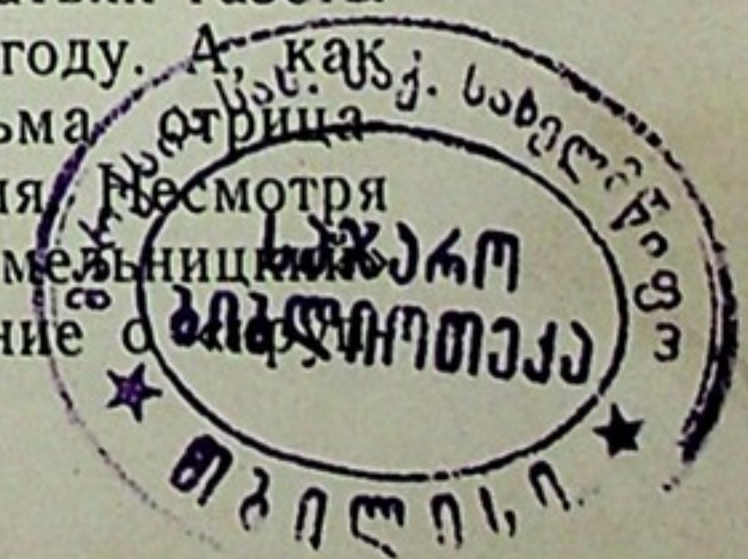
ЦК КПСС отмечает, что постановление ЦК об опере В. Мурадели «Великая дружба» от 10 февраля 1948 года в целом сыграло положительную роль в развитии советского музыкального искусства. В этом постановлении определялись задачи развития музыкального искусства на основе принципов социалистического реализма, подчеркивалось значение связи искусства с жизнью советского народа, с лучшими демократическими традициями музыкальной классики и народного творчества. Справедливо были осуждены формалистические тенденции в музыке, мнимое «новаторство», уводившее искусство от народа и превращавшее его в достояние узкого круга эстетствующих гурманов. Развитие советской музыки в последующие годы подтвердило правильность и своевременность этих указаний партии.

Вместе с тем, оценки творчества отдельных композиторов, данные в этом постановлении, в ряде случаев были бездоказательными и несправедливыми. В опере В. Мурадели «Великая дружба» имелись недостатки, которые заслуживали деловой критики, однако они не давали оснований объявлять оперу примером формализма в музыке. Талантливые композиторы т. т. Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский и др., в отдельных произведениях которых проявлялись неверные тенденции, были огульно названы представителями антинародного формалистического направления.

В постановлении, вопреки историческим фактам, было допущено в связи с критикой оперы Мурадели искусственное противопоставление одних народов Северного Кавказа другим.

Некоторые неверные оценки в указанном постановлении отражали субъективный подход к отдельным произведениям искусства и творчества со стороны И. В. Сталина.

Субъективный подход И. В. Сталина к оценке отдельных произведений искусства проявился также в односторонней и тенденциозной критике опер К. Данькевича «Богдан Хмельницкий» и Г. Жуковского «От всего сердца» в редакционных статьях газеты «Правда», опубликованных по его указанию в 1951 году. Известно, на Сталина в решении и этих вопросов весьма большое влияние оказывали Молотов, Маленков, Берия. Несмотря на то, что в либретто и в музыке оперы «Богдан Хмельницкий» имелись недостатки, неоправданным было утверждение

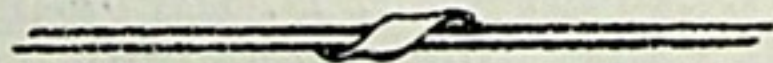
ных идейных пороках» либретто, написанного известными советскими писателями В. Василевской и А. Корнейчуком, а также обвинения композитора К. Данькевича в беспринципности. Несправедливые упреки, содержащиеся в этой статье, были повторены затем и в ряде других статей и выступлений. В редакционной статье об опере «От всего сердца», наряду с правильными критическими замечаниями о музыке и либретто оперы, также содержались явные преувеличения и односторонность.

ЦК КПСС постановляет:

1. Отметить, что в постановлении ЦК от 10 февраля 1948 года об опере В. Мурадели «Великая дружба», правильно определенном направлении развития советского искусства на пути народности и реализма и содержащем справедливую критику ошибочных, формалистических тенденций в музыке, — в то же время были допущены некоторые несправедливые и неоправданно резкие оценки творчества ряда талантливых советских композиторов, что было проявлением отрицательных черт, характерных для периода культа личности.

2. Признать неправильной, односторонней оценкой в редакционных статьях газеты «Правда» опер «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца». Поручить редакции газеты «Правда» (т. Сатюкову) на основе настоящего решения подготовить редакционную статью с всесторонним и глубоким анализом основных вопросов развития советского музыкального искусства.

3. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик, Министерству культуры СССР провести в творческих союзах, учреждениях искусств необходимую разъяснительную работу в связи с данным постановлением, имея в виду повышение идейно-художественного уровня советского музыкального искусства и дальнейшее сплочение творческой интеллигенции на основе коммунистической идейности и укрепления связи искусства с жизнью народа.

БЕЛЫЙ ШАНИ

Перевод с азербайджанского П. Панченко

Взгляни-ка на мой молодой виноградник, сынок,
Его в честь тебя я своими руками сажал.
Хочу, чтобы сына поступок отцовский увлек,
Чтоб стал ты садовником, чтобы отцу подражал.

Согретая солнцем, наполнится силой лоза—
И листья распустит, раскинется мой виноград.
И белый шани¹ изумит молодые глаза —
Как будешь и вкусу и запаху меда ты рад!

Сынок, береги же всечасно лозу от невзгод,
Пусть корни она укрепит и размножит в земле.
Но знай, что она тебе радости не принесет,
Покамест твой пот ей расти не поможет в земле.

И если плодов не вкушу я от щедрой лозы,
Мой милый, ты все же познаешь счастливые дни.
Меня ты помянешь не блеском сыновней слезы,
Но словом, в котором— и запах и сладость шани.

¹ Шани — сорт винограда.

Клад

Новелль

Авторизованный перевод
с грузинского
Э. Ананишвили.

I

Сегодня Саулия не пошел мотыжить кукурузу. С самого рассвета он перекапывал междурядья чайной плантации, зеленевшей на склоне горы Надарбазеви. Опаленный солнцем дюжий тридцатилетний мужчина, он легко вскидывал тяжелую лопату. Ладно ложились ряд за рядом огромные глыбы свежей земли, и ее густой запах словно удваивал немалые и без того силы Саулии. Широко распахнутый, влажный от пота ворот холщовой рубахи обнажал его волосатую грудь.

Весенние работы нынче начались рано. Хлопот и забот в эту пору хоть отбавляй. И Саулия целыми днями не мог улучшить минутку даже побриться. Поэтому-то он так опоздал и с перекопкой плантации.

Тут же рядом жена его — Фунду, подоткнув подол и подвязав кузовок к поясу, молча собирала чайные листья. Она была лет на десять моложе Саулии. Широкополая соломенная шляпа наполовину скрывала ее лицо — смуглое и нежное. Проворные руки женщины живо порхали в зеленой листве. Проходя вдоль длинного ряда кустов, Фунду то приближалась к мужу, то отдалялась от него.

Косое предвечернее солнце жестоко пекло и дышать было трудно.

Внизу широко раскинулись необъятные просторы Колхидской долины. Вдали, за окутанными сизой дымкой плавнями и топями Палеостоми, сверкала, словно отполированный землей край лопаты, полоса разлившегося Риони. Крестьяне, повязав белыми платками голову, пололи мотыгами кукурузные посевы. Мощный гул древней песни земледельцев «Одойа» сливался со звоном знойного дня.

Здесь же, под самой горой, рядом с речкой выбегала из ущелья узенькая проселочная дорога. Перебравшись через полотно у шлагбаума и миновав белый домик путевого сторожа, она без оглядки устремлялась к полям, словно торопясь спрятаться в кустах.

Этот маленький, беленный известкой домик сельчане называли порусски «будкой». Кто в деревне не знал обитателя этой будки, состарившегося, но все еще крепкого путевого обходчика, долговязого и угрюмого Отию! А уж сельская ребятня была знакома с ним как следует. Улучив удобное время, шалуны бегом высыпали на тщательно выровненную Отией насыпь полотна железной дороги в поисках обкатанных морских камушков-самоцветов — и весь труд старика шел насмарку. Прогоняя детей с насыпи, Отия беспокоился не о том, что они разворошат

гравий, он страшился, что увлеченная игрой детвора не услышит приближения поезда.

Вот и сейчас старый обходчик медленно шел по шпалам, разравнивая своей тупой мотыгой развороченный детьми морской гравий. Висевший на поясе старика медный помятый рожок, предмет любопытства ребят, тускло поблескивал на солнце, а в кожаном двуствольном черном чехле торчали ручками вверх два флажка — зеленый и красный.

Саулия снова взмахнул лопатой, и снова огромная глыба земли пахнула ему в лицо своим терпким, устоявшимся запахом.

Как и всякий любящий работу крестьянин, он гордился своим трудом и его плодами. Саулия был вспыльчивым, но не лукавым человеком — про такого говорят, что ни в беде, ни в радости не подведет. Поднимался он с первыми петухами, и никто никогда не выходил раньше него в поле. Натрудившись за день, он возвращался домой в сумерках потный, усталый и порой не только помыться, но и проглотить кусок за ужином сил не хватало — сон незаметно смежал веки. В этом натужном крестьянском труде он и не заметил, как соскучился по привычной ласке своей темноокой жены.

Фунду, как ни в чем не бывало, проворно собирала чай, наполняя подвешенный к поясу кузовок, опорожняла его в большую корзину, снова наполняла... Простенькое, но красивое ситцевое платье плотно облегалo гибкое тело этой еще не рожавшей женщины, и при случайном взгляде на нее что-то жгучее вспыхнуло в душе Саулии. Он с силой ударил ногой по лопате и глубоко вогнал ее в землю.

Фунду подняла голову и, застенчиво улыбнувшись, откинула со лба прядь своих темно-каштановых волос. Перехватив нечаянно сверкающий взгляд зеленовато-карих глаз мужа, она зарделась и стала быстрее обычного срывать чайные листья.

День клонился к вечеру. Земля жарко дышала предвечерним зноем. Лишь изредка доносилось с моря дуновение свежего ветерка.

Дальние, поросшие густым лесом седоглавые горы все ниже и ниже спускались к равнине. Зеленые холмы с дворами и огородами словно остановились, с разбегу наткнувшись на линию железной дороги, удивленно застыли перед внезапно раскрывшимся простором моря и неба.

Зеленая вершина Надарбазеви украшала одно из ответвлений лесистых гор. И места-то было всего с ладонь на этом крутобоком холме. Все нагорье с непроходимой темной чащей и развалинами стен древнего дарбази¹ пользовалось дурной славой. Сторонились его люди с давних пор, называя это место нечистым.

Саулии и в помине не было в те времена, когда комсомольцы пришли с топорами и лопатами сюда, в дремучее обиталище шакалов и летучих мышей. Молодым подсобили и старики — с песнями и смехом рубили люди кусты рододендрона, лавровишню и буйную поросль колючек. Не оставили папоротников, на расчищенном склоне заложили чайную плантацию.

Остались, как память исчезнувшего прошлого, только заросшие бузиной развалины старинных хором, да бросала на них тень кривая смоковница.

Сам Саулия, казалось, был обломком этих могучих гор. Он задумчиво стоял, опершись о лопату, и тоскливо смотрел на них. Видение за видением проходило перед ним... Вот он гонит скот по тучным склонам

¹ Д а р б а з и — древнее народное жилище в Грузии.

зеленых нагорий, неподалеку от родной, затерявшейся в горах безземельной деревушки, и перед ним встают душные от очажного дыма дома-мачуби с башнями и бойницами. Вот оглушительно шумит где-то водопад, и он в немом восхищении наблюдает за длиннорогими, сильными турами, резвящимися на скале над бездонной пропастью... Сердце беспокойно забилося в груди. Временами Саулию тянуло обратно туда, но увы, все дороги к горам были отрезаны для него. Жизнь в колхозе и совместный труд так переиначили его, что он теперь не мог понять, как все случилось, как он, озверев от гнева, из-за жалкого, скудного клочка земли чуть не зарубил насмерть своего соседа.

Боясь мести кровников, Саулия в ту же памятную ночь со старой отцовской кремневкой за спиной, со скрученным в циновке тряпичным одеялом и головкой сыра ушел из родных мест и, спустившись по горным тропам, очутился в этой деревне. Хотя колхоз здесь тогда только только начинал свою жизнь, но корни нового строя уже прочно разрослись. Осушались вековые гнилые болота Колхиды — нужны были новые поля для чая и кукурузы. И когда Саулия, привыкший у себя в горах мерять землю шагами, понял, сколько будет здесь просторных новых угодий, у него перехватило дыхание.

Ни днем ни ночью в пойме Риони не стихали шум бульдозеров и землечерпалок, грохот взрывающегося аммонала, голоса людей, стоявших по колени в прелой воде со своими заступами и лопатами... Все это вместе казалось непривычному Саулии сущим адом.

Но он не щадил своих сил. Надеясь заработать деньги, он вырубал лес, рыл канавы... И несколько хлопотливых, шумных лет проскользнули меж пальцев так незаметно, что Саулия не успел даже оглянуться.

А тут еще эта ласковая, скромная Фунду... Она так скрутила его, что никуда не смог он от нее деться. Так и остался Саулия навсегда в этих местах.

Поженились они три года назад, завели свой дом и живут с тех пор душа в душу,дохнуть друг на друга боятся. Саулия не мог надивиться терпению своей тихой, до скрытности сдержанной жены. Не сразу заметишь, что ее тревожит или волнует. Вот и сейчас она почему-то примолкла. Красивое, тронутое загаром лицо подернулось тенью заботы. Может быть, запарилась она от этого знойного солнца? Или болит что-нибудь? Или старик Оття напомнил ей бесприютное сиротское детство?

Мать Фунду умерла от родов, так и не увидев свою дочь, а отец пристрастился от горя к вину. Работал он здесь путевым обходчиком и однажды ночью, напившись, угодил под колеса поезда. Малютка Фунду осталась на попечении немолодой соседки, языкастой, но доброй Кесанэ. А на железной дороге стал работать пришедший откуда-то Оття.

Саулия поднял было лопату, но тут же опустил ее — до него донесся гомон детских голосов.

Неподалеку от железнодорожного переезда, по соседству с белой будкой обходчика виднелись сельмаг и крытая дранью столовая. А рядом, против клуба, посреди широкого, обнесенного изгородью двора, беспорядочно рассыпались кирпичное здание правления колхоза, гараж с кузницей, силосная башня и плетеные кукурузники на сваях. А напротив, через дорогу, у белой двухэтажной школы приютился детский сад. Мальчишки играли в футбол, девчонки занимались своими скакалками. А те, кто побойчее и посмелее, — очутились на железнодо-

рожной насыпи и, беспокойно оглядываясь, не идет ли обходчик, рылись в песке в поисках морских камушков.

Саулия отер пот с лица.

— Фунду, а Фунду! — не оборачиваясь, позвал он жену.

Та подняла голову.

— Что тебе, Саулия? — негромко спросила она, поправляя кузовок, привешенный к поясу.

— Да нет, ничего, — как-то неожиданно смутился Саулия, но все же решил: — Вот подумал я... Что же, так и останемся мы без детей?

Фунду вздохнула.

— Не знаю, Саулия, — чуть слышно ответила она. — Неужто у нас доля такая? — она робко посмотрела мужу в глаза: — А может, нам в город съездить? Там докторов много, да и лекарства какие-нибудь дадут...

Голос ее дрогнул и затих. Казалось, она сама не верит в то, что говорит.

II.

Дело подвигалось вперед. Солнце опускалось все ниже, и Фунду спешила покончить со сбором чайного листа. Но усталость взяла свое. Подняв голову, она повернулась лицом к подувшему с моря ветерку.

Зеленое взгорье Надарбазеви одним краем круто скатывалось в глубокий овраг — там глухо шумела затерянная в пропасти речка. С противоположной стороны к нему вплотную примыкали тутовый питомник колхоза и лавровая роща. А пониже питомника — прохладный, затененный пущенными на деревья виноградными лозами, молодой лесок упирался, словно наткнувшись ненароком, прямо в огород Фунду, позади ее легонького дощатого домишка. Внизу, вдоль железной дороги, змеей скользила черная лента шоссе. Обогнув здание сельской больницы, она терялась вдали.

За почерневшим от зимних непогод навесом для сушки коконов, беспрестанно пыхтел, задыхаясь, экскаватор. День и ночь рыл он котлован для электростанции и нагромождал рядом целые горы вынутой земли.

Воспользовавшись отсутствием дедушки Отии, детишки так увлеклись поисками красивых камушков, что им нипочем была знойная духота. Фунду невольно вспомнила свое детство. Эти проклятые самоцветы и обкатанные морской волной камни были так затейливы, что она целыми днями забавлялась ими. Но самой большой ее мечтой было поиграть на медной дудке Отии-будочника. Как это забавно, когда там, выше линии, засвистит, приближаясь, поезд. Отия опускает шлагбаум и дудит на своей удивительной трубе: «Ту-ту-у, ту-ту-у», дескать, скорее все прочь с дороги! Ах, если бы можно было хоть один-единственный разок подудеть в эту тускло-желтую дудку!

Фунду не было пяти лет, когда жестокий простудный недуг, бродивший по свету два года под именем «испанки», стал валить с ног деревню за деревней. Не пощадило поветрие и семью путевого обходчика Отии. Где-то в далекой деревушке похоронил он жену и детей и, гонимый тоской, забрался сюда, подальше от родных мест. Этот сломленный горем длинноногий, костлявый человек жил с тех пор отшельником в маленьком домике, сторожа днем и ночью дорогу. Угрюмый и неприветливый, он так сурово глядел на каждого встречного, что озорные деревенские ребяташки разбегались при одном его появлении.

А он, словно ничего не замечая, молча нес свою службу: охранял железную дорогу, напутствовал зеленым флагом проходящие поезда и каждое утро старательно разравнивал гальку, покрывавшую полотно.

Фунду и сейчас услышала его громкий голос. Заметив через оконце вышедших на добычу маленьких разбойников, Оття, выскочив из своей будки, с грозным криком бежал к детям, размахивая руками.

Эта картина была для Фунду так знакома и привычна, что далекие годы сразу ожили перед её глазами. Все это—и крик и погоня—повторилось в точности. И она вдруг вся ушла в свое детство... Однажды, когда Фунду и ее товарищи были поглощены поисками камушков, старик незаметно подкрался к шалунам.

— Ах, вы такие-сякие! Вы что тут делаете? — гаркнул он, и перепуганные детишки пустились кто куда, попрятались в кустах. Одна только Фунду замешкалась, не успела спрятаться. Растерявшись, она нервно ломала руки и почему-то топталась босыми ногами на одном месте. Но потом, поняв, что ей уже не спастись, с плачем бросилась к старику, обняла его и взмолилась:

— Не убивай меня, дедушка, не надо!..

Услышав эти слова, старик вздрогнул. Он не мог даже собраться с мыслями и вдруг, отвыкший от смеха, так страшно захохотал, что у Фунду замерло сердце. То ли смеясь, то ли плача, Оття подхватил её на руки и горячо прижал к груди.

— Не бойся, детка, не бойся, глупенькая! — твердил он одни и те же слова, обнимая растрепанную Фунду, целовал ее так осторожно, словно она была лепестком, и он боялся нечаянно повредить его...

А та, сообразив, что ей ничего не угрожает, быстро утерла глаза кулачками. Лучшего времени, чтобы исполнить свою давнюю мечту, хитрюга не могла найти. Она, ласково и смело теребя ручонкой седую бороду старика, скорчила умильную рожицу:

— Дедушка, мой милый, красивый дедушка, позволь мне разочек, только разочек, подудеть в твою дудку!

Оття снова рассмеялся. Проказнице не пришлось его упрашивать. Старик тут же сунул ей дудку в руки, приговаривая:

— Дунь, девочка, дунь покрепче!

Фунду схватилась за рожок, приложила его к губам, и когда он запел, счастливее ее не было никого на свете. Дудела, а сама искоса поглядывала — где спрятались другие ребята: посмотрите, дескать, какая мне выпала удача.

А Оття, склонив голову, улыбался радостной улыбкой... Угрюмый, одинокий человек ожил, словно сызнова родился.

С тех пор старик полюбил доверчиво льнувшую к нему сиротку, как родную дочь, всячески баловал ее, покупал пестрые ситцы и заставлял соседок шить для нее платья. Сам расчесывал ей волосы... Не беда, если он при этом нечаянно вырывал гребенкой волосок-другой, так что бедняжка роняла слезы от боли, — все равно он был безгранично счастлив!

Вспомнив это, Фунду ласково улыбнулась. Там, внизу, старик Оття, согнувшись в три погибели, снова выравнивал мотыгой развороченную детьми гальку.

— Бедный Оття, как он состарился! — вздохнула Фунду. — Я и заметить не успела.

Саулия усмехнулся:

— День-деньской чинит старичина дорогу, бережет ее, а какая самому польза? В поезде, небось, ни разу не ездил.

Фунду невольно нахмурила брови. Ей не понравились слова мужа, но она ничего ему не сказала. Потом все же не вытерпела: — Ты во всем ищешь выгоду. А он... Бедный мой Отия! Надо мне навестить его. Похлопочу у него по хозяйству, да и вообще ему будет приятно...

— А я его что-то никак не могу умиловать! — проворчал Саулия с неудовольствием.

Это обстоятельство заставило призадуматься и Фунду. Несмотря на то, что старик ей не признавался в этом, она знала, что он почему-то не доверяет ее мужу. Как это иногда бывает с добрыми и терпеливыми людьми, она неожиданно для себя рассердилась, лицо ее побагровело от гнева:

— Неприветлив ты, груб, вот что! — и вдруг опять смягчилась. — Бедняга! Дорога — для всех, он ее бережет, день и ночь караулит, а сам... ничего взамен не требует. Нет, не забуду я его забот...

Саулия промолчал.

Под горкой, на шоссе, показалась райкомовская машина, свернула на проселок, к строящейся электростанции.

А высоко-высоко, в поднебесье, вольно парил ястреб. Блестя серо-стальными крыльями, он кружил над деревней, до смерти пугая насекомых.

III.

Солнце спустилось совсем низко и алело сквозь густую дымку, поднимавшуюся от знойной земли.

Фунду заканчивала свою работу, она вышла к развалинам, горбившимся под жидкой тенью кривой смоковницы, сорвала еще один, последний листик с чайного куста и почему-то растерла его между пальцами.

— Вот и все! — сказала она и, нагнувшись, обеими руками раскачала тяжелую корзину, чтобы утрясти собранные листья. — И тебе немного уже осталось, — продолжала она, стараясь облегчить мужу работу. — Пройти этот ряд, и дело с концом!

Она уперлась ладонью в поясницу и медленно, с трудом выпрямилась.

Ясный день догорал ржаво-красным огнем. Солнце, словно огромное медное блюдо, застряло где-то на стыке неба и моря и медленно, как бы нехотя, опускалось в воду. Тени высоких, трепетных тополей протянулись через все взгорье, прочертили плантацию, кривая тень старой смоковницы неуклюже раскорячилась среди чайных кустов.

С моря потянуло ветерком. Вдали, на краю неба, блестели под косыми солнечными лучами снежные горы — словно вереница кораблей, распустив белые паруса, плыла бог весть куда, покачиваясь на волнах.

Саулия вогнал лопату глубоко в землю и отер полую рубахи залитые потом глаза.

Под рубахой мелькнул обнаженный ввалившийся живот, и Фунду едва не вскрикнула: «Господи, как он проголодался!»

Она в нерешительности сняла и снова надела скрипучую соломенную шляпу: не хотелось уходить одной, оставлять мужа голодным здесь, на плантации.

Она подождала бы еще немного но, что поделаешь, — надо сдать вовремя чайные листья, и дома надо присмотреть за хозяйством.

Бросив шляпу на полную листьев корзину, Фунду отряхнула юбку и нагнулась, чтобы поправить подол, как вдруг у нее закружилась голова. Хорошо, что она ухватила рукой за ствол смоковницы. Покачиваясь, Фунду чуть было не наступила ногой на клейкий, набухший тыквенный стебель, высунувшийся тут же, рядом, из земли.

Увидев его, она вся просияла от радости. Головокружение у нее прошло.

— Ты посмотри на этого негодника, где он пророс! — сказала Фунду, обращаясь к Саулии, и присев на землю, уставилась на стебель.

А он, и впрямь негодник, скосив по обе стороны мясистые свои листочки-пуговики, как бы смеялся. И кто его знает, что его радовало?

Фунду помахала мужу рукой и позвала, не посмотрев даже на него:

— Иди, Саулия, иди сюда! Ты на этого пострела посмотри, а! Ах, если бы я знала, чему он так радуется. Вчера и в помине не было — пророс за одну ночь.

Саулия бросил лопату и, подойдя к жене, нагнулся.

— А как ты думала? Такая уж сила у земли! — сказал он с наивной гордостью. — Ты спишь, а она работает без отдыха, не переставая. Ничего нет на свете равного земле!

Саулия осторожно разрыхлил рукой почву возле корней растения, выдернул траву вокруг. Потом набрал в горсть земли, стал внимательно разглядывать ее.

— Ах, что за земля! — вскричал он с восторгом и вдруг лицо его нахмурилось. Вспомнил он, как чуть не убил там, в горах, соседа из-за клочка земли, нервно растер комки в порошок, рассыпал по ветру...

Вдруг ветерок донес издали какой-то шум. Этот шум скоро превратился в гул, и под горой промчался вереницей блекло-зеленых вагонов пассажирский поезд.

Фунду проводила его долгим взглядом. Не мало уже ей лет, но до сих пор только раз довелось съездить в город. А ведь кто сочтет, сколько таких поездов пропустила она мимо в детстве, стоя рядом со старым Отией.

Она оперлась рукой о край высокой корзины и, стоя на одной ноге, стянула с другой мягкий чужак без задника. Пока она старательно вытряхивала из чувака набившуюся землю, маленькая ступня ее со смешно скрюченными, сдавленными обувью пальцами, четко отграниченная от загорелой лодыжки, белела на солнце, невольно притягивая к себе взгляд Саулии.

Фунду тотчас же заметила волнение, охватившее ее мужа, и испугалась... испугалась не его, а самой себя! В страхе, как бы захлестнутая страстью мужчины не потеряла власти над собой, она строго сдвинула брови и досадливо надула губы.

Поспешно вскинула она корзину на спину, передернув плечами, поправила ее и, чуть согнувшись под тяжестью, пустилась вниз по косягу.

Дойдя до перелаза, она повернула голову, косясь на мужа, провожавшего ее изумленным взглядом.

— Приходи скорей! — сказала она нетерпеливо.

Из-под корзины и поднятой над головой руки блеснули лукавым огоньком потемневшие глаза. Она помолчала и добавила:

— Смотри, не задерживайся! Не заставляй меня ждать!

И скрылась в шелестящем ольшанике.

Крадучись, надвигался тихий весенний вечер. Где-то внизу, в овраге, нескончаемо шумела, бормотала старая водяная мельница. Воздух стал так прозрачен, что рассыпавшиеся пестрой стаей по пригоркам бревенчатые домики и неуклюжие кукурузники на столбах, казалось, придвинулись совсем близко и были отчетливо видны.

Вдали, на алом краю неба, набрякший бычий пузырь солнца постепенно наливался кровью. Наконец, не выдержав собственной тяжести, он нелепо расплющился, распластался и, словно лопнув за набежавшей тучкой, залил все вокруг багровой краской.

По ущельям и лощинам поползли сизые сумерки. Чайные плантации на холмах лиловели, растворялись в подступившей темноте.

Был тот час, когда день и ночь встречаются на лету. Изнуренная зноем, усталая после длинного натужного дня земля готовилась ко сну. Деревня же, наоборот, только сейчас начала оживать. Зашумели дворы, повсюду слышались женские и детские голоса: вернулись с полей и плантаций сборщицы чая и полольщицы. Алыми языками взвивалось пламя в очагах. Темной кисеей стлался дым, пробившийся сквозь камышовые крыши кухонных пристроек. Холмы и пригорки стали невесомыми, всплыли над морем прозрачно-серой мглы.

Вот и стадо пригнало с пастбища. То там, то здесь ласково и печально звучало протяжное мычание коровы, остановившейся перед калиткой. Нетерпеливыми голосами отзывались телята.

Саулия любил этот вечерний час больше, чем другое время дня. Он был работник хоть куда — все спорилось под его сильной крестьянской рукой. А сейчас, когда он остался на участке один, у него даже не было охоты работать.

Саулия поглядел в сторону заросших бузиной развалин Надарбазеви. Осталось перекопать не так уж много — откладывать на завтра не было смысла.

И лопата чаще заходила в его руках. Он кружил по участку, а в голове у него кружились разные мысли. Саулия—новосел, пришлый человек в этих местах; но достатка у него было больше, чем у иных здешних старожилов. Так почему же никак не доведет он до конца начатое дело, не поставит себе дом, не устроится окончательно, по своему вкусу? До каких пор будет он жить — нет, не жить, а ютиться — в наспех сколоченной, заросшей копотью кухонной клетушке? Не говоря уже о тесноте, дым очага выел ему глаза, от сквозняков простыли бока...

Хорошо, что он с прошлой зимы запасся материалом, и тес давно уже сложен у него под кукурузником для просушки. Соседи и правление колхоза обещали подсобить при постройке, и, если ничего не случится непредвиденного, нынче же осенью Саулия поставит дом в три комнаты на высоких столбах, с широким резным балконом и узорными окошками. Тем временем, говорят, новая электростанция даст ток, так что дом и двор Саулии будет и ночью сверкать, как солнечный день.

Есть у него немного денег, добытых в поте лица и отложенных на черный день, — вот теперь они и пригодятся! Набьет Саулия до отказа урожаем амбары и кукурузники, переведет дух, отдохнет день-другой после летних трудов, а потом натянет новые сапоги, облачится в праздничную одежду, закрутит усы, перекинет через плечо домотканый башлык и вместе с нарядной, разодетой Фунду отправится на поезде в город. Прежде всего он отведет жену к какому-нибудь знаменитому

врачу. Пускай тот тщательно осмотрит и полечит Фунду — не век же им вековать без детей?

А дальше? Что же, спешить им по зимнему времени нечего, дела не торопят... Побродят, погуляют по городу, поглядят, подивятся, а напоследок непременно пойдут в театр — тот самый, резной, с балкончиками, где Саулия побывал в прошлом году вместе с участниками слета передовиков сельского хозяйства...

Саулия погрузился в мечты. Он и сейчас был там, в театре.

...Зал, разубранный шелками и бархатом, сияющий бесчисленными электрическими огнями, так велик, что хоть скачи по нему на коне. Сверкание золота, бронзы, хрусталя слепит глаза — взглянешь, зажмуришься! От всего этого блеска и сияния у Саулии голова пошла кругом. Диво!.. Что за волшебная рука так чудесно расписала и вылепила эти пестрые, узорные балконы, подковой опоясавшие зал, этот широкий, как небо, потолок с огромной люстрой?

Вот Саулия усадил в мягкое кресло свою Фунду и не успел сам усесться рядом, как электрические огни в зале погасли, — не сразу, а померкнув постепенно, как рассветные звезды. Розоватый прозрачный полумрак затопил зал.

Вот откуда-то донеслась красивая, в самую душу проникающая музыка — словно чье-то сердце стонет, молит, — о чем? Мольба ширится, заполняет все вокруг — и вдруг гром раскатывается по залу, ухают барабаны, поют фанфары, оглушительно гудят какие-то удивительного вида медные трубы — Саулии кажется, что вот-вот обрушится потолок.

А потом — снова тихое рыдание, снова все то же нежное певучее дыхание струн, та же мольба без слов... И ты забываешь, растроганный, о своих заботах, готов всех обнять и, полный счастья, летишь куда-то ввысь, на седьмое небо...

Ничего лучшего не может Саулия показать своей Фунду!

Его вдруг потянуло к ней. Он в мыслях находился опять там, в большом городе. Многоэтажные дома высились слева и справа, как скалы. И он вместе с Фунду разъезжал меж них на «такси». Где они не побывали и что они не купили для своего нового дома! Саулия не обидел и себя. Перевесив через плечо новую двустволку, он, наконец, исполнил свою заветную мечту. Когда они вместе выходили из большого магазина, Фунду увидела поставленную на прилавок детскую коляску. Лицо ее сразу нахмурилось, а в глазах засверкали подступившие слезы. Саулия молча обнял жену и вывел ее на улицу.

Но кто тебе даст горевать в таком большом городе? В общей суматохе и толкотне рассеялась тоска Фунду.

Правда, это было не там, в большом городе, а в районном городке, ну и что ж... Саулия и этот случай увязал с городом. Он засмеялся. Знать бы ему — насытится ли он когда-нибудь любовью этой тихой черноокой женщины?

Погруженный в свои мысли, Саулия не заметил, как подошел со своей лопатой к зарослям бузины, окружавшим развалины Надарбазеви.

V

Перед палаткой приемщика выстроились в ряд большие корзины, доверху наполненные чайным листом. Сборщицы собрались в кружок тут же рядом, в тени большого платана. Не отставали от старших и де-

тишки: они втиснули свои кузовки и плетушки между корзинами и вместе с матерями терпеливо дожидались очереди.

Там, где соберется столько женщин сразу, да притом не занятых делом, не обойдется без сплетен и пересудов. О чем только тут не толковали! Одного ругали, другого возносили до небес, всякую мелочь раздували в десятки раз, оборачивали и так и этак.

Фунду устало поставила свою корзину в конце общего ряда и, переведя дух, ласково приветствовала соседок. Увидев среди них свою Кесанэ, она радостно улыбнулась ей.

Кесанэ была рада Фунду — она ласково уступила ей место рядом с собой на кряжистом корне дерева и обняла.

Кесанэ с обычным своим любопытством стала расспрашивать Фунду обо всем и вопросительно взглянула на её живот.

Фунду зарделась и, не сказав ничего, поспешно, но осторожно выхватила у молодой дочки колхозного счетовода Карамана Саландия грудного ребенка. Сладкий молочный запах сразу ударил ей в нос. Лаская ребенка, она заметила наглый взгляд стоявшего тут же, за лотком грубияна-шофера.

И откуда только он притащился? Фунду вспыхнула, залилась краской. Она сунула ребенка матери и чуть было не крикнула нахалу: «Ослепни твои глаза!», но тут весовщик бросил ей порожнюю корзину.

Фунду схватила ее, резко, не говоря ни слова, повернулась и в сердцах пошла прочь.

Когда она взбежала на высокую железнодорожную насыпь по протоптанной наискось тропинке, у нее как-то необычно забилося сердце, но она не придала этому никакого значения. Легко покачивая по-девичьи стройным станом, Фунду шла вдоль пути ладной, привольной походкой, как бы гордясь своей женской красотой.

Налево вздымались бархатно-зеленые холмы и горы, направо раскинулись просторы неоглядной колхидской равнины. А там, в стороне моря, алым пламенем пылала даль горизонта.

Фунду ускорила шаг. Скоро Саулия вернется с плантации, надо же позаботиться об усталом, голодном человеке. Но тут сердце у нее снова непривычно заколотилось, и она пошла медленнее. Нет, право, это непонятно! Выросла она здесь, среди гор, по каким только обрывам и кручам не лазила, а такого с ней никогда не бывало! И откуда только взялась эта одышка?

Фунду остановилась, чтобы передохнуть, но не почувствовала облегчения — напротив, дышать стало еще трудней. В испуге схватилась она за грудь, стиснула в горсти упругую плоть вместе с покрывавшей ее тонкой тканью. Потом рванула пуговицы, распахнула кофту на груди, но и это не помогло.

Что это с ней? И вчера и сегодня с самой зари она работала бок о бок с мужем, собирала чай, не поднимая головы, и ничего похожего не было — нет, пожалуй, было, но сейчас подступило гораздо сильнее!

Поставив вверх дном пустую корзину, Фунду присела на нее. Потом бессильно уронила руки на колени и, откинув голову, жадно втянула воздух широко раскрытым ртом. Удивительнее всего, что где-то в укромном уголке сердца наряду со страхом шевелилась смутная, словно неосознанное сновидение, радость.

Удивленно прислушиваясь к самой себе, она с силой растирала свою крепкую грудь и почувствовала в ней слабую боль, а внутри как

будто прощупывалось легкое затвердение. Только сейчас она поняла, наконец, почему у нее сегодня так закружилась голова.

Подумать — счастье-то, оказывается, у самых ее дверей, а она и не знала! От радости Фунду крепко зажмурила глаза, как это делают маленькие дети, замерла, затаилась. Потом вдруг закрыла лицо руками, вздрогнула и сжалась в комочек, прислушиваясь изо всех сил к своему нутру. Удивительная тишина заполнила все ее существо, эта тишина, наверное, и была дыханием той новой жизни, что зародилась в ней...

Фунду встрепенулась, вскинула на спину корзину, и, хотя одышка перестала мучить ее, продолжала путь медлительно и осторожно, как подобает беременной женщине.

Спускались сумерки, а в душе Фунду все ярче разгорался свет.

Все в ней вдруг переменилось. За эти несколько минут к ней пришла настоящая женская радость.

Весь мир представлялся теперь Фунду в новом свете.

Она шла, не чуя под собой ног, погруженная в свои мечты, и чуть было не наткнулась на старого Отию, возившегося на железнодорожном полотне. Фунду была переполнена счастьем и ни с кем, даже с таким близким и дорогим человеком, не хотелось ей говорить. Коротко поздоровавшись, прошла она мимо старика.

И ведь ни словом не окликнул ее старый — только улыбнулся потечески ласково: явно, о чем-то догадался.

Фунду громко рассмеялась, обернулась, бросила на него озорной взгляд.

— Чего развеселилась, плутовка? — спросил Отия пытливо, со старческим, надтреснутым смешком; любовно глянули на Фунду щелочки-глаза, окруженные бесчисленными морщинками.

— Ни с чего, дедушка, милый! Скажу после, — ответила Фунду и добавила: — Так, почему-то смешно стало.

— Смейся, смейся, девочка, — сказал Отия. — На меня не смотри, я свой урожай давно смолотил...

Фунду рассмеялась еще громче и продолжала:

— Дедушка, на днях я зайду к тебе и что-то скажу...

И пошла дальше.

За переездом она свернула налево, в проулок, и пошла вверх, вдоль маленькой горной речушки, затененной огромными деревьями. Глубокую тишину нарушало только глухое бормотание мельницы. Прозрачная вода, местами образовавшая маленькие заводи, сверкала и искрилась — так же, казалось Фунду, искрилось радостью и ее сердце. Гладкие круглые булыжники и узловатые древесные корни просвечивали сквозь воду, странно искаженные и увеличенные. Ветви каштанов и небо с облаками, отраженные в светлой глубине, слегка покачивались на волнах.

Фунду нарвала каштановых листьев — на подстилку для мчади — и медленно, с остановками, принялась взбираться по крутой тропинке к дому.

Большой лохматый пес Пацурия обезумел от радости, завидев хозяйку.

Не успела она скинуть корзину у крыльца, как оставленные на весь день без присмотра куры и индейки окружили ее с отчаянным гомоном. Иные даже так осмелели, что прыгали на Фунду и клевали ее платье.

Фунду прикрикнула на птиц, ворвавшихся вслед за нею в дом:

— Акши, акши, шакалья сыть! — и снова вышла во двор, наполнив подол кукурузным зерном.

Присев на корточки у крыльца, она сыпала корм курам. Потом подманила зерном молоденькую пеструшку и схватила ее. Тут у нее кончилось зерно, она встала, отряхнула шелуху с платья и прежде чем заняться другими делами, накрыла пойманную для ужина курочку пустой корзиной.

Бросив Пацурии кусок мчади, она разожгла очаг. Когда языки пламени взвились к потолку, поставила калиться над огнем каменную сковороду.

VI

День и ночь, как говорится, только что разминулись. Густые тени поползли вверх по склонам. Одурающе пахли ночные фиалки, разносился душный аромат бузины, мяты и болотного перца. В роще заливались древесные лягушки. Маленькими капельками сгущалась вечерняя роса.

Где-то заскрипела арба, но скоро скрип затих.

Из-за дальней горы Сакудары, закутанной в темную бурку дремучего бора, выкатилась круглая оранжевая луна. Большая, тускло-красная, сначала она освещала только самое себя, но вскоре поднялась высоко над горами, сжалась и постепенно залила светом небо и землю.

Так уж водится — если очень торопишься, никак не развяжешься с делом. Немало времени понадобилось Саулии, чтобы закончить «еще и эту грядку». Было уже темно, когда он, наконец, добрался в последний раз до развалин старого Дарбази. Отряхнув с лопаты прилипшие комья сырой земли, он окинул взглядом перекопанную плантацию. Что правда, то правда: славно он поработал сегодня! Ну вот — и это дело с плеч долой. Завтра он вместе с соседями выйдет на кукурузное поле колхоза и далеко разнесется их многоголосая «Одойа».

Чистое, бархатно-синее небо было залито лунным сиянием. Глаз вечерней звезды то смежался, то раскрывался. В воздухе потянуло прохладой.

«Теперь пора и домой!» — подумал Саулия, вскинул лопату на плечо, но, сам не зная почему, медлил уйти. Внезапно решив подровнять конец вскопанной грядки, он опустил лопату с плеча и ударил — в последний, самый последний раз! — там, где никогда еще не копал.

Из-под земли донесся какой-то глухой гул.

«Что может там быть?» — подумал Саулия. Не отдавая себе отчета в своем поступке, он еще раз ударил изо всех сил лопатой в том же месте.

Послышался лязг — должно быть, лопата задела за камень.

Теперь уж Саулии не так легко было уйти отсюда. Он надавил ногой на лопату и глубоко погрузил ее в землю. Навалившись всем телом на рукоятку, он вывернул большую глыбу земли. Что-то круглое и плоское, похожее на крышку горшка или кувшина, свалилось с лопаты.

Саулия отбросил ногой кусок вывернутого дерна. Земля словно распялила рот, и зияющее отверстие — то ли нора, то ли дыра — глянуло на Саулию своим темным зевом.

Саулия выронил лопату. Упершись локтями в согнутые колени, наклонился он над черной дырой.

«Нет, тут, видно, что-то не так!» — подумал он и подсел поближе к яме.

Как знать — может, он набрел на кувшин старого вина, зарытый в давнее время, береженный впредь до особого случая? Впрочем, нет, — в этом месте вряд ли мог быть прежде марани. Саулия стал выбрасывать рукой землю из ямы, и вместе с нею, казалось, выгребал темноту. В яме постепенно становилось светлее, и когда, наконец, в глубине замерцал холодный желтый свет, Саулия чуть было не закричал: «Э, да тут совсем не то!»

Теперь уже обеими руками, торопливо, словно его подгоняли, выбрасывал Саулия землю из норы, бормоча что-то, — и в этой горячке, видно, голова пошла у него кругом. Иначе почему же в яме вдруг стало светло? И что это за леденящее кровь шипение донеслось внезапно из-под земли?

Саулия отпрянул. Пробужденная от зимней спячки медянка — пестрая, рыжая, похожая на монисто из золотых монет — выползла из ямы и остановилась, высоко подняв голову с шевелящимся раздвоенным жалом.

В страхе глядел на нее Саулия, откинувшись всем телом назад. Змея покачивала плоской, похожей на какой-то нечистый плод, головой. Потревоженная среди спячки и не успевшая набраться сил, она с трудом удерживала в стоячем положении свое еще слабое, колеблющееся тело.

Саулия вспомнил вдруг народный заговор: «Жало! Жало!» — крикнул он змее. Слово это, казалось, в самом деле произвело волшебное действие: раздвоенный язык исчез в темной пасти, змея вдруг расплсталась, скользнула, извиваясь, точно струйка воды, среди камней. И все же Саулия оказался проворней — схватил лопату, и, прежде чем змея успела скрыться в зарослях, ударил с маху, разможил ей голову...

— Так вот, значит, какое дело! — сказал Саулия. — Не зря называют исстари это место нечистым!

Он отшвырнул мертвую змею в кусты бузины и присел на разрушенной стене, где чернели остатки камина. Немного успокоившись, он глянул в широкое, открытое горло кувшина, видневшееся в яме, — глянул, хотел сунуть туда руку, но не решился. Надо же было, однако, посмотреть, что там, в кувшине? Может, он наткнулся на старинный клад, на давно схороненную казну? Наконец, он сделал над собой усилие и разом — будь что будет! — погрузил руку в отверстие. Ничего страшного не случилось. Он совсем было расхрабрился, но вдруг коснулся чего-то холодного и в страхе снова отдернул руку.

В бога Саулия не верил — но тут зачем-то перекрестился. Потом припал лицом к яме, заглянул в кувшин. Золото... Тусклые червонцы тлели перед ним, как раскаленные уголья в золе, — нет, не как уголья, а как холодные, завораживающие змеиные глаза.

Саулия зажмурился. Но все равно — червонцы, круглые червонцы соблазнительно горели перед его взором. Он все еще не верил глазам. Как знать — может быть, это место в самом деле обиталище нечистой силы? Что, если все это — дьявольские чары, навождение? Нет, нет, не дай бог! Неужели это сокровище только игра воображения, обман? Глаза у Саулии расширились, он еще раз жадным взором обшарил яму и кувшин. Да, это было настоящее золото! Саулия вдруг почувствовал такую усталость, что повалился тут же, на траву, положив голову на ком земли...

А молочно-белая луна стояла над ним непрошенным свидетелем и глупо ухмылялась.

Где-то прокричал филин. Совсем рядом, казалось, раздался безумный хохот. Саулия поднял голову. Господи, да ведь это хохочет он сам! А впрочем, как знать?.. Он пошарил в кувшине, поворошил монеты и вытащил полную пригоршню наверх, на свет луны. При виде этих странных, каких-то колдовских денег, лицо у него перекошилось от изумления, глаза разбежались от блеска золота. Тяжело дыша, пересыпал он монеты из горсти в горсть. А сколько их еще оставалось там, в кувшине — кто знает? Опять он подумал, что грезит, протер глаза — какое там, это не сон, а явь! Саулия растопырил узловатые, мозолистые пальцы, и все это добро посыпалось со звоном в темную пасть земли. Лишь одна монета откатилась в сторону, замелькала среди черных комьев вскопанной земли.

Саулия быстро подхватил монету — испугался, как бы не затерялась, — подкинул раза два на ладони с беззвучным смешком, потом, словно обжегшись, судорожно швырнул ее в сосуд, к остальным.

Наконец, он оторвался от ямы, встал и потянулся, словно очнувшись от сна. В лунном свете чернела его тень — вся искривленная и перекошенная, как тень старой смоковницы.

— Так вот это что!.. — вздохнул он и тяжело уронил голову на грудь.

Какая-то тоска сжимала его сердце — тоска, причину которой он не мог понять.

«Пойду теперь домой... А там...» Мысль его вдруг оборвалась. Да и в самом деле — что там, дома, когда здесь целое богатство?

Он грузно сел на узловатый корень старой смоковницы и невнятно пробормотал что-то бессмысленное. Да, а Фунду? Почему он не вспомнил до сих пор о ней? И вдруг он радостно заволновался.

— Пойду. Домой пойду и все расскажу ей... скажу только ей одной... Все, все расскажу... — И замолк. Саулия понял, что никому об этом, ни одной живой душе, не может он сказать. Никому нельзя довериться. Никто не должен об этом знать. Скажи-ка пожалуйста, какой дурак оставит так просто, здорово живешь, ему одному все это несметное богатство? Так как же быть, что делать? С кем поделиться своей удачей? Кого порадовать?

Сидя на корне дерева и склонив голову в задумчивости, он только теперь увидел тот зеленый побег тыквы, который так обрадовал Фунду. Саулия удивился — он так истоптал и изрыл все это место, что не мог понять, как побег еще остался цел и невредим. На мясистых его листьях сверкала ночная роса.

«Земля!» — вспомнил он свои слова, сказанные сегодня Фунду, и насмешливо ухмыльнулся.

Какая земля, когда все, даже побег жизни, потеряло для него всякий смысл, когда нет никого, кому бы он мог сказать все и малость отвести душу!

Саулия ударил ногой по земле и озлобленно топтал, мял ногой свежий побег. И вдруг что-то больно кольнуло его в сердце. Что-то темное нахлынуло на него. Знакомый гнев опять ослепил его, и он снова готов был убить, зарубить... но кого? Что-то злое зашевелилось в его душе, снова подняло голову... И Саулия повалился на землю, стал трогать рукой каждую глыбу вывороченной земли, ощупывать кусты чая.

На четвереньках ползал он по земле среди острых камней разва-

лин, кружил между кустами бузины, шарил в траве, искал что-то. А что, собственно говоря, он ищет? Чего он хочет? Ах вот где она, проклятая! Он схватил закатившийся под куст глиняный кружок — крышку, вытер ее тщательно полой рубахи, даже обдул... А потом, словно прячась от чьих-то любопытных глаз, быстро накрыл кувшин — накрыл и навалился на него, прижал обеими руками, будто запер в сосуде кого-то и теперь боялся выпустить.

— Что же я не сосчитал их... Узнал бы хоть, сколько там!

И Саулия снова сорвал крышку с кувшина.

Вычерпав горстями золотые монеты, он насыпал их в полу своей рубахи.

— Ух, до чего тяжелы! — воскликнул он, вороша блестящую кучу.

Никогда не приходилось Саулии видеть столько денег сразу.

«Вот это богатство, да-а!» — подумал он и залился тихим смехом.

А луна по-прежнему глупо ухмылялась в небе.

Эти металлические кругляшки так нечисто сияли при лунном свете, будто сам дьявол вычеканил их и нарочно спрятал в этом укромном месте, приставив змею сторожить золото.

Алчность, зависть — все то, что Саулия до сих пор как-будто ненавидел, жажда мести, отравлявшая некогда его дедов, заставлявшая братьев поднимать руку друг на друга, опять так же, как тогда, надвигалась на его душу, волною захлестнула его...

А вокруг было тихо...

Не только деревня — весь мир был теперь для него полон зависти и злобы. И он знал, что надо быть готовым ко всему.

Вдруг что-то подозрительное зашуршало вблизи. Саулия схватил лопату. Не подглядывает ли кто-нибудь за ним на свою беду? Но вокруг не было ни души, и он успокоился. Это, наверное, шакал прополз в зарослях бузины.

А деньги по-прежнему сверкали и переливались у него на коленях.

Саулия осторожно взял двумя пальцами монету из золотой кучи и, поднеся близко к глазам, внимательно осмотрел ее. Голова какого-то царя — не Николая ли? — была четко вычеканена на ней. Он высоко поднял монету и повертел при свете луны.

— Один! — сказал он про себя и бросил монету в кувшин, прислушиваясь с улыбкой к тихому ее звону.

— Два! — вторая монета последовала за первой.

Это были торжественные минуты. Улыбка сбежала с его лица, на лбу собрались складки.

— Три! — он нахмурился. Боялся сбиться со счета.

— Четыре! — вздохнул он глухо, и казалось, что эхо отозвалось из кувшина. — Четыре! — повторил он и вдруг усомнился: — Постой, так сколько же было?

Он не мог вспомнить, сколько насчитал. Лоб его покрылся холодным потом. Это ведь золото — не пустяки! Ошибаться нельзя.

Смотри-ка, — оказывается, считать деньги не такое уж простое дело!

Он выгреб из кувшина монеты, еще раз пересчитал их, дошел до четырех и тут — тьфу, проклятье дьяволу! — снова забыл, какое число идет следующим.

— Так, верно, было четыре... А потом? Что же потом? После четырех? Ах, да, пять!

Как он ни напрягался, числа у него путались, он то и дело останавливался и проверял себя.

— Господи, что со мной? Какое число идет после одиннадцати? Как это я забыл? Ну, конечно, двенадцать! — вскричал он радостно, бросая двенадцатую монету к предыдущим.

Потом мысли у него прояснились. Сосчитав без ошибки до восемнадцати, он вдруг испугался, как бы снова не позабыть, не спутать счет.

«Наверняка их тут не меньше тысячи. Хватит с меня и этого! — подумал он и, вытряхнув золото в кувшин, вздохнул с облегчением: — Сосчитаю после, не к спеху». И накрыл посудину крышкой.

В ночной мгле, словно расшитой серебром лунного света, роились мерцающие огоньки светляков. Все так же глухо, однообразно журчала вода в мельничных желобах.

Саулия засыпал кувшин землей и наложил сверху куски дерна так, чтобы ничего не было видно. Занятый этим делом, он не заметил, как подошел с севера ночной поезд. Вереница вагонов с ярко освещенными окнами, грохоча, промчалась внизу, под пригорком.

Скоро все снова стихло. Деревня спала глубоким сном. Ни звука человеческих шагов, ни голоса. Вокруг — ни души. Только где-то внизу, на линии, плыл, покачиваясь, зеленый огонек фонаря Отии.

«Час уже поздний!» — подумал Саулия, снова вскинул лопату на плечо и, шатаясь, побрел по спуску.

Добравшись до перелаза, он остановился.

«Хорошо ли яма засыпана?» — спросил он себя, но так и не сумел ответить — память словно отшибло. «Эх, пойду лучше, посмотрю!» — решил он и, повернув назад, пустился вверх по косогору, а когда, задыхаясь, добежал до кривой смоковницы, вдруг вспомнил, что не только засыпал яму, но и тщательно обложил ее дерном. Он нагнулся, разровнял лишний раз, на всякий случай, землю и, выпрямившись, прислонился к стволу дерева.

Кривая тень смоковницы задрожала, и когда на голову ему посыпались капельки росы, Саулия понял, что сам трясется в ознобе.

Он снова, пошатываясь, побрел под гору. Он шел, а какая-то сила все тянула его назад. У перелаза остановился, обхватил обеими руками кол в изгороди. Внезапно жгучий комок подкатил к его горлу, и он глухо завыл.

Луна спряталась за тучи, стало темно. Исчез и зеленый огонек фонаря путевого сторожа.

VII

Деревня спит.

Только в домике Фунду все еще горит коптилка. Счастье, которое принес сегодняшней день, не дает ей уснуть. Она сидит на трехногий скамеечке возле тлеющего очага, подтянув колени к подбородку, и вслушивается в тишину, поджидая мужа, чтобы, как только раздадутся за дверью его шаги, побежать навстречу и возвестить о своей огромной радости.

Снизу, из балки, доносится глухое бормотание мельницы. Под этот шум, наводящий дремоту, вспомнилось Фунду, как сон...

Это было три года тому назад. Стояла безлунная осенняя ночь, небо было усеяно звездами.

Сельчане в первый раз собрались в новом, просторном доме колхозного клуба, возле двухэтажного здания школы. Собрание, посвященное открытию клуба, началось торжественным докладом секретаря райкома. Вслед за ним выступили председатель колхоза и секретарь парторганизации — и торжественная часть закончилась.

Молодежь только этого и ждала. Откуда-то сразу появился бубен с серебряными погремушками, и Кесанэ ударила в него, что было сил. Начались танцы.

Все наперебой приглашали Фунду, и она старалась никого не обидеть отказом. Смех, веселые голоса, хлопанье в ладоши наполняли зал. А бубен звенел без передышки, и воздух был насыщен еще не выветрившимся запахом свежего теса и клея. Фунду, и без того опьяненной молодостью, этот запах еще больше кружил голову. Раскинув руки, словно ветер, летала она по кругу, и зажженные румянцем щеки ее розовели. Она громко смеялась и чувствовала, что все любят ее.

А он, этот горный медведь, почему-то дулся, лицо его становилось все темней и темней. Но Фунду только радовалась этому. Скользя мимо него в пляске, она залилась звонким, беззаботным смехом, вызывая махнула платком у самого его лица и выбежала во двор. Усталая и разгоряченная, присела она тут же, под деревом и стала обмахивать рукой покрасневшее лицо.

— Можно? — услышался вдруг робкий голос словно пришибленного Саулии, и Фунду сразу притихла. Лишь теперь она отдала себе отчет в том, что сама вызвала парня во двор, подав ему знак платком. Она хотела было встать, уйти, но не тронулась с места.

— Можно, — с опозданием ответила она Саулии, успевшему уже сесть возле нее.

— Фунду! — вымолвил Саулия дрожащим голосом, и девушке вдруг показалось странным собственное имя. Под деревом было темно, звон и уханье бубна теперь доносились как будто издалека.

Не успела Фунду опомниться, как жаркий поцелуй обжег ей губы. Дыхание у нее оборвалось, голова пошла кругом.

— Грубиян! — в гневе накинулась она на Саулию и тут же невольно прильнула к его широкой груди.

Вдруг в небо взвились ракеты, и двор сразу осветился цветными огнями.

Фунду вскочила.

— Завтра вечером приходи к мельнице! — бросила она парню, не узнавая собственного голоса и не понимая, что с нею творится.

Добежав до железной дороги, она остановилась. Сердце ее билось часто-часто, она не знала, куда идти. Минута — и она очутилась у домика путевого сторожа.

Тесная комнатка старого Отии была освещена только его фонарем. Старик сидел на тахте, печально опустив голову.

Заслышав шаги взволнованной девушки, Отия поднял взгляд.

— Что с тобой? — спросил он, но тут же догадался, в чем дело.

Фунду бросилась к его ногам, и этим без слов поведала ему обо всем.

Старик спокойно положил ей руку на голову.

...Все это казалось теперь Фунду таким далеким, что она даже удивилась на мгновение — разве был у нее когда-нибудь другой дом?

Ее очаг теперь здесь, в этой маленькой хибарке, выстроенной руками Саулии. Цепь над очагом сковал для них кузнец в тот самый день,

когда Фунду впервые переступила этот порог. И тогда же Саулия своими руками выточил деревянный крюк, под которым Фунду сама впервые развела огонь.

Мчади на каменной сковороде давно испеклось, курица на вертеле покрылась румяной корочкой. А Саулии все не было видно. Закопченные стены тесной комнатки, казалось, подступили еще ближе, потолок навис над самой головой. Тусклый свет коптилки не мог рассеять густевшую в углах тьму.

Фунду сняла курочку с огня, разрезала на куски, залила свежим ткемали¹ и поставила на полку. Потом ополоснула ноги в медном тазу и протянула их к огню, чтобы обсушить.

«Где он до сих пор?» — думала она. Какие только страхи не представлялись ей! Радость, переполнявшая ее в этот вечер, почти рассеялась среди долгого ожидания, сердце сжималось в тревоге.

Она сунула ноги в шлепанцы и вышла во двор, чтобы вылить воду из таза. Частые звезды были рассыпаны по темному небосводу, словно алмазные зерна для небесных кур. Ночная прохлада ласково льнула к босым, не совсем еще обсохшим ногам. Она присела на кучу теса, сложенного возле кукурузника для просушки. Пацурия, улучив минуту, свернулся у ее ног. Отсюда не было видно Надарбазеви, но Фунду все же пристально вглядывалась в темноту и прислушивалась к тишине.

Небеса сияли. Двор был сказочно разукрашен лунным светом. Вдали, за палеостомскими болотами, мерцал в тумане огонь маяка, то угасая, то посылая в море алый луч.

«Может, зашел к кому-нибудь и засиделся за чаркой?» — но догадка эта показалась Фунду невероятной.

— Нет, нет, с ним ничего не могло случиться! — вскричала она, и знобкая дрожь пробежала по ее телу. Хотя бы она накинула шаль перед тем, как выйти во двор!

Пацурия с визгом зевнул во всю пасть, отряхнулся, замотав ушами. Потом, довольный собой, словно сделав важное дело, снова разлегся на земле.

Фунду встала, вошла в дом, сняла со стены выходные брюки мужа, повертела их, но чинить было нечего. Найдя, наконец, на поясе чуть-чуть ослабшую пуговицу, она обрадовалась: с трудом оторвала ее зубами, снова пришила и повесила брюки на место.

Потом постояла в задумчивости посреди комнаты и вдруг, словно подкошенная, рухнула на постель мужа. Запах его тела, сохраненный одеялом, ударил ей в голову. Ей стало стыдно самой себя, и она зажмурила глаза.

«Не заснуть бы тут!» — подумала она и снова под села к очагу, подбросила хворосту в тлеющий огонь.

Ночной поезд, сотрясая землю, с грохотом промчался по линии перед домом; на полке зазвенела посуда.

А Саулии все не было.

VIII

Мокрый от ночной росы, понурый, спускался Саулия по косогору, заросшему бурьяном.

Все его существо было охвачено одной мыслью, одним чувством. Хорошо, что в этот поздний час никто не мог встретиться ему по дороге! Он был потрясен до самых сокровенных глубин души. Впервые в жизни.

¹ Ткемали — острая приправа из диких слив.

ему приходилось что-то скрывать. Да, да, другого пути нет — одна только Фунду поймет его. Она любит его и поймет. Он ускорил шаг, а под конец, объятый нетерпением, даже побежал — нет, не побежал, а затрусил, как собака. Скорей, как можно скорей, раскрыть перед женой свое сердце, рассказать, как он сразу разбогател и как исстрадался. Он расскажет, объяснит ей, что случилось с ним в эту лунную ночь на проклятой горе Надарбазеви, отчего покинул его душевный покой. Он хочет охмелеть от ее любви, забыть среди ее ласк обо всем... И Фунду, красивая, желанная Фунду, как живая, возникла перед его глазами. Каждый изгиб ее тела — такого привычного, такого любимого и обласканного, предстал перед ним бесстыдно обнаженным... Кровь бросилась ему в голову.

Но что если Фунду кому-нибудь проговорится? Нет, нет, даже ей он ничего не может сказать. Женщина остается женщиной. И он понял, что оказался отныне навеки одиноким. Что ему остается? Труд? Но он так богат, что труд не имеет уже никакого смысла. Любовь? Какая уж там любовь!..

— Как же мне жить без людей, одному? — он простер руки кверху, как дерево — сухие ветви. Но вдруг понял, что ничего не могло спасти его, и он тяжело опустил руки.

Возле огорода, источавшего пряные запахи чабера и кориандра¹, он вышел на ровное место. У калитки, навстречу ему, виляя хвостом, бросился Пацурия. С радостным повизгиванием повалился пес перед ним, задрал лапы, не давая ему пройти.

— Прочь с дороги, волчья сыть! — Саулия пинком отбросил собаку и с силой толкнул дверь своей хижины — не вошел, а вломился в нее. Фунду вскочила в испуге:

— Что с тобой? Где ты был? — вскрикнула она, и тут только гнев стал подниматься в ней.

«Где ты нализался?» — хотела было она добавить, но сдержалась и бросила коротко:

— С кем ты пил?

Саулия точно вовсе и не слышал ее. Он стоял, прижавшись к притолоке, как бы не смея войти.

— Чего ты стоишь в дверях? — спросила Фунду: сердце вдруг подсказало ей, что хмель тут не при чем.

Саулия с трудом перетащил через порог налитые свинцом, словно не свои, а чужие, ноги. Перетащил — и без сил прислонился тут же, к стене.

Все было в доме, как всегда, — объятые дремотой стены, полки, расставленная на них посуда... Тусклый свет жестяной коптилки, изнемогая, боролся с темнотой. Копоть, облепившая балки потолка, свисала очесами черной шерсти. Негромко шипела вода в котле. Все было так, как всегда, — но угли в догорающем очаге вдруг сверкнули перед ним, словно красные червонцы, и Саулия отвел взгляд...

Холодная дрожь прошла по телу Фунду. Разве не знала она, что Саулия — горец, вспыльчивый человек? Бог весть, в какую беду он мог попасть!

— Что случилось? Уж не убил ли ты человека? — вскрикнула Фунду, и глаза у нее расширились от страха.

Измазанное глиной лицо Саулии перекосилось, он вдруг расхохотался так, что слезы потекли по его щекам.

¹ Чабер и кориандр — ароматные травы, употребляемые как приправа к пище.

Фунду тихо подошла к мужу, пытливо поглядела ему в глаза... И за какую-то долю секунды прочла в них нечто такое, что в ужасе окаменела. Нет, это не её Саулия, это кто-то другой...

В ту же минуту повеял в открытую дверь ночной ветерок. Пламя коптилки затрепетало, и этот кто-то, этот чужой человек качнулся вместе со стенами и полом, взмыл кверху.

Фунду, шатаясь, переступила несколько шагов и остановилась возле очага.

Саулия закрыл дверь, медленно направился к ней, подошел близко-близко и схватил ее за руку выше локтя.

— Пойдем со мной! — выдохнул он хриплым шепотом.

Фунду испугалась еще больше. Губы ее были бледны и дрожали.

— Куда? Куда ты хочешь идти?

Лицо Саулии исказилось от боли. Он задумался, выпустил ее. В самом деле, куда он ее зовет?

Нет, нет! Доверишься женщине и погубишь себя.

— Никуда!.. — буркнул он, махнув рукой. — Никуда я не собираюсь... Так только сказал...

И Саулия грохнулся, обессиленный, на скамейку возле очага.

Крепкий был человек, полный сил и здоровья, а все же в конце концов не выдержал всей этой маяты. А может, это старая лихорадка дала о себе знать? Трясаясь от озноба, он чуть ли не распластался над остывшим очагом, чтобы согреться.

— Помоги мне, Фунду! — простонал он, выбивая зубами частую дробь.

Фунду тотчас же обо всем забыла.

— Сейчас, мой Саулия, сейчас! — испуганно твердила она и подбрасывала сухой хворост в огонь. Потом стащила с мужа облепленные грязью сапоги и промокшие до колен от вечерней росы брюки, поставила ему под ноги таз с теплой водой. Бедняга, оказывается, нездоров, а она сразу и не поняла! И Фунду то подсаживалась к озябшему мужу, обнимала его за плечи, то, вся трепеща, прижималась к его груди, старалась согреть больного своим телом и то и дело подбавляла теплой воды в таз.

Все это она делала молча и споро, и Саулия так же без слов подчинялся ей. Он вымыл руки мылом, ополоснул лицо, переменял потную рубаху и после этого немного пришел в себя.

Тихо сидел он у очага и, понурив голову, пристально смотрел на огонь. Наконец, он вздохнул, тихонько взмолился:

— Иди сюда, Фунду, сядь около меня! — и подвинулся на скамье, чтобы дать ей место.

Фунду села рядом с мужем.

— Прости меня, моя Фунду! Прости! — сказал Саулия и положил голову на колени жены.

— За что мне тебя прощать? Что ты сделал? — спросила Фунду, склоняясь над ним и прижимая его голову к груди. Тут только она вспомнила, что Саулия с утра ничего не ел.

— Сейчас накормлю тебя ужином! — сказала она. — Куренка я изжарила такого, что пальцы оближешь!

Но Саулия устроился так уютно и почувствовал вдруг такую усталость, что не в силах был сесть за еду.

— Не надо, Фунду, я не голоден. — И, помолчав с минуту, добавил сварливо: — Видишь ведь, я устал. Уложила бы меня спать!

Фунду не стала противоречить, пошла стелить постель.

Саулия, даже не дав жене хорошенько расправить простыни, пова-

лился на лежанку. Он натянул одеяло на голову, закрыл глаза, полежал на одном боку, потом повернулся на другой, но сон все не приходил. Внезапно он почувствовал такое одиночество, что взмолился снова:

— Иди сюда, Фунду, ложись ко мне!

Фунду не заставила его ждать. Засыпав золой жар в очаге, чтобы не погас, она разделась и легла рядом с мужем — положила его мускулистую руку себе под голову и прижалась щекой к небритой мужской щеке.

Это была самая удобная минута, чтобы рассказать мужу о своей радости, об их общем счастье. Фунду оперлась рукой о его крепкую волосатую грудь и шепнула ему на ухо:

— Знаешь, Саулия... Я, кажется, беременна!

Но Саулия не слышал ее.

— Нет, не могу сказать! — буркнул он, выдернул руку из-под ее головы и повернулся к ней спиной.

Фунду вздрогнула. Не поняв, что он не может сказать, она уткнулась в подушку и стала тихонько всхлипывать.

IX.

Наутро солнце еще не успело как следует протереть глаза, а по деревне уже разнеслась молва, что Саулия тронулся в уме, ничего путного теперь от него не жди.

Сначала на эти рассказы мало кто обращал внимание. Но когда Саулия в тот день не вышел на работу, новость показалась правдоподобной. На полях, на плантациях, на строительстве электростанции только об этом и говорили. Огорчались люди, жалели, что такой работающий человек пропадает зря и колхоз лишился крепкой опоры...

А уж кто обрадовался новости, так это старухи. Пошли ахи, охи, перешептывания. Винили в несчастье Саулии то проклятое место и гнездящуюся там нечистую силу. И злорадно кивали на молодежь: коли повадится жеребенок впереди матки скакать, не иначе, как попадет волку на зубы!

Пока шли все эти толки да пересуды, солнце поднялось довольно высоко. Правда, день был рабочий и всем было недосуг, но все же, кто сумел улучшить минуту-другую, запасся гостинцами и сразу, под горячую руку, навестил больного, который лежал на дворе, на циновке, под развесистой хурмой.

Как всегда в таких случаях, одни советовали опустить ноги в горячую воду, другие — поставить пиявки к затылку, третьи — отворить жилы, четвертые — еще невесть что...

А Саулия, измотанный вчерашними тревожностями, молча лежал под деревом, подложив руки под голову, и глядел вверх, на сплетенные ветви. Все эти разговоры не задевали его души. Никто ведь не знал, какой огонь сжигал его изнутри. Раза два он чуть было даже не застонал.

Одна лишь Фунду чувствовала, что на сердце у него какая-то тяжесть. Но какая именно? Она терялась в догадках, не могла понять, что же с ним вчера так неожиданно стряслось. Не поднимая головы, хлопотала она по хозяйству, надеясь рассеяться, заглушить свою тревогу. Уже прибранный дом она убрала снова, потом простирала потную рубаху Саулии и теперь полоскала ее в холодной воде.

Видно, и Пацурия, волчья сыть, чуял, что его хозяина гложет какая-то печаль. Он разлегся на земле тут же, поблизости и, уткнув

голову в лапы, поглядывал на больного, как бы спрашивая: «Что с тобой?»

Саулия то ли засмеялся, то ли застонал — понять было трудно. Единственным его бескорыстным другом был теперь этот лохматый пес. Он ласково причмокнул и щелкнул пальцами, подзывая собаку.

Пацурия тотчас же очутился возле него.

Саулия обнял его за шею.

— Видишь, Пацурия, в какой переплет я попал?

И продолжал мысленно:

«Глупый, думаешь, я на самом деле болен? Поправились наши дела, золота у меня столько, что не знаю, куда девать!».

Пацурия, словно вычитав мысли хозяина в его глазах, неуклюже вскинулся, поставил ему лапы на грудь, попытался облизать лицо. Саулия попытался отбросить пса, но пушистый хвост собаки попал ему в глаз, и он рассердился.

— Пошел вон, лопоухий! — крикнул он, зло отпихнув собаку ногой.

Пацурия поджал хвост и, жмурясь, с виноватым видом притулился тут же рядом.

Ужаснее всего было то, что Саулия никому на свете не мог довериться, даже Фунду! Какие там друзья, когда даже любимая жена кажется ему кровным врагом! Что же ему делать? Как быть? К кому кинуться? Видно, большая радость — что большое горе: так же необходимо поделиться с другом, так же нуждаешься в сочувствии. Да, впрочем, что это за радость, если она несет с собой такую муку? Если весь свет отступится от него и он останется один, совсем один? Кому же он может поверить это огромное горе, когда все ему стали ненавистны — ему, такому незлобивому, нелукавому человеку! Даже сосед, зашедший проведать его, так ему неприятен, что он не может дождаться, когда, наконец, гость уберется!

Глаза Саулии наполнились слезами. Он наклонил голову — как бы кто не заметил! Подумать — даже печаль он должен теперь скрывать! Ну, значит, все кончилось — и верность и любовь! Хваленое его трудолюбие, которым он так гордился, теперь потеряло цену! Весь свой век он трудился, был участником общего горя и радости, а теперь — что же получается? Совести у него не осталось — в самую страдную пору полеживает на боку, обманывает весь свет, будто хворь на него напала...

Саулия поглядел на свои заскорузлые рабочие ладони и горько усмехнулся.

Там, внизу, на полях, простирающихся до самого моря, солнце, играя и переливаясь, дрожало в струящемся воздухе... «Одойа», песня полей, среди палящего зноя гремела еще громче, и этот величественный гимн труда врывался ему в душу... Саулии стало неважно. Всем своим существом он был сейчас там, в поле.

Вот крестьяне, пропалывающие кукурузу, подходят к краю поля, заканчивая ряд. Выдернутые с корнем сорняки стелются по низу, кукуруза распрямляется, встает стеной, как говорится, божий глаз не на радуется на это изобилие. Вот головной полольщик, босоногий, в распахнутой рубахе, с силой ударил мотыгой и грянул песню так, словно хотел, чтобы его услышал в преисподней сам бог земли, распорядитель урожая и достатка.

— Оо-одойа-о!

Крестьяне подхватили со всех сторон:

— Оо-одойа-о!

— Оо-одойа-о!

Раскоряка с толстыми и крепкими ногами, Одойа лениво потягивается под землей. Голова у него круглая и лысая, как тыква, хитро, по-лисьи смеются большие, как сита, желтые глаза, он подпирает снизу поднимающуюся кукурузу, вместе с нею карабкается вверх, на свет божий.

— Оо-одойа-о! — подхватывают все громче со всех сторон. Часто стучат мотыги, и среди жужжания знойного дня слышно только:

— Ио-хо! Ио-хо!

Казалось, это гудит сама глубь земли—в сыром мраке каждый корешок выпускает побег, и тянется урожай на свет, к солнцу. Одойа скачет, кувыркается среди перекопанного поля, сыплет себе на голову горячие солнечные лучи...

Гул затих —должно быть, дошли до конца поля.

И хотя эта картина дружного труда была только игрой воображения Саулии, на сердце у него все же стало легче. Ад, через который он прошел вчера, словно отодвинулся, отступил от него. Саулия снова был все тем же честным, трудолюбивым крестьянином, что и прежде...

Между тем солнце поднялось в вышину и покатилося по небесной равнине. Тени стали короче. Зной навалился тяжелей. Был тот полуденный час, когда жена приносила в поле порядком уже потрудившемуся и уставшему Саулии обед — горшочек лобю, теплый мчади, завернутый в тыквенные листья, и кувшин вина. Сытно поев вместе с остальными крестьянами, Саулия устраивался в тени тутового дерева, чтобы малость соснуть. Не изменил он этой привычке и сейчас. Ничуть не стесняясь соседей, положил голову на толстый корень хурмы и задремал.

Пока он спал, прошло немало времени. Тень отодвинулась в сторону, и солнечные лучи вот-вот должны были ударить ему в лицо. Посетители успели разойтись, и около Фунду не было уже никого, кроме тощей старой девы Кесанэ.

Всякого своя забота сушит, и у Кесанэ тоже завелись свои огорчения. Подумать только — сопливая дочка колченого колхозного счетовода Карамана Саландия в последнее время стала собирать чай быстрее нее! Этак она скоро и первенство у нее отнимет! Разъяренная Кесанэ всячески поносила свою соперницу.

Фунду было не до чужих горестей, и слушала она только из вежливости.

А Кесанэ, знай себе, молола языком, перескакивая с одного на другое, и, наконец, — как-то пришлось к слову — протянула, пропела по-своему:

— Нет, право, Фунду, умереть мне на месте, что ты за человек.... Разве можно так всех стесняться? Господи боже мой, разве я тебе не близкий человек? Сиди около своего больного, ухаживай за ним, а о чае не беспокойся, я за тебя соберу, поработаю на твоём участке!

Саулию словно плетью огрело — он чуть не вскочил на ноги.

— Что? — вскричал он, и глаза его позеленели от злости. Ужасный, адский огонь, сжигавший его вчера, внезапно снова вспыхнул в его груди, и он взревел, словно от боли: — Нет, нет! Собирать чай будет Фунду. Какие у нее еще дела?

Кесанэ опешила. Что это, какая муха вдруг укусила Саулию? Сумасшедший, как есть сумасшедший!

А перепуганная Фунду опустилась около него на колени, зачастила ласково, робким голосом:

— Конечно, Саулия, мой хороший, конечно, я сама соберу... Зачем ты расстраиваешься? Я сама, сама все сделаю, мой дорогой...

Сразу позабыв и гостью, и все на свете, робко старалась она приласкаться к Саулии... Болтливая женщина Кесанэ, но сердце у нее доброе. Вся размякла, глядя на мужа с женой, и незаметно ускользнула к себе домой.

Саулия немного успокоился. Потом сказал с угрозой:

— Помни — будешь собирать чай сама! Чтобы ничьей ноги не было на моем участке!

— Да, да, Саулия, конечно! Кому какое дело до нашего чая? — ласково повторяла бедная Фунду. — Знаю, мой милый, все знаю!

У Саулии в глазах блеснул тревожный огонек. «Что ты знаешь?» — чуть было не вспыхнул он снова, но вспомнил, что ничего она не может знать, и промолчал.

— Напугал я тебя! — наконец, сказал он и застонал: — Сердце болит, Фунду, сердце!

И, словно стараясь как-нибудь унять боль, обвил жену руками, прижался к ней.

— Ребра мне переломашь, медведь! — упрекнула его Фунду так нежно, что у Саулии потемнело в глазах. Порывисто стиснул он жену в объятиях, нашел губами ее полные губы. Потом вдруг, что-то вспомнив, пристально поглядел ей в лицо.

— Что ты давеча говорила? Или мне почудилось?

Фунду не поняла, о чем он спрашивает.

— Правда это? Неужели правда? — снова спросил Саулия, осторожно погладив ее ладонью по животу.

Фунду покраснела.

— Не знаю, — сказала она, опустив голову. — Похоже, что так.

Какая-то удивительная сила подхватила Саулию, толкнула его... Он снова прижал к груди жену. Потом положил голову ей на колени, приник ухом к мягкому животу, счастливо улыбаясь и бормоча:

— Слышу, слышу, жизнь моя!

И снова, словно охваченный безумием, целовал Фунду, рвал с нее платье, искал дрожащими руками ее тело. Фунду и опомниться не успела — Саулия подхватил ее на руки, словно ребенка, — ох, и медведь, ну, право же медведь! — и побежал, понес к дому...

Фунду опять была счастлива. Смеясь, болтала она ногами в воздухе, умоляла мужа, хоть и не от кого им было таиться:

— Тише, Саулия! Не надо, милый! Господи, как бы кто не увидел!..

И, обвив его шею обеими руками, льнула к нему, будто бы цепляясь, чтобы он не выронил ее... А у Саулии кружилась голова, он ничего не видел и не слышал и только все искал губами послушные губы жены, царапая небритой щетиной нежный ее подбородок.

Задыхаясь от страсти, он не заметил, как добежал до дома, и, то ли зацепившись за порог, то ли просто споткнувшись в полумраке, рухнул на земляной пол вместе со своей драгоценной ношей.

(Окончание следует)

Новые стихи

КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ

Большое озеро, как блюдо.
За ним скопленье облаков,
Нагроможденных белой грудой
Суровых горных ледников.

По мере смены освещенья
И лес меняет колорит:
То весь горит, то черной тенью
Насевшей копоти покрыт.

Когда в исходе дней дождливых
Меж туч проглянет синева,
Как небо празднично в прорывах,
Как торжества полна трава!

Стихает ветер, даль расчистив.
Разлито солнце по земле.
Просвечивает зелень листьев,
Как живопись в цветном стекле.

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою
Объятый дрожью сокровенной
В слезах от счастья отстою.

ПАХОТА

Что случилось с местностью всегдашней?
С земли и неба стерта грань.
Дыша весенним солнцем, пашни
Раскинулись, куда ни глянь.

Пробороненные просторы
Так гладко улеглись вдали,
Как будто выровняли горы
Или равнину подмели.

И в те же дни единым духом
Деревья по краям борозд
Зазеленели первым пухом
И выпрямились во весь рост.

И ни соринки в новых кленах,
И в мире красок чище нет,
Чем цвет берез светло-зеленых
И светло-серых пашен цвет.

ЗАМОРОЗКИ

Холодным утром солнце в дымке
Стоит столбом огня в дыму.
Я тоже, как на скверном снимке,
Совсем неотличим ему.

Пока оно из мглы не выйдет,
Блеснув за прудом на лугу,
Меня деревья плохо видят
На отдаленном берегу.

Прохожий узнается позже,
Чем он пройдет, нырнув в туман.
Мороз покрыт гусиной кожей
И воздух лжив, как слой румян.

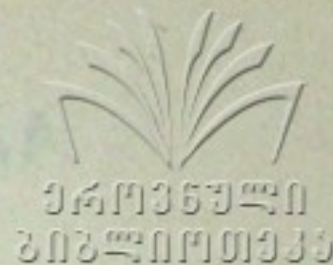
Идешь по инею дорожки,
Как по настилу из рогож.
Земле дышать ботвой картошки
И стынуть больше невтерпеж.

ВСЕ СБЫЛОСЬ

Дороги превратились в кашу.
Я пробираюсь в стороне.
Я с глиной лед, как тесто, квашу,
Плетусь по жидкой размазне.

Крикливо пролетает сойка
Пустующим березняком.

Как неготовая постройка
Он высится порожняком.

Я вижу сквозь его пролеты
Всю будущую жизнь насквозь.
Все, до мельчайшей доли сотой,
В ней оправдалось и сбылось.

Я в лес вхожу, и мне не к спеху.
Пластами насаждает наст.
Как птица, мне ответит эхо.
Мне целый мир дорогу даст.

Среди размокшего суглинка,
Где обнажился голый грунт,
Щебечет птичка под сурдинку
С пробелом в несколько секунд.

Как музыкальную шкатулку,
Ее подслушивает лес,
Подхватывает голос гулко
И долго ждет, чтоб звук исчез.

Тогда я слышу, как верст за пять
У дальних землемерных вех
Хрустят шаги, с деревьев каплет
И шлепается снег со стрех.

Аркадий Сахнин

ՀԱՄԵՆԻ
ՅՈՅՆՈՒԹՅՈՒՆ

ПОЕДИНОК

НОВЕЛЬ

Гурам Урушадзе окончательно рассорился с Валей. Пути назад больше не было. Да он и не собирался идти назад. Он не мальчишка, над которым можно издеваться. Опомнится — пожалеет. Пусть тогда пеняет на себя. Никаких оправданий для нее нет. Во всем виновата она. Одна она. Оказывается, два года их дружбы для нее ничего не значили.

Гурам подбирал для Вали самые обидные слова, находил десятки неопровержимых доказательств ее вины. Себя он ни в чем упрекнуть не мог. И чем больше в его глазах выростала вина Вали, тем острее он чувствовал необходимость обвинить ее еще в чем-нибудь, словно кто-то более убедительно возражал ему...

Они давно решили свою судьбу. Их дружба так окрепла, что это решение пришло само по себе. Он даже предложения ей не делал. Все было ясно. Они подолгу мечтали о том, как сразу же после его увольнения в запас поедут к нему на родину — в Ланчхути, строили планы своей будущей жизни.

В Ланчхути их с нетерпением ждет отец. Он уже выделил для них две лучшие комнаты с кухней и запретил Нази и Давиду заходить туда: это для Гурама и его будущей жены. О том, с какой радостью он ждет их, можно судить по его письму. Добрый старый отец! Ему не понравились кровати в мебельном магазине Ланчхути, и он специально ездил за ними в Батуми...

И вот прошли три года службы. Послезавтра наступит день, о котором они столько мечтали: можно ехать домой. И кто мог подумать, что именно теперь она заупрямится! И тон появился, какого никогда раньше не было: «Пока не поженимся, никуда не поеду». Но почему это делать сейчас, в горячке отъезда? Ему надо получать в штабе все необходимые документы, она будет брать расчет, бегать в контору, в домоуправление за всякими справками, и среди этой беготни — загс и еще одна бумажка оттуда, будто багажная квитанция. К чему эта спешка?

Гурам шел от Валиного дома в казарму, и в мыслях всплывали картинки только что происшедшей ссоры. По-настоящему она началась после того, как он сказал, что должен сначала познакомить ее с отцом, а потом уже идти в загс.

— Так что же это, смотрины? — вскипела Валя. — Ведь мы комсомольцы, как тебе не стыдно?

— А ты не бросайся этим словом, — разгорячился и он. — Это когда-то было: комсомолец — значит, долой все старое, даже хорошее. Комсомолец — значит, не носи галстук, комсомолка — не надевай кольцо, комсомольцы — значит, не надо советоваться с родителями... А почему?

Потом он старался спокойно все объяснить. Ну почему, в самом деле, надо лишать старого отца радости сказать свое отцовское слово, помешать ему преподнести традиционный предсвадебный подарок?

— А если я ему не понравлюсь? — спросила Валя.

— Ты опять требуешь комплиментов. Обязательно понравишься! И вообще не думай, что отец отсталый человек. Он, правда, стар, но какое это имеет значение?..

— При чем здесь возраст!

— Ясно, не при чем. Но некоторые, начитавшись старой истории и наслушавшись разных сказок, видят в Грузии только древность.

— А женитьба по воле отца, — прервала его Валя, — это как называется?

— Не по воле отца, пойми же ты! Если я привел в дом жену, он ни за что не скажет «нет».

— Значит, пустая формальность?

— Нет, не формальность, и не пустая, — разозлился Гурам. — Отец, это — отец. Он вырастил и воспитал меня. Почему я должен обидеть старого и дорогого для меня человека? Если рассуждать по-твоему, то все — формальность. А загс разве не формальность? Разве крепче будет жизнь от того, что конторщица поставит рядом наши фамилии?

— Но ведь так все делают!

— Это не довод! Если человек нехорошо поступит с женой, перед загсовской бумажкой он не покраснеет, а перед отцом стыдно будет. Да и пусть, в конце концов, формальность. Но не большая, чем загс. И я за то, чтобы обе эти приятные формальности выполнить.

— Да, но ты ставишь ультиматум: сначала отец, потом загс.

— Не ультиматум это. И вообще я хочу тебе сказать — я еще до армии заметил — немало у нас людей, которые всегда стараются не сделать человеку приятное, не оказать любезность. Попросишь пустяковую справку, а он сидит и думает: как бы не дать? Попросишь у иного продавца монетку разменять для автомата — у него целая гора мелочи. «Нет, — говорит, — нету». А по-моему так: есть хоть какая-нибудь возможность удовлетворить просьбу, сделать для человека хорошее, приятное, значит надо сделать.

— К чему эта философия?

— К тому, что если можно не огорчать отца, сделать ему приятное, значит, надо сделать. Меня удивляет, почему ты не предлагаешь к твоей маме в деревню съездить, это же совсем рядом. Представляешь, как она будет рада, если до замужества ты ее совета спросишь. Я постараюсь не ударить лицом в грязь, и вряд ли она будет против... Нет, не в том самостоятельность, чтобы, как снег на голову: знакомься, мама, это мой муж. Что-то очень обидное для стариков есть в этом.

— Ты же совсем о другом говоришь, — снова раздражаясь, сказала Валя. — Пойми же, что мне стыдно. Еду в совсем незнакомое место, в чужой город... В качестве кого я еду? Жена? Нет. Невеста? Тоже нет. Невесты не ездят сразу с кастрюльками и подушками. Просто знакомая... Не поеду! — решительно и даже зло закончила она.

— Ну и не надо! — не выдержал Гурам.

— Ах, вот как? Тогда уходи отсюда! — совсем уже вне себя выкрикнула она.

Хлопнув дверью, Гурам ушел, не сказав ни слова.

Он шагал в казарму, и грустные мысли терзали его. И зачем только он писал отцу? Что он скажет ему теперь?

Сказать правду, значит принести отцу горе. А он и так еще не оправился после смерти матери...

Резкий автомобильный гудок заставил Гурама отскочить в сторону. Одна за другой пронеслись зеленые машины военного коменданта Курска — Бугаева и полковника Диасамидзе, а спустя минуту в том же направлении промелькнула «Победа» секретаря райкома партии Григоржевича, в которой можно было разглядеть и председателя райисполкома Нагорного. И уже совсем на немыслимой скорости пролетела машина председателя Курского горсовета Хомечука.

«Это неспроста», — подумал Гурам, отвлекаясь от своих грустных мыслей. Он остановился возле группы людей, горячо о чем-то споривших. Оказывается, у железнодорожного переезда, близ гипсового завода кто-то заложил мину и снаряд. Одни говорили, что все это чепуха и ложная паника, другие утверждали, будто это вражья вылазка перед праздником — до сороковой годовщины Октября оставалось всего три недели.

Появившиеся откуда-то вездесущие и всезнающие мальчишки авторитетно заявляли, что найден не один снаряд, а десять, и даже не десять, а пятьдесят три.

Гурам послушал болтовню мальчишек и побрел дальше.

До казармы было далеко. Он вполне мог сесть на трамвай или автобус, но шел пешком. Незаметно для себя он начал шагать размашисто и быстро, со злостью сбивая с дороги случайные камушки.

Мимо неслась колонна милиционеров на мотоциклах. В том же направлении быстрым шагом проследовал усиленный наряд военных патрулей.

«Все же что-то случилось», — подумал Гурам.

В казарму он пришел перед самым ужином, когда собирается вся рота. А ему никого не хотелось видеть. В последние дни, где бы он ни появлялся, говорили только о нем. О нем и о Вале. Над ним подтрунивали, а он только посмеивался. В шутках товарищей он не видел насмешки. Наоборот, эти шутки под внешней грубоватой формой не могли скрыть, а лишь подчеркивали теплые солдатские чувства к нему и к Вале. В них выражалась и полная поддержка его решения уехать домой вместе с ней.

Эту маленькую, хрупкую девушку, почти девочку, с лучистыми голубыми глазами знали и уважали все друзья Гурама. На первых порах она стеснялась их и, здороваясь, казалось, с испугом протягивала свою тоненькую руку, которая буквально тонула в широкой солдатской ладони. Постепенно она привыкла к этим веселым здоровьякам, и, несмотря на свою стеснительность, великолепно чувствовала себя среди них. В шутку она даже отдавала им команды.

— Рядовой Маргишвили! — строго говорила она. — Срочно подайте мне сумку. А вы, младший сержант, доложите, все ли готовы к маршу в кино.

— Слушаюсь! Так точно! — следовали четкие ответы, и ребята вытягивались по стойке «смирно».

Солдатам приятно было слушаться ее, выполнять ее маленькие бесхитростные капризы. И только в одном не признавали они ее власти: они не разрешали Гураму «эксплуатировать» ее труд.

Впервые протест против «эксплуатации» Вали поднялся, когда однажды целой гурьбой они зашли за ней по дороге в кино. Вале не понравилось, как подшит у Гурама подворотничок. Взяв иголку с ниткой, она командовала: «Ну-ка, расстегивай ворот!» С довольной улыбкой Гурам выполнил приказ. Но поднялся вдруг со своего места младший сержант Иван Махалов.

Русый паренек из-под Воронежа с ямочками на щеках, спортсмен-разрядник, Махалов был любимцем товарищей и начальников. Он командовал отделением, и все уважали его за мягкий нрав, за большую физическую силу и ловкость, за глубокие знания военного дела, а главное, за то, что он не зазнавался. Он как бы стеснялся своих прав и преимуществ перед товарищами. Он никогда не кричал на людей. Командовал только в строю. Его приказания звучали четко, по-военному. Но тут же появлялись ямочки, он улыбался, точно извиняясь за свой резкий тон.

Всем хорошо запомнилась его шутка в тот вечер у Вали. Встав между нею и Гурамом, он совершенно серьезным и строгим тоном заявил:

— Властью командира отделения запрещаю вам, рядовой Урушадзе, эксплуатировать детский труд.

— Она же портниха, — попытался оправдаться Гурам, — это ее профессия.

— Понимаешь, Гурам, — сказал с сильным и приятным грузинским акцентом Дмитрий Маргишвили, — твоя шея по диаметру как раз заводская труба возле фундамента. Пришить тебе подворотничок — дневная норма передовика производства.

Первой прыснула от смеха Валя. В тот вечер ей так и не дали поухаживать за Гурамом.

Спустя несколько дней солдаты увидели у него подозрительно белоснежный носовой платок.

— Еще раз увижу, — сказал Махалов, — отберу. Не заставляй Валию работать. Думаешь, мы не знаем, кто тебе вчера гимнастерку нагладил!

Перед увольнением Гурама все отделение хлопотало вокруг него и Вали. Каждый считал своим долгом дать нужный совет. Втайне от «малодухов» собирали деньги для проводов и на подарок Вале. Выспрашивали у Гурама, чего бы ей хотелось, и делали это неловко, так, что Гурам сразу понял, в чем дело. И затея друзей была ему приятна...

Что же сказать им сейчас?

Первым обратился к нему Камил Хакимов.

— Валя уже взяла расчет? — спросил он.

— Не твое дело! — грубо обрезал Гурам.

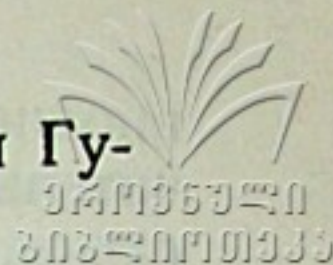
И все, кто был рядом, насторожились, почувствовали неладное. Добродушный весельчак Хакимов совсем растерялся.

Такой ответ глубоко обидел солдат. Валя была их общей маленькой радостью. Никто не завидовал Гураму, товарищи признавали его «права» и всеми силами старались помочь им обоим, если требовалась помощь. Маленькие заботы о Вале доставляли им удовольствие. Им было приятно, когда Вале хорошо. Грубый ответ Гурама удивил и Дмитрия Маргишвили. Но, как и всегда в напряженную минуту, он попытался шуткой разрядить атмосферу. Зная привязанность Вали к Гураму, Дмитрий насмешливо заметил:

— Валя не хочет с ним ехать.

— Кто тебе сказал? — поразился Гурам.

— Сама сказала. Она меня дожидаться будет.
— Не смеешь так про Валу говорить даже в шутку! — закричал Гурам. — Понял?

* * *

Для командира роты капитана Леонида Горелика сороковой Октябрь был особым праздником. Он, наконец, получил приказ о зачислении на специальные курсы, о которых давно мечтал. Но главное, в семье ждали второго ребенка, и Леонид радовался, что из родильного дома Поля придет уже в новую квартиру, которую ему предоставляют в только что отстроенном корпусе. И хотя праздник предстояло встретить не вместе с женой и друзьями, настроение было хорошим.

Полина просила оттянуть отъезд на трое суток, чтобы хоть в этом году отметить день рождения мужа. Вот уже третий год, как из-за командировок и заданий они не могут провести этот день вместе.

Но задерживаться Леонид не мог. Он попрощался с товарищами, съездил на вокзал за билетом и вернулся домой в полной готовности.

Офицерские сборы коротки. А вот Полина долго укладывала чемодан, объясняя, где что лежит, просила чаще отдавать в стирку белье, не занашивать его.

— Ухаживать там за тобой некому будет, — говорила она, — поэтому не разбрасывай все по комнате, как дома. Клади вещи на место, чемодан не перерывай, и все необходимое будет у тебя всегда под рукой.

— Да, да, конечно, — пряча улыбку, отвечал ей Леонид, — не беспокойся.

Каждый раз, уезжая в командировку (а они были очень частыми), он слышал подобные наставления жены, охотно соглашался с ними, но стоило ему хоть раз полезть в чемодан, как там воцарялся хаос. Зато перед возвращением домой он всегда тщательно упаковывал свои пожитки, стараясь вспомнить, как они были уложены Полиной, и она видела, что он точно соблюдает ее наставления.

Поезд в Москву уходил в час сорок ночи, и у Леонида оставалось еще много свободного времени. Пока Полина готовила его к отъезду, он возился с пятилетним сыном Борькой, довольно сложно объясняя ему предстоящее появление брата или сестры. Борька все хорошо понял, но никак не мог взять в толк, почему до сих пор неизвестно, будет это брат или сестра. Он слушал не очень ясные объяснения отца, сопел, хмурился и, так ничего и не поняв, солидно заключил:

— Никого не надо.

Это искренне огорчило Леонида. Отношения у него с сыном складывались очень хорошо. По всем вопросам они находили общий язык и пользовались друг у друга авторитетом и уважением.

Известно, что с ребенком надо говорить не сюсюкая, на равных началах, ни в коем случае не уязвляя его самолюбия. Эту истину Леонид воспринимал не как воспитательную меру, а как требование жизни. Он всерьез обсуждал с Борькой различные проблемы, часто соглашался с ним, порой возражал, горячо или спокойно, но всегда объективно подходил к делу.

Покончив со сложной темой, досадуя на себя за неумение толком объяснить предстоящее появление нового члена семьи, Леонид попросил сына показать сегодняшние рисунки. Для своих пяти лет Борька рисовал

вполне прилично. Занятие это он любил, и каждый день появлялось значительное количество новых «полотен». На этот раз Борька предъявил сюжетную группу из трех танков, на которых стояли три солдата. Кроме автоматов, они были вооружены мечами и щитами.

Леонид внимательно посмотрел на рисунок, сначала вблизи, потом отставив руку, как бы оценивая общую композицию, и серьезно заметил:

— Понимаешь, Борис, почти все хорошо. Но ведь это советские солдаты, а щитов и мечей Советская Армия на вооружении не имеет.

— Так они же богатыри! — удивился Борька. — Ты сам говорил.

Довод был веским, но не успел Леонид подумать над ответом, как в дверь постучали.

Вошел помощник дежурного по штабу полка младший сержант Иван Махалов и доложил:

— Полковник Диасамидзе приказал вам явиться к нему завтра утром в семь ноль-ноль.

Полина с тревогой взглянула на мужа.

— Хорошо, Махалов, можете идти, — сказал капитан, стараясь скрыть от жены свое удивление.

— Что же это, Леня? — пожимая плечами, спросила она, когда Махалов ушел. — Ты позвони полковнику, скажи, что поезд скоро уходит. Он, конечно, забыл о твоём отъезде.

— Неудобно, Поля, он уже спит, ему вставать рано.

— Так что же будет?

— Завтра уеду, какая разница! С вами еще денек проведу, — улыбнулся он и, помолчав немного, добавил: — Придется сходить на вокзал сдать билет.

Накинув шинель, он быстро вышел.

Горелик хорошо знал, что полковник ложится поздно и, конечно, сейчас еще не спит. Но он хорошо знал и самого полковника. Без крайней нужды тот ни за что не задержал бы его отъезда на курсы. А может быть, совсем отменили приказ о его учебе? Нет, тогда бы он не вызывал так рано. Значит, что-то случилось. Забыть об отъезде полковник не мог. Сегодня они тепло попрощались, Диасамидзе пожелал ему отличной учебы, просил не беспокоиться о Полине, обещал, что ей будет оказана всяческая помощь. Тут же дал указание поместить Борьку в детский сад, как только Полина об этом попросит. Что же могло случиться?

Незаметно капитан дошел до железнодорожного переезда и наткнулся на оцепление.

— Проход закрыт, товарищ капитан, — сообщил сержант милиции и объяснил, как пройти к вокзалу.

— Так это же наш капитан! — с укором сказал старшина Тюрин, вынырнувший откуда-то из темноты.

— Вижу, что капитан, но проход все же закрыт, — резонно заметил милиционер.

Этот ответ еще более удивил Тюрина. Он был старшиной в роте Горелика, и его люди сейчас тоже стояли в оцеплении. Ему казалось противоестественным, что милиционер задерживает командира, человека, чьи подчиненные стоят здесь на посту, тем более такого человека, как капитан Горелик.

Михаил Тюрин, старшина сверхсрочной службы, находился в армии пятнадцатый год. Он был одним из тех людей, на которых держалась вся рота. Кроме богатого опыта и знаний, Тюрин еще обладал врожденной

жилкой хозяйственника. От его глаз ничто не могло укрыться. Каким-то чутьем он угадывал, когда и где ему надо появиться, чтобы навести порядок. Он никогда ничего не забывал сделать или отдать нужное распоряжение, в затруднительных случаях первым находил правильное решение. Эти решения, казалось, были у него заготовлены на все случаи жизни: сказывался огромный армейский опыт.

Казалось, он совершенно не занимается солдатами, но ни одного из них не выпускал из поля зрения.

Старшина любил солдат, уважал их труд. Он приказывал делать только то, что абсолютно необходимо. Требуя от солдата беспрекословного выполнения приказов, он умел делать это так, чтобы не обидеть человека, не умалить его достоинства.

Своего командира капитана Горелика Тюрин уважал за те же качества, которыми обладал сам. Старшина и не подозревал, что за четыре года их совместной службы эти качества он заимствовал именно у капитана.

И вот сейчас он был глубоко уязвлен: его командира не пропускают к подчиненным. Вскоре недоразумение выяснилось, и капитан прошел за оцепление. Тут же Тюрин рассказал, что случилось.

А произошло следующее.

Курск, как и другие советские города, вел большое строительство. Возникла необходимость проложить новую высоковольтную линию. Она должна была пройти через густонаселенный район и, естественно, ее решили вести под землей. Для этой линии и рыл траншею бывший пулеметчик, экскаваторщик Николай Семенович Шергунов — лучший рабочий Курского строительного-монтажного управления.

... Шергунов торопился. К сороковой годовщине Октября он взял большие обязательства, а до праздника оставалось три недели.

Взметнулся очередной ковш земли и застыл в воздухе. Стена траншеи осыпалась, и каким-то странным показался Шергунову пласт грунта в образовавшейся нише. Но времени терять не хотелось. Да и какая ему разница, что там за грунт. Следующим «заходом» он подденет эту черную массу, и тогда все станет видно. Шергунов снова взялся за рычаги, чтобы отвести в сторону и опрокинуть ковш. Но взгляд опять уперся в черное пятно. А может быть, это остатки древней посуды? Ведь нашли же недавно какие-то черепки, представляющие большую историческую ценность.

Шергунов выключил мотор и спустился в траншею. Около десятка снарядов лежали в стене, как чертежные принадлежности в готовальне.

Вот тебе и черепки!

Снаряды были небольшого калибра, одинаковой формы и размера. Шергунов решил, что во время войны здесь стояло орудие, и боеприпасы к нему так и остались в окопе, который постепенно засыпало.

Бывший сержант Советской Армии, он хорошо знал, что такое снаряд, пролежавший в земле годы. Аккуратно расчистив пальцем песок, Шергунов бережно вынул болванку, за которой обнаружилась страшная пирамида из снарядов. «Нет, к тем прикасаться нельзя», — сказал он себе.

Поминутно оборачиваясь, чтобы никто не подошел к опасному месту, Шергунов побежал в контору гипсового завода, которая находилась в двадцати метрах от найденного «клада». Через две-три минуты у траншеи уже был директор гипсового завода Выменец, а спустя еще несколько минут — и военный комендант города Бугаев, который сразу же поставил первое оцепление.

На место происшествия прибыли исполняющий обязанности началь-

ника Курского гарнизона Герой Советского Союза полковник Диасамидзе, полковник милиции Кириянов, военный инженер Склифус, руководители Кировского района и города.

После первого предварительного осмотра стало ясно, что яма представляет большую опасность: к снарядам, лежавшим в нише, прикасаться было нельзя. Определить, что в ней скрыто, еще не представлялось возможным.

Полковник Диасамидзе приказал расширить запретную зону. В нее вошли теперь три улицы.

Слух о снарядах разнесся по всему Кировскому району города. Даже люди, не склонные верить слухам, поняли, что на этот раз за ними, действительно, что-то кроется.

На предприятиях, в магазинах, трамваях только и говорили, что о снарядах. Эта тема вытеснила все остальные и испортила предпраздничное настроение, посеяла тревогу.

Руководители города видели, что надо успокоить население, но не знали, как это сделать: нависшая опасность превосходила даже худшие предположения..

В кабинете директора гипсового завода собралось человек пятнадцать. Здесь были партийные и советские работники, директора нескольких предприятий, прилегающих к заводу, представители железнодорожного узла. На их тревожные вопросы полковник Диасамидзе отвечал: пока его люди не разведают, что и как спрятано под землей, ничего сказать нельзя. А в наступающей темноте разрешить разведку он не может.

Дав указание о первейших мерах предосторожности, он попросил всех оставить кабинет, который находился в двадцати метрах от опасного места.

Остались только полковник, военный комендант и еще два военных специалиста. Они обсудили создавшееся положение, наметили план завтрашних действий. Полковник отправился в штаб, чтобы связаться с командующим войсками Воронежского военного округа.

* * *

Капитану Горелику стало понятно, почему задержан его отъезд на учебу. Люди его роты, пройдя специальную подготовку, последние три года извлекают оставшиеся от гитлеровцев боеприпасы в Орловской, Курской и Белгородской областях. Отличные пулеметчики Голубенко, Махалов, Урушадзе, снайпер Маргишвили, не говоря уже о старшине Тюрине, да и многие другие солдаты стали мастерами саперного дела. Им приходилось обезвреживать неразорвавшиеся бомбы, убирать с колхозных полей противотанковые и противопехотные мины, вывозить снаряды. Более шестидесяти тысяч взрывоопасных предметов обезвредила за это время рота.

Ясно, что подземный склад, обнаруженный в самом городе, близ железнодорожного узла, в месте сосредоточения промышленных предприятий и жилых домов, должна обезвреживать тоже его рота. И столь же ясно, что этой опасной работой должен руководить он сам. Конечно, другого решения полковник принять не мог. Любое другое решение было бы обидным для капитана..

— Доложите старшему лейтенанту Поротикову и лейтенанту Иващенко, что я просил их утром никуда не отлучаться, — сказал капитан Тюрину, собираясь уходить. — Голубенко и Махалова освободите от очередного наряда. Они тоже могут понадобиться.

— А Урушадзе? — спросил Тюрин. — У него ведь особое чутье на взрывчатку.

Капитан задумался.

— Нет, Тюрин, не надо. Что же мы будем подвергать его риску за день до увольнения? Человек уже свое отслужил. Он когда едет?

— Послезавтра, товарищ капитан.

— Ну и пусть едет... А девушку берет с собой?

— Говорил, что забирает.

Дома, на тревожный вопрос жены, Леонид улыбнулся и, махнув рукой, сказал:

— Ничего особенного, одно задание надо выполнить, придется задержаться дня на три-четыре.

Полина давно привыкла и к ночным вызовам мужа, и к срочным заданиям, и к неожиданным отъездам или приездам. Ничего, действительно, особенного не увидела она и в этой задержке. Для нее важно было лишь то, что приказ об учебе не отменен. Наоборот, она даже обрадовалась:

— Вот здорово! Значит, справим, наконец, твой день рождения.

— Что ты, Поля, — растерялся Леонид. — Ты в таком состоянии, разве можно? Мне ведь по магазинам некогда бегать...

— Можно подумать, что всю работу в доме выполняешь ты, — насмешливо заметила она.

— Да... но одно дело только наша семья, а...

— Обойдусь без тебя, Леня, — добродушно сказала Полина, — мне это только на пользу.

Тогда он решил совершить подкоп с другой стороны.

— Понимаешь, Поля, — начал он снова. — Мне в эти дни придется своротить гору дел. Приду поздно, усталый, а утром опять рано вставать...

— Не морочь голову, Леня... Чай пить будешь?

Единственное, что ему удалось «выторговать», это обещание не собирать много гостей.

* * *

После того как Валя на резкое слово ответила: «Ах, вот как! Тогда уходи отсюда!» — и Гурам действительно ушел от нее, ушел, не попрощавшись, она очень старалась не расплакаться. И она не плакала. Она сидела, съежившись у окна, кусая губы, совсем беспомощная, и изо всех сил сдерживала слезы. И в своем горе Валя отыскала маленькую радость: она нашла в себе силы не плакать.

Она ни о чем не думала. Когда они познакомились, ей едва исполнилось шестнадцать лет. И знакомство такое странное. Сильный и смелый, Гурам расшвырял в городском саду хулиганов, которые привязались к ней и к Тамаре. Он проводил их домой и сказал обидные слова: «Таким маленьким нельзя поздно гулять».

«Он как сказочный богатырь», — мечтательно заметила Тамара.

Всплывали в памяти его рассказы о Грузии, о море, которого она никогда не видела, о Ланчхути, где теперь с его слов знала чуть ли не каждый дом.

Валя отдалась воспоминаниям, поминутно вытирая лицо уже совсем мокрым платком. И поняв, наконец, что слезы давно текут из глаз помимо ее воли, и не пытаясь больше сдерживать их, она зарыдала громко, уронив голову на подоконник.

— Не взял? — участливо спросила хозяйка, появившись на пороге. — Известное дело — солдат. С него взятки гладки. Наобещает, своего добьется, и — ищи ветра в поле.

И сразу слезы остановились.

— Что вы говорите, тетя Надя! Ведь у нас ничего не было, — в ужасе зашептала Валя.

— Охо-хо! — вздохнула хозяйка и вышла.

Не поверила. Слезы будто высохли. Так вот, значит, как оборачивается. Теперь все так подумают. Никто не поверит. Люди знали, что два года вместе были. И на работе все знали. Так и пойдет слава: брошенная солдатом. Да не все ли теперь равно? Бог с ними, пусть думают, что хотят. Только солдаты — самые хорошие люди. А эти красавчики, что по проспекту болтаются, и подметки солдатской не стоят.

Она поднялась, поправила волосы, умылась.

...Жизнь Вали складывалась не легко и не просто. Окончив четыре класса, она поехала из родной деревни Плоты в Курск к старшей сестре, чтобы продолжать учебу. Сестра тоже училась, и их отец, председатель колхоза Василий Верютин, посылал дочерям деньги на жизнь и на комнату. В пятьдесят втором году он умер. Вскоре, выйдя замуж, уехала сестра. Валя продолжала учиться, бережно тратя деньги, что присылала мать. Девушка не могла теперь позволить себе жить в отдельной комнате и поселилась вместе с одинокой женщиной — тетей Надей.

После восьмого класса Валя уехала в деревню на каникулы. Здесь она и решила, что не имеет больше права находиться на иждивении сильно постаревшей матери. Но и учебу бросать не хотелось. Решила поступить на работу и в школу рабочей молодежи. Так она попала в швейную мастерскую.

Жизнь Вали очень скрасила дружба с Гурамом. За год до окончания его службы им все уже было ясно, у обоих было безоблачное будущее. Чем ближе подходил срок демобилизации, тем больше говорил Гурам о том, как хорошо им будет жить вместе. И вот до отъезда остались считанные дни. В один из вечеров, когда он ушел, у Вали как-то нехорошо стало на душе. Она не могла понять, отчего испортилось настроение. После очередной встречи горький осадок ощутился еще сильнее, и она надолго задумалась. Почему он ни словом не обмолвился о том, что надо идти в загс.

Уже давно Гурам говорит только о хозяйстве. Какой великолепный у них виноградник, какие фрукты в саду («каждая груша — восемьсот граммов. Кусать нельзя — сок все зальет, резать нельзя — сок, как из крана, течет»), какие крупные орехи лезут в окно. Она узнала, в каком красивом месте пасется корова, сколько у них поросят, уток, кур, как давят виноград на вино, как закапывают в землю полные кувшины.

Валя не была избалована ни виноградом, ни большими сочными грушами. На это не хватало денег. И, конечно, радостно жить, когда такое изобилие фруктов и в доме полный достаток.

Ну, хорошо, она насытится виноградом и грушами. А дальше что? Что она делать будет? Он ни словом не обмолвился о ее работе. «Будешь полной хозяйкой в саду и в доме», — со счастливой улыбкой говорил он. А где она на комсомольский учет встанет? В домоуправлении?

Гурам говорит теперь только о хозяйстве.

А ей хотелось еще раз услышать, как он ее любит, хоть бы слово промолвил о ее глазах. Раньше он так искренне об этом говорил. Может быть, объясниться? Прямо спросить? Что же он ее больше не любит и везет домой только хозяйку, потому что мать умерла?

Нет, просить о том, чтобы он говорил о ее глазах, нельзя.

Вале вспомнилось сколько радости принесли ей четыре ромашки, которые однажды Гурам сорвал дня нее в поле, где он был на учениях. Тогда ей казалось, что обрадовали ее цветы. И вскоре она попросила его

снова сделать ей такой же подарок. На следующий день Гурам притащил великолепный букет, на который истратил, наверное, все свои деньги. Валя обрадовалась. И все-таки это было не то чувство, что она испытала, увидев четыре измятых в солдатском кармане ромашки. То был порыв сердца. Он думал о ней даже на учениях, а букет — просто выполнил просьбу. Просьбу любую можно выполнить.

Если упрекнуть Гурама, что он не говорит больше об их любви, о ее глазах, он обязательно скажет много хороших слов. Но силы в них не будет. Надо, чтобы говорить об этом хотелось самому.

Остаться в комнате Валя больше не могла. Она вышла на улицу и, чтобы никого не встретить, направилась не к центру, а в сторону гипсового завода по хорошо знакомой дороге, ведущей в мастерскую.

Как трудно решать сложные жизненные вопросы в восемнадцать лет! Посоветоваться бы с кем-нибудь, да кто же в таком деле даст совет? Раньше, о чем бы ни шла речь, у нее был умный и надежный советчик — Гурам. А теперь? Валя вдруг почувствовала страшное одиночество. Слезы снова подступили к горлу.

И все-таки она права. После того, как он хлопнул дверью и так легко отказался от нее, она не должна о нем думать. Надо найти в себе силы перенести этот разрыв. Потом будет легче. Вся жизнь впереди.

Внимание Вали отвлекло большое скопление людей у переезда. Подойдя ближе, она увидела милицию и солдат с красными флажками, оцепивших железнодорожный переезд и гипсовый завод. Пожилой лейтенант милиции уговаривал людей разойтись, взывал к их сознательности.

— А мне домой надо! — горячился паренек в форме ремесленника...

— Я же вам объясняю, товарищ, — спокойно отвечал лейтенант, — дорога перекрыта по техническим причинам, обход через Первую Советскую.

Люди собирались группами, оживленно о чем-то говорили. К одной из них подошла Валя. И здесь она узнала, что найдены снаряды и мины, которые должны были взорваться в сороковую годовщину Октября. Это известие поразило ее и отвлекло от собственного горя. «Какие молодцы, что обнаружили заговор, — подумала она, — наверное, солдаты раскопали». И перед ней снова всплыли солдатская форма и черные усики Гурама.

Валя прошла ближе к оцеплению. Здесь тоже горячо обсуждали новость, но передавали ее совсем иначе. Оказывается, снаряды действительно нашли, но никакая это не диверсия. А откуда они взялись, сейчас как раз выясняют. И опасности они особой не представляют. Район же оцепили для того, чтобы население не мешало военным.

Валя увидела старшину Тюрина, которого хорошо знала, и рядом с ним незнакомого капитана. Но она сразу догадалась, что это командир роты. Именно таким и представлялся он по рассказам ребят.

Она машинально стала всматриваться за линию оцепления. «Может быть, и Гурам здесь», — мелькнула мысль. Но вокруг были только чужие лица. «Да что же это я?» — вдруг спохватилась она, вспомнив, что решила не искать встреч с Гурамом, и быстро пошла обратно.

Домой вернулась почти совсем успокоенной. Если он мог так просто уйти, значит, не стоит он того, чтобы о нем жалеть. Значит, просто не судьба... Надо смириться.

Она приготовила постель, но спать не хотелось. Вырвала из тетради лист бумаги и начала писать:

«Дорогая мама! Новостей у меня нет никаких, все по-старому. Настроение хорошее...»

Слеза капнула на бумагу, и слово «хорошее» расплылось...

Работа началась на рассвете.

За спиной у Ивана Махалова — ранец, от которого тянутся два провода: один к наушникам, второй к длинному стержню, заканчивающемуся металлическим обручем. Обеими руками Иван держит стержень и водит им перед собой. Описывая большую дугу, точно коса, срезающая траву, только очень медленно, плывет обруч над самой землей. Тихо и монотонно жужжит в ушах. Но вот звук становится отчетливей и неприятней, точно большая муха носится под потолком пустой комнаты. Иван настораживается. Чувства его обострены. Еще медленней плывет обруч. И вот уже муха у самой барабанной перепонки. Хочется тряхнуть головой, отогнать ее.

Стоп! Именно это место под обручем таит опасность. Здесь скрыт металл. Что там спрятано, миноискатель не скажет. Может быть, под землей снаряд или мина, а возможно, просто кусок железа. Это станет ясно, когда вскроют верхний слой грунта.

Иван стоит секунду, не шевелясь, вслушиваясь, радуясь добытому звуку, оценивая его, точно настройщик музыкального инструмента. Потом кивком головы подает знак Дмитрию Маргишвили, идущему сзади, и тот осторожно втыкает в землю маленький флажок — красный треугольный флажок, похожий на те, с какими дети выходят на праздник.

Минеры идут дальше. Идут очень медленно. Торопиться нельзя. Надо выслушать каждый сантиметр земли. Надо уловить звук металла, лежащего не только под верхним слоем грунта, но и глубоко под землей. Надо искать звук металла, как опытный врач ищет посторонние шумы в сердце и в легких человека. Надо точно определить, где язва, очертить границы пораженной зоны.

Когда врач ищет поврежденное место, скрытое в живом организме, он ощупывает тело человека и ждет, пока тот скажет: «больно». Земля, начиненная минами, чувствительнее живого организма. Но она — немая. Она ничего не подскажет минеру. Солдат не имеет права ступить на пораженную зону. Под тонким слоем грунта может оказаться противопехотная мина. Она рассчитана на вес ребенка.

В нескольких метрах от первой пары минеров, параллельно им, идут старшина Тюрин и сержант Голубенко. За ними тоже остается красный след флажков. Флажки трепещут на ветру.

Медленно ступают люди, не замечая, как быстро летит время. И вот уже две пары минеров движутся навстречу друг другу. Уже сомкнулись флажки, образовав красивый, почти правильной формы эллипс. Он, как ограда клумбы. Его площадь — шестьдесят квадратных метров. И подо всей его поверхностью, под землей — металл. Что он из себя представляет?

По находке экскаваторщика Шергунова можно сделать предварительный вывод: это снаряды. Возможно, они уложены только в один ряд и на них нет взрывателей, значит, и никакой опасности нет. А может быть, это глубокий колодец, заполненный снарядами, хитро заминированными, неизвлекаемыми, к которым нельзя прикасаться. Судя по найденным образцам, так это и должно быть.

Если боец найдет заряженную винтовку, он без труда разрядит ее. Для каждого вида оружия есть только один способ зарядки. Для каждого, но не для мины. Мина — это всегда тайна. Как обезвредить мину, знает лишь тот, кто ее ставил. Те, кто снимает мину, должны сначала разгадать, как она уложена, иначе мина взорвется. Может быть, ее нельзя приподнимать с места, а на ней делай, что хочешь, хоть пляши.

А, возможно, наоборот — она взорвется от малейшего давления сверху, но без всякого риска ее легко поднять и унести. Бывает, что мину нельзя передвигать в какую-нибудь сторону, но в какую именно — неизвестно. Бывает, что с миной вообще ничего нельзя делать — ни передвигать, ни поднимать, ни давить на нее: она неизвлекаема.

Опасаться надо не только мины, но и того, что ее окружает. К ней может быть протянута замаскированная проволочка. Чтобы обезвредить мину, надо перерезать проволочку. Но случается, что именно от этого все и взлетает на воздух. Никто не знает, сколько существует способов минирования. Сколько минеров, столько и способов. Впрочем, куда больше. Каждый минер может придумать десятки способов закладки любой мины. Все зависит от его квалификации и фантазии.

Кстати, что такое мина, сколько типов и видов ее существует, тоже никто не знает, хотя в учебнике они перечислены. Сапер без особого труда превратит в мину любой снаряд. Да и не только снаряд. Все, что может взрываться, в руках опытного минера быстро превращается в мину.

Опытный минер страшен. Он может замаскировать мину так, что обнаружить ее почти невозможно. Включишь зажигание автомашины, — взрыв. Откроешь дверь в заброшенном сарайчике, — взрыв. Поднимешь с земли самопишущую ручку, — останешься без пальцев. Переходишь ручей, ступишь на единственную опору посередине потока, — погибнешь. Но опытный минер на это ставки не делает. Он считает, что против него будет действовать такой же мастер, как и он сам. Он знает, что его мину обнаружат и будут снимать. Надо сделать так, чтобы тот, кто снимает, погиб. Уже закладывая мину, он начинает поединок с невидимым врагом.

Как шахматист должен предвидеть действия противника на много ходов вперед, в зависимости от собственного хода, так и минер, закладывая мину, должен знать, что будет делать с ней противник, предугадать ход его мыслей. В этом анализе и рождается ловушка. Ловушка, которая должна обмануть бдительность противника.

Когда обнаружена мина, наступает кульминационный пункт поединка. Либо все хитросплетения разоблачены, либо бдительность обманута, и гибнут люди, техника, здания, мосты.

Если вступают в поединок два летчика, перед каждым ясная картина. Мгновенно оценивается оружие врага, его опытность, видна его машина, его маневр. В поединке минеров ничего не ясно. Обнаружив очень просто заложенную мину, опытный минер никогда не станет сразу снимать ее. Эта простота может быть обманчивой, может быть маскировкой, за которой скрыта сложная установка. И если даже неопытный человек закладывал мину, и следы неопытности видны, тот, кто снимает мину, не верит им. Они тоже могут быть лишь маскировкой.

Чтобы обезвредить мину, надо провести исследовательскую работу. Но это не работа в тиши научного кабинета или лаборатории, где главное достигается экспериментами: попробовал один способ, не получилось, — можно делать другой эксперимент, третий, десятый. Здесь эксперименты недопустимы — они смертельны.

Если мина уложена недавно, опытный солдат всегда найдет способ обезвредить ее. Если она пролежала год или больше, лучше с ней не связываться, а взрывать на месте. Надо спрятаться в укрытие и специальной кошкой, похожей на морской якорь, привязанный к длинной веревке, вытянуть ее. Если взрыва не произойдет, надо из того же укрытия расстрелять этот ВОП — взрывоопасный предмет, как его называют военные.

Ну, а если не один ВОП, а целая куча их свалена и заминирована?

И если пролежала она в земле не год, а много лет? Трогать ее категорически запрещено. Она должна быть взорвана на месте...

После того, как определили границы опасной зоны, было принято решение вскрывать грунт. Это более ответственный и более опасный этап работы. На помощь минерам пришли капитан Горелик и командиры взводов Поротиков и Иващенко. Разбились на три группы. Каждая из них, руководимая офицером, получила свой участок.

Счистив легкими лопатками только самый верхний слой земли, люди взялись за саперные ножи. Миллиметр за миллиметром офицеры и солдаты, лежа на земле, срезали грунт с эллипса, пока не обнажили содержимое склада. Пересыпанные землей, точно тюленьи спины из воды, показались десятки снарядов — с ввернутыми взрывателями, готовые к действию.

Группа офицеров молча смотрела на открывшуюся картину.

— Ясно, — нарушил кто-то молчание.

— Ничего не ясно, — как бы самому себе, сказал полковник Диасамидзе и, обращаясь к Горелику, добавил: — Надо определить глубину склада. Пока не узнаем точно, что он из себя представляет, ни к одному снаряду не прикасаться.

Возле склада остались только командир роты и его подчиненные. Отступив на метр от эллипса, прорыли вокруг него траншею, а оттуда в четырех местах сделали ходы к складу. На глубине двух метров так же, как и сверху, лежали снаряды. Еще на метр углубили траншею, снова с боков подобрались к колодцу и обнаружили, наконец, его дно. Оно находилось в трех метрах от поверхности земли.

К месту работ пригласили Диасамидзе.

— Как вы оцениваете положение? — спросил он Горелика.

— Высота — три метра, площадь основания — шестьдесят. Расчет на гигантский взрыв.

— А что внутри между снарядами? Сколько их? Как они сюда попали, для чего заложены?

Капитан молчал.

— Как попали, положим, ясно, — заметил подполковник Бугаев: — немцы заложили. А почему вся эта махина не сработала — это вопрос.

Прежде чем продолжать работу, предстояло ответить на многие вопросы. Минер не имеет права действовать, пока точно не будет знать, с чем имеет дело. Надо было раскрыть тайну ямы.

В данном случае оказалось недостаточным изучить только ее содержимое. Многое могла подсказать обстановка, при которой действовали немецкие минеры. А было это пятнадцать лет тому назад.

Годы работали на пользу врага: если мина — всегда тайна, то сотни их, пролежавшие столько лет под землей, это клубок тайн.

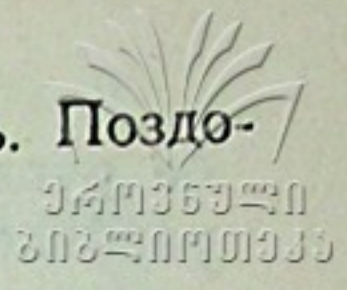
Начинать приходилось издалека. Полковникам Диасамидзе, Кирьянову, подполковникам Бугаеву и Склифусу предстояло узнать обстановку тысяча девятьсот сорок третьего года, когда немцы были изгнаны из Курска.

Поединок начался.

★ ★ ★

Пока старшие командиры решали, как быть дальше, солдатам предоставили отдых. По дороге в казарму они встретили Валу, шедшую на работу.

Встреча с Валею всегда была приятна им. А сейчас вдруг стало

неловко, будто провинились в чем-то. Да и сама она смутилась. Позд-
ровавшись, Махалов отвел ее в сторону:

— Что у вас случилось, Валя? Поссорились?

— А Гурам что говорит? — спросила она вместо ответа.

— Ничего не говорит, рычит на всех, как сумасшедший, вот и все.

— Он здесь?

— Нет, ему завтра ехать, капитан велел от всех работ освободить.

Иван увидел, как при этих словах изменилось лицо Вали, но он был совсем не приспособлен успокаивать девушку. Ему стало очень жаль ее, а что сказать, он не знал.

— Ты не стесняйся, — наконец, нашелся он, — если обидел, скажи, мы ему...

— Нет, нет, — испугалась Валя. — Ничего не надо говорить Гураму, пусть сам... И то, что меня встретили, не говорите... До свидания, Ваня, — и она вдруг быстро пошла, ни разу не оглянувшись.

— Ну, что? — спросили Ивана солдаты, дожидавшиеся в сторонке.

— Видно, обидел ее Гурам... Да разве она скажет! Все снесет, а не пожалуется.

— И что могло случиться? — пожал плечами Маргишвили. — Такая дружба народов была, а теперь — скандал.

Его шутке никто не улыбнулся.

— В другое время — не страшно, через недельку помирились бы, — заметил Голубенко, — но сегодня же последний день...

Прошли немного молча.

— А что с ямой делать будем? — опять заговорил Голубенко.

— А что с ней сделаешь, к ней не подступишься, — сказал Махалов.

— Так оставим, — насмешливо констатировал Маргишвили.

— Зачем так? — ответил Иван. — Взорвем.

— И фашист хотел взорвать. Значит, поможем ему, да?

— А черт его знает, чего он хотел, — выругался Махалов.

Что думал враг? Чего он хотел?

Ответ на эти вопросы искал военный комендант города подполковник Георгий Митрофанович Бугаев.

На протяжении многих лет, изо дня в день армейская служба ставила перед ним подобные загадки. Почти всю свою сознательную жизнь он сражался с врагом, хотя и не довелось ему участвовать в войне с гитлеровской Германией. Это были и открытые бои, но чаще всего поединки с невидимым противником, столкновения с вражеской хитростью, выдержкой, коварством, умом.

В тридцатых годах, в период непрерывных провокаций самураев на наших дальневосточных границах, совсем еще молодой лейтенант Георгий Бугаев командовал особым отрядом. У него не было постоянного места дислокации. Его хорошо вооруженные люди жили в горах. Его позывные знали те, кому положено было их знать. Туда, где были схватки, словно гром в ясный день, налетал отряд Бугаева.

Георгий Бугаев обладал характерной для простого русского человека удивительной сметкой, каким-то особым, внутренним чутьем. Его прозорливость, настойчивость и упорство поражали даже старых, выдавших виды пограничников.

Что затевал враг?

Как часто ломал голову над этим вопросом Бугаев.

Как-то, вместе с отделением бойцов, он гнал плот с продуктами. Погода изменилась вдруг, точно тайфун пронесся по реке, и снова все стихло. Но за это короткое время случилось многое. Плот отбросило на середину реки, в самое страшное место — в водоворот на крутом изги-

бе русла. С неудержимой силой его понесло на вражескую сторону и разбило на скалистом островке у самого берега.

— Оружие! — скомандовал лейтенант и подозвал сержанта Бочарова. Это был спортсмен-разрядник, лучший пловец части.

— Доплыви, Бочаров, на заставу, — тихо произнес Бугаев. — Во что бы то ни стало доплыви, прошу тебя.

Бочаров нырнул в пучину.

— Не смотреть! — негромко сказал лейтенант бойцам, провожавшим глазами товарища. И, поясняя свою мысль, добавил: — Мы будем смотреть, а японцы вслед за нами.

И, действительно, на берегу мелькнула и скрылась фигура самурая, а спустя некоторое время как из-под земли вырос и уставился на них офицер.

Его было хорошо видно. Он стоял подтянутый и стройный, точно ожидая рапорта. Бугаев никогда не видел этого человека, но по многим признакам сразу узнал его: лейтенант Кисю. Опытный, хитрый и умный потомственный самурай. Своей выдумкой и неисчерпаемой изобретательностью в нарушении наших границ, он доставлял Бугаеву немало хлопот. И втайне советский лейтенант мечтал встретить его и взять живьем. И вот — встреча состоялась.

Кисю молча смотрел на островок, словно оценивая добычу, и девять советских воинов с оружием в руках тоже смотрели на японца.

И вдруг его суровое лицо смягчилось, он улыбнулся, и такая искренняя радость и приветливость отразилась на этом лице, будто он встретил самых дорогих и близких людей. Он стоял и улыбался, не произнося ни слова, и его улыбка действовала сильнее, чем щелканье затвора.

— Если я не ошибаюсь, — заговорил, наконец, Кисю, — ко мне в гости пожаловал товарищ Бугаев.

И лицо его еще более расплылось в улыбке.

— Прошу извинить, что я называю вас «товарищ», — продолжал он, — дома вас, наверное, так называют, и мне хочется сделать вам приятное. Мне хочется, чтобы вы чувствовали себя, как дома. И, кроме того, у нас одинаковая работа. Мы должны задерживать нарушителей границы. Не правда ли? Значит мы — товарищи, — и он рассмеялся громко и весело.

Смех оборвался сразу. Лицо японца стало серьезным, но он очень просто и даже приветливо продолжал:

— Сейчас подойдет моя лодка. Вам будет удобнее, если она раньше отвезет ваше оружие, а потом налегке вернется за вами. Пока же прошу сложить оружие в одно место на землю.

Кисю говорил на чистом русском языке, не коверкая слов, с мягким акцентом. Во всем его тоне была приятная доброжелательность, и его слова об оружии выглядели так, будто хороший хозяин объясняет гостю, куда повесить зонтик.

Длинная речь японца радовала Бугаева. Главное сейчас — выгадать время. Оно часто имеет решающее значение. Но сегодня — это жизнь. Бугаев хорошо знал о событиях прошлой ночи. На нашем берегу в эту темную ночь пограничники задержали большую группу японских разведчиков. И хотя цель их прихода была ясна, но те настойчиво доказывали, будто потерпели аварию на реке. Разведать им ничего не удалось, и чтобы не усложнять обстановку, наши пограничные власти решили отпустить их, как только последует официальный запрос японцев. Нота от них пришла, но ответ на нее еще не был дан. Если Бочаров доплыл, то интернированных отпустят только в обмен на группу Бугаева. Это стало для

него совершенно ясно. Вот почему так важно было затянуть надолго переговоры.

Советский лейтенант решил принять предложенный Кисю вежливый, полуофициальный тон, завязать длинную беседу, но оружия не сдавать, на берег не высаживаться.

Он ответил Кисю, что действительно он — Бугаев, что рад теплоте приему и надеется на помощь японского офицера, который, несомненно, видел, как группа советских людей потерпела аварию. Что касается оружия, то ему кажется странным требование Кисю.

Бугаев говорил долго, каждую свою мысль тщательно обосновывал, мотивировал, приводил исторические примеры, объяснял, как его группа оказалась здесь.

Японец слушал молча, и Бугаеву стало ясно, что его тактика разгадана. Это тут же подтвердил Кисю. Властно и категорически он потребовал немедленно сдать оружие, не ответив ни на один довод советского офицера.

Бугаев попросил продолжать разговор в том же достойном тоне, ибо он, Бугаев, хорошо знает выдержку самурая Кисю, а солдаты могут подумать, будто японский офицер теряет эту выдержку.

Задев честолюбивую струнку японца, лейтенант выгадал много времени, ибо тот снова начал демонстрировать свое равнодушие и спокойствие. И все же он решительно заявил, что прикажет стрелять, если оружие немедленно не будет сдано. В доказательство его слов из невидимых ранее выступов в скалах показались стволы карабинов.

— Я вынужден буду защищаться, — заявил Бугаев и подробно объяснил, почему не может поступить иначе, какие осложнения вызовет ненужное кровопролитие.

И все же настал момент, когда тянуть больше было нельзя. Кисю уже окончательно выходил из себя, самураи приготовились открыть огонь.

Бугаев не мог посмотреть на часы, не вызвав подозрения. Ему казалось, прошло уже часа два, как они торчат на этом острове. Если Бочаров доплыл, значит, должен быть уже какой-то результат.

И лейтенант предпринял новый маневр — опасный и рискованный, но единственный для новой оттяжки времени.

— Я не могу больше кричать и вести переговоры при всех, — заявил он. — Прошу прислать за мной лодку.

Дав указание солдатам, в случае необходимости, сражаться до последней возможности, назначив старшего и взяв с собой одного человека, Бугаев сел в лодку.

И снова начались длительные переговоры, и снова настал момент, когда говорить больше уже не было возможности.

— Хорошо, — согласился советский лейтенант, — ваши условия я должен передать своим солдатам и посоветоваться с ними.

— Офицер с солдатами не советуется! — отчеканил Кисю.

— В нашей армии — советуется, — спокойно возразил Бугаев.

Сидя здесь, в палатке на опушке леса, он мучительно думал, что же еще сказать чертову самураю. И в это время японцу принесли пакет.

Ничего не отразилось на лице Кисю, когда он прочитал содержимое конверта.

— Извините, пожалуйста, я отвлекся немножечко, — доверительно сказал он, кивнув на пакет, — письмо из дому, хотелось прочитать сразу.

«Никакое это не письмо из дому, — подумал Бугаев. — Стал бы он вступать в объяснения, когда уже едва сдерживается. Еще бы! Сколько

времени прошло с тех пор, как добыча сама пришла в руки, а дело не сдвинулось ни на шаг. Нет, это не письмо из дому. Просто доплыл Бочаров и меры приняты».

А Кисю вдруг заговорил мягко и вкрадчиво:

— Знаете, господин Бугаев, не должен офицер иметь жену. Вот прислала письмо, и я уже размягчился. Я подумал, господин Бугаев: оба мы офицеры и у нас нелегкая служба. Я отпущу вас, но вы должны дать мне слово, что если я случайно окажусь на вашей территории, вы проявите ко мне такое же благородство.

— Я могу дать вам слово, — ответил Бугаев, — что если вы окажетесь у нас, действительно, в результате несчастного случая, то будете отпущены.

Спустя пятнадцать лет начальник крупного лагеря военнопленных японцев принимал очередную партию самураев разгромленной Квантунской армии.

— Господин майор Бугаев, — обратился к нему один из пленных, — надеюсь, вы не забыли данное мне слово?

— А-а, майор Кисю!

Тот вежливо поклонился.

— Положение ведь совсем другое, господин майор, — сказал Бугаев. — Я терпел стихийное бедствие, а вас взяли в плен в открытом бою. Да и, кроме того, отпустили меня вы по приказу, в обмен на ваших разведчиков.

Через месяц изобретательный майор Кисю тщательно подготовил крупный мятеж. Но Бугаев вовремя разоблачил его замысел. Мятеж не состоялся.

— Это очень опасный человек, — сказал Бугаеву генерал, — возьмите его под личное наблюдение.

Начальник лагеря не часто беседовал с Кисю, но показывал ему советскую жизнь. Показывал предприятия, местные советы, школы, клубы.

Через три года на Хабаровском процессе японских военных преступников, одним из свидетелей обвинения был майор Кисю. Он привел факты многих провокаций самураев, раскрыл подлинное лицо видных военных преступников.

Так окончился поединок двух лейтенантов...

Военный комендант города Курска подполковник Бугаев не думал, что в этом мирном городе, находящемся далеко от границы, в мирное время может встать вопрос: что задумал враг? Но этот вопрос поставила жизнь. И с прежней энергией он принялся за дело.

Чего же хотел враг?

Вот что удалось выяснить военному коменданту.

В декабре сорок второго года фашистский листок «Курские известия», выходящий в оккупированном городе, напечатал статью «Напрасная тревога», в которой оповестил, что «большевизм окончательно разбит и никогда Советская власть в Курск не вернется».

Крикливый и самоуверенный тон статьи выдавал подлинную тревогу гитлеровцев перед мощным наступлением Советской Армии. После потери Воронежа и Касторной гитлеровское командование намеревалось закрепиться в Курске. Сюда были стянуты крупные силы, подвезено огромное количество боеприпасов. Готовился плацдарм для длительного сопротивления. Однако советские войска разгромили четвертую танковую, восемьдесят вторую пехотную и добились остатков еще четырех дивизий, пришедших из-под Воронежа. Участь Курска была решена.

Перед гитлеровцами встал вопрос: что делать со складами боеприпасов, где находилось более миллиона снарядов и пятнадцать тысяч авиа-

ционных бомб? И фашисты придумали сложную систему минирования, которая должна была привести к взрыву миллиона снарядов в момент прихода в город советских войск. Такого грандиозного взрыва не знала ни одна война.

К работе приступили немецкие специалисты — пиротехники, электрики, минеры. Все было сделано для того, чтобы осуществить намеченный план.

Восьмого февраля тысяча девятьсот сорок третьего года Советская Армия освободила Курск. Но взрыва не последовало. Что же произошло?

* * *

После окончания Ленинградского военно-инженерного училища, комсомолец Анатолий Чернов был направлен в Сибирь, в одну из формирующихся частей, а спустя полгода — на Воронежский фронт. Здесь в 1942 году, на девятнадцатом году своей жизни, он получил первое боевое крещение и первое ранение. Но уже на подступах к Касторной взвод саперов под командованием лейтенанта Чернова делал проходы во вражеских минных полях. До самого Курска Чернов шел или полз впереди наших войск, убирая с их пути противотанковые и противопехотные мины, «сюрпризы», фугасы, разминировал дома, переправы, мосты.

Восьмого февраля сорок третьего года Анатолий Чернов в числе первых советских воинов появился на окраине Курска. Весь день он снимал мины, оставленные врагом. А поздно вечером его вызвал командир саперного батальона капитан Дегтярев.

— По данным разведки, — указал капитан на карту, — вот здесь, в районе Дальних парков, остался в полном порядке крупнейший склад боеприпасов. На охрану его я послал старшего сержанта Зайцева и двух солдат. Отправляйтесь туда завтра пораньше и посмотрите, что к чему.

На рассвете лейтенант Чернов вместе с саперами Картабаевым и Синицыным тронулись в путь. Шли на лыжах напрямик через пустырь. Из глубокого снега выглядывали стволы разбитых орудий и пулеметов, повсюду валялась изуродованная техника. Перепутанные, разорванные провода линий связи то прятались в снегу, то огромными спиралями вылезали наружу. Вдали виднелись остатки сгоревших домов, зияли черные воронки.

Искать склад не пришлось. Большая территория, прилегающая к трамвайному парку, опоясанная высоким двойным забором из колючей проволоки, была видна далеко вокруг.

У ограды Чернова и его спутников встретил старший сержант Зайцев. Он доложил лейтенанту, что склад занимает несколько квадратных километров и весь заполнен боеприпасами. Они находятся в трех кирпичных и более чем в двадцати деревянных хранилищах, они уложены и прямо на землю.

Саперы направились в глубь склада, по дороге заглядывая в каждое хранилище. Всюду мины, снаряды, тол, бомбы. Между хранилищами высились штабеля боеприпасов, наполовину занесенные снегом. Сразу стало ясно, что немцы бежали отсюда поспешно, не успев навредить.

Штабеля были уложены аккуратно, по всем правилам хранения взрывчатых веществ. На каждом — таблички с четко выведенными надписями: «Противотанковые мины. 1000 шт.», «Внимание! Снаряды с ввернутыми взрывателями. 203 калибр. 500 шт.», «Осторожно! Капсули-детонаторы», «Внимание! Русские снаряды». Черная, красная, желтая, сиреневая окраска снарядов и бомб указывала их назначение: бронебойные, бетонобойные, осколочные... На ящиках со взрывчаткой, похожей на фрук-

товый кисель в порошке, — той же стандартной формы надпись: «Доирит», а ниже — вес каждого ящика и общее их количество. На одной из табличек после цифры «1500» написано мелом: «Выдано 500. Остаток 1000».

Лейтенант Чернов прилично знал немецкий язык. Эти таблички, как бухгалтерская книга, как опытный кладовщик, раскрывали перед саперами все богатство трофеев. Подсчитать их было нетрудно: более семисот тонн взрывчатки, двенадцать тысяч снарядов, пятнадцать тысяч противотанковых мин, около трех тысяч авиационных бомб, два мощных понтонных парка и другое имущество. Кроме того, на подъездных путях стояло восемнадцать вагонов с боеприпасами.

В конторке, задернутая занавеской, висела схема склада с указанием, где и что находится. Выделялась надпись, сделанная крупным красным шрифтом. Она предупреждала о том, что полоса земли между внешним и внутренним колючим забором — заминирована. Видимо, там были уложены мелкие противопехотные мины типа «лягушка». Осколков у мины не бывает. И убить человека она не может. Наступишь на нее, она оторвет пальцы на ноге или пятку, даст сигнал, что на склад кто-то пробирается.

В какой же панике бежали отсюда гитлеровцы, если все оставили в таком образцовом порядке! Саперам предстояло лишь «принять» и оприходовать содержимое склада.

На всякий случай решили на выборку проверить, точны ли надписи и цифры. Чернов и Картабаев приступили к работе у одного из штабелей, а Зайцев и Синицын отправились в глубь склада.

Лейтенант и солдат пересчитали большой штабель ящиков с толком и убедились, что цифры на табличке указаны правильно. Чернов записал в свою книжечку общее количество боеприпасов по видам и назначению. Делать здесь больше было нечего.

Но что-то мешало Чернову уйти, и он злился на самого себя, не понимая, что же его удерживает в этом аккуратном складе, когда в батальоне работы по горло. И как только в голове мелькнула эта мысль, он понял: именно эта аккуратность, этот образцовый порядок, предостерегающие надписи и раздражали его. Будто фашисты заботились, как бы здесь по неосторожности не подорвался советский минер. Неужели не могли сорвать хотя бы схему склада с указанием на то, что ограда заминирована! Так выглядит склад, оставленный не противнику, а подготовленный к инспекторскому смотру.

— Ну-ка, давай посчитаем, сколько шашек в ящике! — решительно махнул рукой Чернов, обращаясь к Картабаеву.

Лейтенант подошел к одному из ящиков, у которого крышка была прижата неплотно, и чуть-чуть приподнял ее. Приподнял настолько; чтобы увидеть, не тянется ли за ней проволочка, веревочка или цепочка — эти извечные враги минеров.

— Осторожно, гвозди! — испугался Картабаев, видя что лейтенант чуть ли не всовывает голову под крышку. Но солдату показалась излишней сверхосторожность лейтенанта в этом складе, где о любой опасности предупреждали надписи. И в самом деле — ничего опасного на внутренней стороне крышки лейтенант не обнаружил. Он увидел лишь толовые шашки, сверху занесенные снегом. Но и это, конечно, естественно, потому что крышка была закрыта неплотно, и снег намело в щели. Можно было смело открывать ее. Но Чернов медлил. Он повернул голову и, казалось, уже не осматривал, а выслушивал ящик. Потом он совсем открыл крышку и приложил ухо к шашкам.

«Тик-так, тик-так, тик-так», — услышал он теперь совершенно отчетливо.

— Вот тебе и таблички! — сказал Чернов, разгибаясь.

— Эм Зэ Дэ! — поразился Картабаев, тоже выслушав ящик.

— Да, мина замедленного действия. Предупреди Зайцева, бегом! — скомандовал лейтенант, снова наклоняясь над ящиком. Он начал аккуратно расчищать пальцами снег. Показался винт толщиной в карандаш, с большой плоской головкой. От него тянулась тоненькая цепочка. Вот она где, проклятая!

Прежде всего надо убрать снег, установить, куда идет эта цепочка.

Погода стояла теплая, снег подтаял, превратился в плотную, тяжелую массу. Отделять его от цепочки трудно. И хотя было тепло, сразу же замерзли кончики пальцев, закололо под ногтями. К счастью, цепочка оказалась короткой, и второй ее конец свободно болтался. Значит, опасность представляет не она...

Вернулся Картабаев, и лейтенант послал его осмотреть соседнее хранилище.

Время от времени дуя на пальцы, отогревая их подмышками, Чернов очищал снег, пока не оголил весь корпус часового взрывателя. Он был похож на графинчик с узким горлом. Такой механизм лейтенант видел впервые. Надпись «I Feder 504» ничего ему не говорила. На корпусе — маленькое стеклянное окошко. Сквозь него видно красивое зубчатое колесико-маятник. «Тик-так, тик-так», — выстукивает оно.

Колесико отсчитывает время, оставшееся до взрыва.

Как остановить часы, лейтенант не знал, значит и браться за это дело не следовало. Он решил поскорее унести ящик на пустырь, подальше от этого огромного склада, а там уж подумать, что с ним делать. Собственно, и думать нечего. Положить в воронку и взорвать из укрытия. Подходящую воронку он видел на пустыре. Взрыв будет небольшой и вреда не принесет.

Чтобы не терять времени до возвращения Картабаева. Чернов решил пока проверить, не связана ли мина замедленного действия с другими ящиками. Руками и ножом расчистив вокруг снег, он попытался немного приподнять опасный груз. Ящик не шелохнулся. Лейтенант сделал еще одну попытку сдвинуть ящик с места, потом напряг все силы, но результат был тот же. Он испугался: такой груз обычно может поднять и унести один человек. А тут...

После тщательного осмотра штабеля у лейтенанта совсем опустились руки. Весь верхний ряд — штук двадцать ящиков оказались соединенными между собой намертво и представляли единое целое, как ячейки в сотах. Видимо, сначала сбили гвоздями их боковые стенки, а потом заполнили шашками.

Можно повытаскивать шашки из соседних ящиков, раздобыть пилу, перерезать дощечки и высвободить ящик с миной замедленного действия. Но все это сложно и займет много времени. Да и какая гарантия, что верхний ряд так же намертво не соединен с нижним? Наверняка соединен!

Нет, не удастся лейтенанту унести мину. Враг оказался хитрее. Он предвидел такое легкое решение и лишил советского минера возможности выполнить его.

Оставался последний выход: вернуться к уже отвергнутому плану — остановить часы.

Враг знал, что будет единственный выход — обезвредить мину на месте. Он подготовил и здесь «сюрприз». Так думал Чернов. И он вступил в борьбу с невидимым врагом.

Как молоточек будильника застучит по звонку в ту минуту, на которую поставлена стрелка, так и здесь острие бойка поразит капсулю точно в назначенное врагом время. Но стрелка будильника показывает, когда будет звонок, а когда сработает часовой взрыватель, знает только тот, кто его ставил. По делениям на дисках и штифтику можно определить, через сколько времени после установки механизма должен быть взрыв. Но как узнать, когда сделана установка? Когда завели часы? Это тоже известно только врагу. А колесико — тик-так, тик-так, тик-так... Может быть, оно отсчитывает последнюю минуту огромного склада и всего города, и остались только секунды, чтобы остановить механизм. А возможно, взрыв должен произойти через несколько дней, и есть еще время спокойно во всем разобраться, посоветоваться, доложить командиру. Но рассчитывать на этот наиболее удобный случай сапер не имеет права. Он обязан немедленно обезвредить склад. Он не покинет этот арсенал, внутри которого заложена мина замедленного действия. Он должен остановить часовой механизм!..

Началась работа минера. Работа нервов. Только нервов и мозга.

По надписям, делениям, цифрам, указателям Чернов определил, что перед ним часовой взрыватель, рассчитанный на двадцать одни сутки. Поставлен он на пять дней, четыре часа и десять минут. Но когда он поставлен? Когда истекут эти дни, часы, минуты? С момента изгнания оккупантов прошел один день. Если часы завели перед самым бегством, значит впереди много времени. А если механизм работает уже шестые сутки?

Красный треугольник подвижного кольца, опоясывающего корпус, стоит против красной риски: часы поставлены на «взрыв». Об этом говорит и надпись «geht», что означает — механизм «идет». Надо повернуть кольцо так, чтобы красное острие совместилось с белой риской, где написано «steht» — стоит. Но надо ли? Может быть, именно на этот поворот кольца и рассчитывал враг? Повернешь кольцо, и оно сработает, как выключатель, соединятся скрытые контакты, и грохнет взрыв, каких еще не знала война: ведь только на этом складе сосредоточены тысячи тонн боеприпасов. Можно отвернуть нижнюю крышку и посмотреть, что внутри. Но можно ли?

Стоять и раздумывать определенно нельзя. Ведь часы не стоят, а идут. Каждые полсекунды об этом напоминает тиканье маятника. Как огромно искушение покрутить, повертеть эти кольца, винты, штифтики. Ведь должен остановиться маятник!

Должен. Но экспериментировать нельзя. И трогать ничего нельзя, пока не будет разгадана тайна мины. Повернуть что-либо можно только в том случае, если есть гарантия, что за этим не последует взрыв. А где взять такую гарантию, когда способ минирования неизвестен?

Снимать такую мину — всегда трудно. Но если в ней часовой механизм, человека со слабыми нервами она может свести с ума. Это монотонное, едва уловимое тиканье, ритмичное, назойливое, неотвратимое, заставляет прислушиваться к нему, не дает сосредоточиться, подавляет волю.

Человек прислушивается, ждет удара и ничего не может делать.

Экспериментировать нельзя! Надо собраться с мыслями, надо спокойно, ничем не отвлекаясь, не прикасаясь к мине, не торопясь, разгадывать ее тайну.

«Ско-рей, ско-рей, ско-рей», — тикает проклятое колесико. Взгляд устремляется к нему. Его хорошо видно сквозь стеклянное окошко — это новенькое, отшлифованное, сверкающее медью, зубчатое колесико! Тик-так, тик-так...

Над ним — тоненькая, словно из волоса, спиральная пружинка. Она свивается и развивается. Кажется, что она дышит. С каждым вдохом и выдохом колесико мечется то вправо, то влево. Каждый его поворот отсчитывает полсекунды. Тик-так — одна секунда. Вдох-выдох — еще одна. Какой-то вдох или выдох будет последним.

Часы идут. Очень точные, тщательно выверенные, сработанные на алмазных камнях лучшими немецкими мастерами. Тот, кто приказал поставить их сюда, будет по секундомеру ожидать взрыва. Они не подведут его. Они не отстанут и не уйдут вперед. Они выполнят его волю. Он будет точно знать, в какую минуту посылать разведывательный самолет, чтобы определить размеры бедствия. Он будет точно знать минуту, на которую назначить атаку.

Но волю противника должна, обязана сломить воля минера.

Смотреть на маятник нельзя, как нельзя верхолазу смотреть вниз: работать не сможешь. Но оторвать взгляд от маятника трудно. Это единственная видимая деталь работающего механизма. Именно она отсчитывает секунды, оставшиеся до взрыва. Она притягивает, околдовывает. Она подчиняет мысли и движения своему ритму. К этому подходят любые слова. И маятник отстукивает в голове самые страшные из них: «не-снять, не-снять...» Этот ритм парализует, уводит минера от его дела, навязывает мысли ненужные, вредные.

«На каком же ударе должен быть взрыв?»

«Сей-час, сей-час, сей-час...»

Грохнуть бы кулаком по этой нежной пластмассовой оболочке, раздробить к чертям стеклышко, колесики, штифтики...

Такие мысли — первый шаг к поражению. Значит, нервы уже не выдерживают. Бесполезны эти грозные слова, несерьезны. Они взвинчивают, расслабляют волю. Прочь их из головы!

Если человек торопится, он должен все делать быстрее. Быстрее идти или бежать, дать большие обороты станку, сильнее нажимать педаль акселератора. Когда тикает мина замедленного действия, остановить часы надо немедленно. Минер должен действовать очень быстро. И поэтому у него должно хватить силы воли работать не торопясь. Надо суметь вырваться из ритма часов, не включиться в скачки маятника.

Лейтенант Чернов понял, что остановить часы без риска не сможет. Но легко рисковать, если речь идет только о собственной жизни. А кто же дает право рисковать жизнью дивизий, только что освободивших Курск: жизнью самого города, полуразрушенного, но уже свободного, уже советского!

Позвать кого-нибудь? Но ведь часы идут — эти точные калиброванные часы с красивым маятником! Они совершенно отчетливо выговаривают: «Уй-дешь — взорвусь, уй-дешь — взорвусь...» И лейтенант Чернов принимает окончательное решение: не останавливать часы, а отделить от тола часовой механизм и унести его.

Но как же трудно, как мучительно трудно и страшно выполнять это решение. И все-таки оно уже принято — твердое, непоколебимое, вселяющее уверенность. Оно уже заглушает тиканье маятника, уже нет назойливого вопроса: «что делать?» Действовать! Взгляд теперь прикован к узкой части корпуса, где ударный механизм соединяется с часовым. В нее ввинчен капсулдержатель, куда в свою очередь запрессован капсуль-воспламенитель. Снизу, в приливе — капсуль-детонатор. И все это загнано в гнездо запальной шашки.

Воспламенитель, детонатор, запал. Их надо разъединить. Капсули — нежные, как одуванчик. Они не терпят внешнего воздействия, как

и оголенная рана. Но они плотно загнаны один в другой, ввинчены в запальную шашку. Надо снять бинт с этой «оголенной раны», не коснувшись ее. Надо разъединить воспламенитель, детонатор, запал.

Теперь минеру ясно, что делать. Теперь все зависит от его искусства. Беззаботно тикают часы. Окоченевшие пальцы ощупывают холодный металл и пластмассу. Жарко. Спина вспотела, намокла рубаха. Чернов отодвигает на затылок шапку, сбрасывает шинель. Ветерок обдувает влажные волосы, холодит спину. В мирное время человек бы простудился. На войне простуды не бывает. Да разве может сейчас прийти в голову нелепая мысль о простуде?

Лейтенант склонился над механизмом... Кончики пальцев очень чувствительны. В них тоненькие разветвления нервных веточек. Острия веточек подходят почти к самой коже. Надо все делать только кончиками пальцев. Надо чаще отогревать и растирать их, чтобы они не потеряли чувствительности...

Ветер высушил влажные волосы. Минер растирал о них пальцы, плотнее надвигал шапку. И снова лоб покрывался испариной, снова на затылок отодвигалась ушанка...

Беспомощным, ничтожным и жалким показался Чернову писк зубчатого колесика, когда часовой механизм был извлечен из ящика. Отойдя метров на двадцать от штабеля, лейтенант положил на снег взрыватель. Пусть теперь тикает.

Зайцев, Картабаев и Сеницын обнаружили несколько мин замедленного действия точно такого же типа, как первая. Значит, снимать их теперь легко. Разгадал одну, смело берись за другие.

Так мог решить кто угодно, только не сапер. Сапер знает, что одну и ту же мину можно заложить десятками способов. Прием, с помощью которого обнаружена одна мина, может привести к взрыву другой. Надо все начинать сначала. И снова два этапа: нервы и мозг, нервы и кончики пальцев.

Когда стемнело и работать уже было нельзя, саперы подсчитали трофеи. Двадцать три часовых взрывателя лежали на снегу. Их извлекали из толовых ящиков, из донорита, из хвостового оперения авиационных бомб.

Солдат Сеницын разгадал, как остановить часы. Старший сержант Зайцев обнаружил под снегом детонирующий шнур, соединявший между собой все хранилища. Как от поворота выключателя зажглись бы все лампочки, подведенные к одной сети, так и удар бойка в капсулу на одной установке повлек бы мгновенный взрыв на всех остальных.

Взяв образцы часовых механизмов, лейтенант Чернов отправился в штаб армии. Он доложил обстановку. В ту же ночь на склад был послан батальон саперов. Они извлекли более сорока взрывателей. Хранилища и штабеля были полностью обезврежены.

* * *

Военный комендант Курска подполковник Бугаев отыскал след лейтенанта Чернова. Анатолий Александрович Чернов служит ныне на одной из северных военно-морских баз. Он подробно рассказал о том, что делалось в Курске в период изгнания оттуда фашистов.

Получив еще ряд дополнительных данных, полковник Диасамидзе и его помощники полностью восстановили обстановку февраля сорок третьего года. Советская Армия наступала, и гитлеровцам стало ясно, что вывезти из Курска накопленные ими миллион снарядов и пятна-

дцать тысяч авиационных бомб не удастся. И они решили взорвать свои склады, когда в город войдут советские войска.

Одновременный взрыв такого гигантского количества боеприпасов мог нанести неизмеримый урон. Погибли бы город, все войска и техника, расположенные на десятках квадратных километров. А силы здесь были собраны не малые.

Такого большого взрыва за время войны не было, и враги рассчитывали, конечно, и на угнетающее моральное его воздействие, на дезорганизацию в войсках фронта.

Справедливости ради надо сказать, что для противника это был наиболее выгодный план, который он тщательно продумал и хорошо подготовил. Снаряды находились в эшелонах на станции и на нескольких крупных складах. В каждом из них оказались десятки мин замедленного действия. Минирование осуществлялось с таким расчетом, чтобы при любых условиях была гарантия, что взрыв произойдет. Если раскроют и обезвредят одну установку, сработает другая. Ее, в свою очередь, страховала третья, четвертая... десятая. Если оказались бы обнаруженными все установки на одном складе, в «запасе» оставались другие хранилища и эшелоны на железной дороге.

Для еще большей уверенности в том, что от взрыва одного склада по детонации взорвутся остальные, поставили промежуточный детонатор. Это и была та яма, которую впоследствии обнаружил экскаваторщик Шергунов. Ее заложили на пустыре, как бы в центре складов. Она находилась в пятистах метрах от эшелонов с боеприпасами и в полутора километрах от хранилищ, разминированных Черновым. Взрыв на любом складе по детонации вызвал бы взрыв снарядов в яме, который в свою очередь передался бы на остальные базы.

Такую сложную систему минирования и тщательную ее маскировку нельзя было осуществить перед самым отступлением. Судя по часовым взрывателям, к работе приступили за неделю до предполагавшегося отхода. Часы пришлось установить не на короткий срок, а на несколько суток. Все часовые механизмы должны были сработать одновременно, в первую ночь после прихода советских войск.

Обнаружить и обезвредить в такой срок всю эту сложную систему не представлялось возможным, и враг хорошо это понимал. Время было ограничено его волей, ходом часов.

Почему же не сработал точно рассчитанный механизм?

Причин здесь несколько. Прежде всего потому, что по приказу командования Воронежского фронта, наши войска должны были вышибить гитлеровцев из Курска на несколько дней раньше, чем те собирались покинуть город. Во-вторых, потому, что наши дивизии сумели выполнить приказ командования. Это коренным образом изменило положение. Свои расчеты враг строил на том, что все пойдет по его планам. Но наше командование поломало эти планы, навязало врагу свою волю. Советские саперы получили большой резерв времени. В запасе у них оказалось от трех до четырех суток. Немецкий план провалился. В-третьих, потому, что в нашей армии воевали такие саперы, как Анатолий Чернов, которые были способны разгадать и парализовать все хитросплетения вражеских минеров.

Ну, а почему же не обезвредили в сорок третьем году и яму?

После того, как были разминированы все крупные склады, она потеряла свое значение. Ставка, которую делали на нее враги, была бита.

Специальные команды подсчитали трофеи и вывезли миллион снарядов и пятнадцать тысяч авиационных бомб. Но то, что сделали немецкие специалисты-минеры в глубокой яме, оставалось тайной.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Город залечил раны и шагнул далеко вперед. В районе, где намечался взрыв, выросли новые предприятия, десятки корпусов рабочего поселка, сотни домиков индивидуальных застройщиков.

А глубоко под землей так и остались скрытые от глаз людей боеприпасы, тая в себе много неожиданностей и огромную разрушительную силу. Остались механизмы, сделанные фашистскими пиротехниками, электриками, минерами.

Искать мину в сорок третьем году на пустыре, где находилась яма, было бессмысленно. Он был, как градом, усеян осколками и остатками разбитой техники, а значит миноискатель не выделил бы из этой массы снаряды или мины. Но главное — в тот момент, если даже и предположить, что на пустыре имелись спрятанные боеприпасы, после ликвидации главных складов, они опасности не представляли.

Эта яма осталась как одна из бесчисленных ран войны, которую невозможно вылечить в один день, как нельзя было в такой срок восстановить все разрушенное.

Курск залечил свои военные раны. Осталась последняя. Последнее испытание.

* * *

Группа офицеров снова собралась у ямы. Люди молча смотрели на холодные, немые глыбы металла. Сотни снарядов и мин словно выгрузили из самосвала. Но так могло показаться только в первую минуту, или несведущим людям.

Бронебойные, фугасные, осколочные, кумулятивные, бетонобойные снаряды и мины были уложены опытной рукой, чтобы никто больше не мог к ним прикоснуться.

Существует инструкция, как хранить снаряды в безопасности. В ней много пунктов. И, словно глядя в инструкцию, их укладывали здесь, делая прямо противоположное тому, что указано в каждом параграфе. 203-миллиметрового калибра глыбы лежали и стояли в самых опасных положениях. Их взрыватели обложены минами. Рядом кумулятивные снаряды и снова тяжелые болванки. Все это не ровным штабелем, а как пирамида, выложенная из спичек: возьмешь одну — посыплются все. Но это не спички, которые можно аккуратно брать двумя пальцами. Фугас двести третьего калибра весит 122 килограмма. Его длина — без малого метр. Как подступиться к такой глыбе? Если встать плотно друг к другу, троим хватит места, чтобы уцепиться за снаряд. На каждого человека придется больше двух с половиной пудов.

Но можно ли поднимать снаряд? Какая гарантия, что снизу к нему не припаяна проволочка? А то, что пирамида заминирована, сомнений ни у кого не вызывало. Что, например, делать с кумулятивным снарядом, или, как его еще называют, бронепрожигающим? Он не дает осколков. Он прожигает броню сильной струей газа. Его тоненькая оболочка почти разложилась.

Глубокий след оставили на снарядах пятнадцать лет их подземной жизни. Металл изъеден, точно поражен страшной оспой, предохранительные колпачки проржавели и развалились. Проникшая внутрь влага вызвала химическую реакцию. Желтые, белые, зеленые следы окисления расползлись по ржавой стали. Как и на чем держится вся эта смертоносная масса, трудно понять.

И все же она держится. А если пошевелить ее? Какая гарантия, что на обнаженных взрывателях не появилась белая сыпь?

Белая сыпь. Это не тиф. Это страшнее. Ее порождает гремучая ртуть, которой начинены взрыватели. При долгом и неправильном хранении она выделяет едва заметные кристаллики. Точно щепотка пудры, выбивается она наружу и прилипает к маленькой медной гильзе. Если провести по ней человеческим волосом, произойдет взрыв.

Белая сыпь! Можно ли уберечь ее от песчинки в этой массе земли, камней, гравия, металла? Можно ли прикрыть ее от дождевой капли, от случайно залетевшей мухи?

Время свершило свое дело — снаряды стали неприкасаемы. Оно не задело только взрывчатки. А в ней та же страшная разрушительная сила, что и пятнадцать лет назад.

С неумолимой очевидностью и железной логикой само по себе пришло решение: взорвать склад на месте.

С тяжелым чувством подписали акт полковник Диасамидзе, подполковник Склифус и еще девять человек.

И снова собрались партийные и советские работники, директора предприятий, представители железной дороги. Молча выслушали они результаты разведки.

— Тщательная проверка установила ряд признаков чрезвычайной опасности для транспортировки, — говорил военный инженер. — Согласно действующим наставлениям, наличие любого из этих признаков, хотя бы одного, категорически запрещает передвигать боеприпасы. Мы обязаны взорвать их на месте. Зона поражения при взрыве, — закончил он, — достигнет почти тридцати квадратных километров.

Общий вздох, как стон, вырвался из груди людей. Ошеломленные, они еще молчали, когда им было предложено подготовить план эвакуации оборудования и готовой продукции на предприятиях, расположенных в первой, наиболее опасной зоне.

— Мне готовиться нечего, — тяжело поднялся, наконец, с места директор гипсового завода С. Выменец. — Завод будет снесен почти полностью, вместе со строящимся цехом сборного железобетона. А готовой продукции у нас нет. Колхозы трех областей забирают сборные хозяйственные здания, которые мы делаем, как только они выходят из цехов. Вот... судите сами... — И, беспомощно разведя руками, он сел.

— Собственно говоря, и мне нечего готовиться, — сказал главный инженер отделения дороги К. Костылев. — Судя по сообщению, которое мы услышали, в результате взрыва будет разрушен большой участок магистральной линии Москва — Ростов, вся южная горловина станции и повреждено много станционных путей вместе с устройствами связи, сигнализации и автоблокировки.

Он умолк, как бы собираясь с мыслями, но тут заговорил председатель райсовета И. Нагорный:

— В названную зону поражения попадают все корпуса нового рабочего городка и, примерно, семьсот маленьких домов, с общим населением около двести тысяч человек... Что же вы, шутите, что ли! — неожиданно зло выкрикнул он, неизвестно к кому обращаясь, и резко отодвинул стул.

Один за другим поднимались директора заводов передвигных агрегатов, счетных машин, руководителей предприятий, учреждений, баз, складов, начальники строительства. И с той же неумолимой очевидностью, как было ясно, что снаряды надо взрывать на месте, люди поняли, что на месте их взрывать нельзя.

Решили через полчаса собраться у здания обкома партии и облисполкома и идти к руководителям области.

Расходились молча, хмуро, не глядя друг на друга, каждый занятый своими мыслями. Не спросив разрешения, быстро покинул кабинет и ка-

питан Горелик. Ушли все. Только один полковник Диасамидзе остался сидеть, грузно навалившись на стол. Его одолевало собственное бессилие. Ни совесть, ни закон не давали ему права приказать своим подчиненным разбирать эту грудку снарядов.

Четкий, как команда, голос раздался за спиной:

— Разрешите обратиться, товарищ полковник?

Он медленно и тяжело обернулся. Перед ним стояли капитан Горелик, старший лейтенант Поротиков и лейтенант Иващенко.

Всех троих поразило лицо и вся фигура их боевого командира. Как не похож стал он вдруг на самого себя! Никогда они не видели у него таких усталых и грустных глаз. Почему-то отчетливей стали седые пряди меж иссиня-черных волос.

Офицеры давно и хорошо знали его — одаренного командира, человека огромной воли, отваги и мужества, большой принципиальности и чистоты. Эти качества привели его к званию Героя Советского Союза, а полк — к гвардейскому знамени. Это — депутат городского Совета и член партийной комиссии округа. Это — удивительно веселый, общительный и остроумный человек. Он не упустит повода на вечерах, чтобы не разойтись в лихой лезгинке. И как трудно представить себе, что все его тело в рубцах и глубоких ранах. Он — отзывчивый муж, заботливый отец. Очень занятой офицер, но все, что он делает, словно доставляет ему удовольствие. У него всегда хорошее настроение.

И вот он сидит осунувшийся, постаревший. Офицеры увидели перед собой человека, охваченного горем, которое он и не пытается скрыть.

И, действительно, в акте, где он поставил свою подпись, в выступлениях директоров предприятий что-то больно жгло его. И этот документ, и слова людей он воспринимал как укор, как обвинение лично его в бессилии. Да и в самом деле, — сейчас он бессилен. Кто знает, будь он минером, может, и ринулся бы в это рискованное дело сам, в нарушение всех инструкций. Благо есть такой пункт в уставе, дающий право в известных условиях действовать сообразно обстановке. Но ведь он — общевойсковой командир.

В комнате было тихо, и в этой тишине особенно резким показался телефонный звонок.

Полковник знал, что сюда, в кабинет директора завода, никто ему не позвонит, и трубки не поднял. А телефон продолжал настойчиво кого-то звать, и Диасамидзе вынужден был ответить.

— Это ты, Миша? — раздался женский голос. — Ну, как тебе не стыдно, все телефоны обзвонила, чего ты еще забрался на гипсовый завод, у вас же есть хозяйственники.

Полковник улыбнулся:

— Нет, Асенька, тут мне самому надо, а что случилось?

— Как что? Обедать давно пора.

— Да, да, верно. Страшно есть хочется.

Совсем не хотелось полковнику есть. Но он знал, что хороший аппетит радует жену: это признак хорошего настроения.

Поговорив с женой по телефону, полковник снова посмотрел на офицеров.

— Слушаю вас, — устало сказал он.

— Мы просим разрешить нам вывезти снаряды и взорвать их в безопасном месте, — доложил капитан.

Когда все существо полковника, все мысли сосредоточились и, казалось, уперлись только в два слога: «Что делать?», когда только он обязан был найти решение этого проклятого вопроса, оно пришло само по себе.

В какое-то мгновение его переполнили радость и чувство гордости за своих людей. Он не мог скрыть улыбки. Это была чистая, отцовская наивная радость.

И в этом состоянии, когда теплые чувства нахлынули на него, будто за пределами сознания и мыслей, что-то остро кольнуло, оставив горький осадок.

Еще несколько минут назад полковник не имел права послать своих подчиненных на это задание. А сейчас имеет.

Имеет ли? Ну, конечно, от него требуется только одно: разрешение. Вот они стоят и ждут. И он должен позволить им идти в эту яму, откуда можно и не вернуться. Должен разрешить этим троим, молодым и сильным, и их солдатам, еще более молодым, рисковать жизнью в мирное время.

А если не разрешить,—никто не погибнет. Так он и должен сделать. Ведь вот в руках акт, его подписало много людей, другого выхода нет.

Но — заводы, дома, имущество мирного населения?

Нет, не легче стало полковнику от предложения офицеров.

Он сидел молча и злился на свою нерешительность.

В его собственной жизни не раз бывали трудные минуты, но как будто он всегда знал, что делать. Он быстро принимал решения, и, хотя они тоже были связаны с риском, но сразу легче становилось их выполнять.

Впервые смелый, как ему тогда казалось, шаг он сделал в момент поступления в военное училище. Оно находилось далеко за городом, и всех поступающих разместили в казармах. После экзаменов он нашел себя в списках непринятых.

— Почему? — спросил он. — Ведь экзамены сданы хорошо.

— Не хватило двух сантиметров в росте.

Но разве он виноват?

Когда непринятым предложили забрать документы и строиться для отправки в город, Миша Диасамидзе спрятался. Потом построили колонну молодых курсантов и направили в баню. Последним решительно шагнул Миша. Из бани он вышел первым и первым получил обмундирование. Кому-то не хватило комплекта. Старшина сделал строгое замечание кладовщику за просчет, и все уладилось.

На первом же занятии во время переключки преподаватель не назвал фамилии Диасамидзе. Миша встал и бодро заявил об этом. Не в меру ретивый староста группы дал авторитетную справку, что Диасамидзе состоит именно в этой группе, и в журнале появилась его фамилия. Механически она перешла и в другие списки.

И все же почти через месяц Мишу разоблачили. Никто не мог понять, как он попал в число курсантов. После бурного заседания и взаимных упреков в потере бдительности, начальник училища спросил:

— А все же как он показал себя?

— Знания отличные, дисциплина образцовая, — ответил начальник курса.

— По бегу и прыжкам в высоту занял первое место, — добавил физрук.

И люди смягчились, заулыбались.

— Будем считать, что два сантиметра в росте возмещаются его настойчивостью, — заключил начальник училища.

Так началась его военная жизнь, к которой он стремился буквально с детских лет.

Впервые военные способности молодого командира проявились во

время боев у озера Хасан. И здесь было ясно, что делать: взять высоту 588,3 и держать ее до прихода подкрепления. Такой приказ получил командир учебного батальона комсомолец Михаил Диасамидзе.

Самураи не успели укрепиться и не ожидали удара: в этом районе, кроме учебного батальона, войск не было. Высоту взяли. А вот удержать ее обычными средствами при малых силах, когда враг стянул сюда много войск, не представлялось возможным.

С полночи и до рассвета японцы обрабатывали высоту артиллерийским и минометным огнем. Они вспахали каждый метр ее вершины. Ничто живое уцелеть там не могло.

Рано утром самураи пошли в атаку, хорошо зная, что серьезного сопротивления не встретят. Но у самой вершины на их цепи обрушился шквальный огонь.

Откуда же он взялся? Как уцелели солдаты Диасамидзе?

Очень просто. Он понял, что на высоте потеряет свой батальон под артиллерийским и минометным огнем. Блестяще организовав разведку, он увел бойцов вниз, и японцы били по пустому месту. А к моменту атаки советские воины, невредимые и отдохнувшие, уже сидели в окопах.

В двадцать семь лет Михаил Диасамидзе стал командиром полка. А еще через год он повел свой полк под Сталинград. Здесь в полной мере проявились военная одаренность и безграничная отвага, глубокие знания военного дела и любовь к Родине коммуниста Михаила Степановича Диасамидзе.

В декабре тяжелого сорок второго года газета «Красная Звезда» в передовой статье писала:

«Полк Диасамидзе за пять дней подвергся 30 контратакам. В истории войн не легко найти такой пример, когда в течение пяти суток, в среднем каждые четыре часа, враг штурмовал бы позиции полка... Все немецкие контратаки предпринимались с пятикратным и шестикратным превосходством в силах... Немцы совершили над позициями до 1500 самолето-вылетов и сбросили 7—8 тысяч бомб... Не меньше снарядов выбросила на рубеж и артиллерия...»

Полк выстоял. Он уничтожил сорок танков, артиллерию, пехоту.

Подвиг, совершенный полком Диасамидзе, писала газета, «перекрывает все представления о человеческой выносливости, выдержке и воинском мастерстве».

Широко разнеслась о нем слава. Один из видных деятелей партии, Ем. Ярославский в своей статье в «Правде» справедливо назвал Героя Советского Союза Диасамидзе «защитником Сталинграда».

Описывая в «Известиях» наиболее выдающиеся подвиги и мастерство советских воинов, писатель Николай Семенович Тихонов не мог обойти и Диасамидзе.

«Окидывая мысленным взором происходящее,—писал он,—мы слышим голоса славы, сливающиеся в дружный хор победы. Пространства, имеющие самые разные судьбы в прошлом, объединены сейчас одной судьбой. Народы, разобщенные вековыми несправедливостями, соединились под одним знаменем в общей борьбе.

...Голоса эпоса звучат, как серебряная труба. Как с черными каджами, сражается с немецкими полчищами Герой Советского Союза, сын грузинского народа Диасамидзе. Искусны были герои грузинского древнего эпоса, но не уступит им Диасамидзе. Не к нему ли относятся слова безымянного певца седой древности, живописавшего подвиги Ами-

рана, который, увидев бесчисленных врагов, встал, пошел, чтобы доказать им:

Слава в ножнах не тупа.
Как шагнет он вражьей ратью,
Всюду мертвая тропа.

Мертвой дорогой сделал Диасамидзе дорогу немецких батальонов, сожженными танками обставил ее, как факелами».

В знаменитой Сталинградской битве подполковнику Диасамидзе было очень трудно. Но его не мучил вопрос: что делать? Когда немецкие танки стали окружать его командный пункт, он приказал штабу перейти на запасный, а сам с двумя офицерами остался на месте, потому что обстановка требовала обязательного его присутствия именно здесь. Когда осколком снаряда ударило в бедро, он продолжал стрелять из своего противотанкового ружья, и ему было ясно, что иначе нельзя. Когда пулеметная очередь из танка пробила колено, тоже стало ясно: стрелять он больше не может. Но он успел уже подбить две вражеские машины, и столько же вывели из строя помощники. А полк знал, что его командир находится на своем месте, и получал все необходимые приказания. И когда его увезли в госпиталь, он знал, что делать: быстрее поправиться и снова в полк.

Всю войну Диасамидзе было очень трудно, но он не помнит случая, чтобы он был в нерешительности или, тем более, совсем не знал бы, что делать.

А вот сейчас, в мирном городе, в мирное время этот вопрос встал перед ним страшной неразрешимой проблемой.

Посылать людей на смертельный риск? Но разве раньше он не делал этого? Посылал. Но вместе с ними шел сам. А главное, тогда была война. Смертельный риск стал нормой поведения десятков тысяч людей.

Солдаты его полка совершили под Сталинградом беспрецедентный подвиг. Но, оказывается, вот сейчас, чтобы разобрать, увезти и уничтожить эту грозящую смертью пирамиду, нужен такой же подвиг, который перекрыл бы человеческие представления о выдержке и воинском мастерстве.

Сумеют ли это сделать люди, стоящие перед ним?

Подтянутые, аккуратные, серьезные, в тщательно разглаженных кителях, с начищенными пуговицами и сапогами. Если бы он отбирал людей для парада...

Что толкает их идти на смертельный риск? Молодость, задор, лихость? Понимают ли, что им грозит? Как поведут себя, когда снимут начищенные и разглаженные кителя? Откуда уверенность? Будет ли она, когда останутся один на один со смертью?

У двоих семьи. Не о детях ли подумают, приступая к снарядам?

Если бы хоть раз побывал с ними в бою! Но разве только там можно узнать человека? Разве не знает он каждую черточку их характера?

Капитан Леонид Горелик... Восемнадцатилетним комсомольцем пришел он добровольно в армию в памятный сорок первый год, с третьего курса железнодорожного техникума. Вся его жизнь — в армии. Вся его жизнь связана с взрывчатыми веществами, хотя был он командиром и стрелкового, и пулеметного, и снайперского взвода. Около шестидесяти тысяч мин, снарядов и бомб, наших и немецких, обезвредил он вместе со своими подчиненными. В самых трудных случаях он удалял всех и работал один. Личного счета он не ведет, но его товарищи говорят, что этот счет достигает десяти тысяч. Десять тысяч раз он был

под угрозой смерти... Умные, пронзительные глаза, высокий лоб... Это зрелый бывалый командир, член партийного бюро части. Политотдел организовал изучение его боевого опыта и партийно-политической работы во всех подразделениях. Это мастер. На его выдержку можно положиться.

Старший лейтенант Георгий Поротиков... У него было пять братьев и пятнадцать сестер. Георгий родился двадцатым. После первой эпидемии тифа умерло четверо. Потом снова эпидемия — и снова скосило шестерых. И еще две эпидемии, и еще шестерых не стало. Выживать стали только в советское время. Да и то не все. Героической смертью пал на фронте старший брат Владимир, умерла в те страшные годы сестра Евдокия — председатель колхоза.

Шесть лет было Георгию, когда в первый раз он вступил в единоборство со смертью. В течение нескольких дней ему четырежды ставили свечки, чтобы «душа отошла». Но выдержал, и, будто, на зло всем смертям, Георгий вырос широкоплечим, высоким, атлетического телосложения.

Ему тридцать лет, и почти двенадцать из них он провел в армии. И почти двенадцать лет назад он впервые столкнулся с минами, снарядами, взрывателями. Он был солдатом, сержантом, старшиной. Шесть лет он носит офицерские погоны. Хитрости вражеских минеров он познал не только по литературе. Он извлекал мины, снаряды, бомбы из самых опасных положений. Однажды он обнаружил поле, усеянное «крыльчатками». Это крошечная бомба с пропеллером, похожим на крылышки. Ее сбрасывают с самолета, и в момент падения она не взрывается, а взводится. Она очень красиво раскрашена. Увидев такую, трудно удержаться, чтобы не поднять ее. Но любое прикосновение к ней вызывает взрыв.

Поротиков собрал в кучу тысячу пятьсот «крыльчаток» и подорвал их. Как это ему удалось, едва ли можно понять. Есть в нем трудно постижимое чутье минера и ювелирная точность в пальцах.

Лейтенант Виктор Иващенко... Ему двадцать три года. На вид можно дать меньше. Наверное, для солидности он завел себе маленькие усики. Светлые волосы, большие-большие голубые глаза. Он подтянут, строен, аккуратен. Во всей его фигуре есть какая-то едва уловимая лихость. А вообще Иващенко словно родился офицером. Да это почти так и есть. Его отец, воспитанник Военно-воздушной академии имени Жуковского, погиб в сорок третьем году. Маленького Виктора определили в суворовское училище. В его аттестате двадцать оценок — двадцать пятерок. С таким же успехом он закончил нормальное военное училище.

По соседству с Поротиковым всегда действовала группа Иващенко. Он отлично овладел техникой подрывника. Он может направить взрыв так, как задумает: в землю, в сторону, вверх. Он не теряется. У него мгновенная реакция. Однажды он поджег огнепроводный шнур, уложив шашку на груды снарядов. Спрятавшись в укрытии, он ждал взрыва. Но взрыва не последовало. Просидев положенное время, он пошел посмотреть, что случилось. Оказалось, часть шнура сгорела, а сантиметра четыре осталось. Видимо, в этом месте шнур был поломан и пороховая смесь раскрошилась. Но когда он приблизился к снарядам, остаток шнура воспламенился.

Четыре сантиметра шнура горят четыре секунды. Потом — взрыв. Убежать уже невозможно. И Виктор бросился к снарядам, схватил шашку и швырнул ее далеко в сторону. А швырнуть далеко и сильно он может. Вот уже несколько лет Иващенко прочно удерживает первое ме-

сто по штанге. И вообще, человек он решительный. Однажды, сняв на колхозном поле более ста противотанковых мин, Иващенко заявил, что на данном участке их больше нет. Но трактористы начали сомневаться в словах юноши, и к пахоте не приступали. А время было очень горячее, и председатель колхоза метался от трактористов к бойцам, не зная, что делать. Тогда Иващенко разозлился, посадил на трактор двух своих бойцов, и они вспахали все поле — восемьдесят семь гектаров.

Так поступает Иващенко при выполнении заданий. Но был случай, когда прорвалась в нем ненужная лихость и после служебных дел. И суровое наказание было..

Полковник задержал свой взгляд на молодом лейтенанте. Ему вдруг стало жалко, что так строго наказали человека, но тут же вспомнился разговор, который ему передали. Когда Иващенко объявили приказ, он спокойно заметил: «Ну что ж, наказали за дело, а убиваться не буду. Пусть падают духом те, у кого нет веры в свои силы. Такие за первым взысканием получают еще десять. А я быстро выправлюсь». И это не осталось словами...

Да, это мастера. Это умные и смелые люди. В своем деле они достигли того трудно постижимого искусства, подобного искусству китайских косторезов, на крошечном, с ноготь, кусочке кости создающих целые художественные картины, или советского мастера, вырезающего на человеческом волосе фразу из нескольких слов.

— А вы хорошо понимаете, на что идете? — после долгой паузы спросил Диасамидзе.

— Так точно, товарищ полковник! — четко ответил Иващенко. — Мы обо всем подробно говорили. Если потребуется, мы готовы жертвовать жизнью.

Полковник грустно посмотрел на него:

— Этого очень мало, лейтенант.

Что же еще можно требовать от человека, если он готов отдать свою жизнь?

(Окончание следует)

მეჩტა

ლადა

ПОЭМА

Перевод с грузинского В. Соколова

I

Не знаю, где сейчас, в какой деревне
Иль в городе каком проснулась ты.
На персиковых лопнули деревьях
Все почки. Скоро вспыхнут и листья.

Но треска этих почек ты не слышишь...

Иль, может, ливень хлещет, полный силы,
Фиалки, травы радуя собой.
Иль молнии улыбка озарила
На краткий миг прелестный облик твой.

Тебя пока не радует и это.

Ты плачешь. Мама говорит — «Не надо»,
Твоих младенческих касаясь уст,
«Не надо, милая...» А за оградой
Еловой рощи шорох, шелест, хруст.

Но и еловой рощи ты не слышишь.

Но час придет. Срок детства будет прожит.
И тоньше персикова цвета, краше роз,
Ты будешь жить, родная, там, быть может,
Где сына моего ждет сенокос.

А ты еще и этого не знаешь.

Мой маленький сынок уже резвится,
 Порхает среди сверстников, смеясь.
 Он песни учит... Может так случиться,
 Что он тебе споет их. И не раз.

Он азбуку родного слова учит,
 Чтоб в день, когда туман тоски сгустится
 Над ним при звуке смеха твоего,
 Все написать тебе на ста страницах...
 Быть может, он перед тобой смутится,
 Быть может, он не скажет ничего,
 А ночью сядет и напишет повесть.
 О сердце юном, трепетном напишет,
 Высокий, тонкий... Нужно мне немного —
 Узнать бы мне — что он в ответ услышит.

3.

Ты вырастешь... И, словно розы наши,
 Твои однажды щеки зацветут.
 Ты вытянешься вдруг. Ты станешь краше.
 Дороги вас друг к другу приведут.

Красавица, его с ума сведешь ты.

Ты, на мольбы других не отзываясь,
 Их пламени и в шутку не касаясь,
 Пройдешь немало верст, чтобы прийти
 К нему. Ты встанешь на его пути.

Красавица, его с ума сведешь ты.

Любовь его охватит, точно пламя.
 Ему, юнейшему из всех юнцов,
 Все будет чудиться, как в черной раме,
 В волнах волос твоих твое лицо.

Он о тебе, красавица, поплачет!

А может быть, судьба сулит иное.
 Быть может, он уйдет в одни края,
 Чтоб там и жить; а ты совсем в другое
 Уедешь место... Не хотел бы я,

Красавица моя, чтоб так случилось...

4.

Вы повстречаетесь на перекрестке.
 Пройдешь ты мимо. И помчатся дни,
 Когда он будет жаждать, мой подросток,
 Слегка коснуться хоть твоей тени.

И станет этот малый перекресток
Всей жизни перекрестком для него.
Любой туман, объятому печалью,
Ему твоей покажется вуалью.
Но я пока не знаю и того,

Где тот благословенный перекресток?

5.

Он те полюбит улицы в волненье,
Где ходишь ты со стайкою подруг.
Он подойдет к твоим дверям в смущенье
И про отцовский дом забудет вдруг.

Я ни на что не рассержусь. Когда же
Смущенный, он придет, отец не скажет
Ни слова. Ничего. Он, может быть,
Всю ночь тебя усталыми глазами
Искал.

Его сомнения терзали.

А я их знаю...

Будет он бродить

Там, где со стайкою своих подруг
Ты ходишь, где твой дом. Где, может быть,
Он про отцовский дом забудет вдруг.

А может быть, он так же, как и я,
Уйдет на фронт. Но — не вернется. Дома
Останется в тоске его семья,
И мать, и ты — грустя по неживому.

6.

Вот потому я не хочу войны.
Хочу я мира, света и лазури.
Чтоб не были тоской омрачены
Твои глаза в часы нежданной бури.

Я потому и не хочу беды,
Чтоб вам тягчайшей не знавать напасти.
Пусть будут виноградники, сады
Все новые цвести на ваше счастье.

Чтоб вы, родные, милые мои,
Счастливо жили без конца, без срока.
О, небеса мечты моей высокой.
О, нежная заря моей семьи.

7.

И если «нет» ему потом ты скажешь,
И если ты ему потом откажешь,
Боль сердца вечно будет с ним.

Всегда

С ним будет жить несбывшееся «да».

А я мечтаю о тебе и верю,
Что ты от нашей не уйдешь семьи.
Ждет наш порог тебя и наши двери.
И розы вечно красные мои.
Посаженные вами — многих краше —
Деревья встанут. Верю всей душой,
Моя семья предтечей будет
Вашей
Семьи большой.

Расти, мой тополь, полный сил избытка.
Расти и ты, нежнейшая заря.
Распахнутая широко калитка
В наш сад — вас ждет, о счастье говоря.

Я буду жить для вас. Себя истрачу
На то, чтоб не услышать между слов
От вас угрюмых жалоб или плача.
Похожи будьте на своих отцов.

Вы песнь отцов продолжите, как волны,
В реке рожденные одной волной.
И буду я глядеть на вас безмолвно
С портрета. Славы не хочу иной.

Пусть будет дом ваш крепкою опорой
Родной страны. Детей моих семья,
Для вас хотел я мирной жизни,
Работы. Есть в том доля и моя. спорой

1

После длительного и утомительного дознания пристав, наконец, убедился, что полицейский Петров, который вот уже двадцать три года несет службу на базаре и к тому же живет там, не может назвать ни имени, ни фамилии задержанного.

Задержанный — немой по прозвищу «Чанчура» («Замухрышка») — стоит тут же и размышляет: «Что мне делать? Куда меня привели? Что от меня хотят?»

Сколько лет Чанчуре, его национальность, в какого бога он верит, откуда родом — так и осталось вечной тайной для пристава и полицейского Петрова. Когда появился он в Тбилиси? Женат или холост? Имеет ли детей? А может быть, он, этот человечиска ростом с аршин и весом всего лишь пуда в полтора, не отбывал до сих пор воинской повинности, уклоняется от нее? Может, он, ко всему прочему, и налогов не платит? Но только откуда же знать про все это полицейскому Петрову? Как ответить на эти вопросы, если у занимающегося попрошайничеством Чанчуры, к тому же еще и немого, нет самого главного, все объясняющего, все раскрывающего — паспорта!

Конечно, в конце концов, пристав мог бы со всем этим примириться. Но одного он никак не может простить Петрову: каким же образом базарный завсегдатай, уже два с лишним десятка лет проживающий в городе, до сих пор не взят на учет и не занесен в полицейские книги?

И возмущенный подобным беззаконием, пристав начертал распоряжение: «Неизвестного по фамилии, национальности и исповеданию человека по прозвищу «Чанчура», выслать на родину». Однако он тут же осознал бессмысленность своего решения. Перечеркнул написанное и бросил Петрову:

— Отпусти! Да только поглядывай за ним! Если что — веди прямо ко мне. Как следует, слышишь, поглядывай. А то, как же это так? Двадцать три года Чанчура шляется по базару, а ты хоть бы что! Нет, брат, так не служат! Это... это... не пройдет тебе даром.. Иди, иди, говорю, да не зевай!

Так и не поняв Чанчура, с чего это чуть ли не целый час кричал пристав и грозил то ему, то Петрову.

Радостный, улыбающийся вышел он из полицейского участка и мелкими шажками поспешил обратно по направлению к базару.

Петров широко и неторопливо вышагивал вслед за ним.

«Вытурят... Как пить дать, вытурят, — думал он. — А если и смилятся, то уж — прощай, базар. И тут же решил: будь, что будет, в лепешку расшибусь, а выловлю им ночью пару воришек или социлиста какого. Сутки, двое суток не буду спать, а поймаю, обязательно поймаю!»

2

Никто, даже ни один из старожилов-мясников, не мог сказать, когда и откуда появился на базаре Чанчура, хотя все здесь знали этого немого карлика.

Колотушки, достающиеся Чанчуре, его постоянные стычки с двенадцатилетним шалопаем Артюшкой и его верной собачонкой Мурой стали для мясников таким же привычным делом, как обвешивание покупателей — всех этих слоняющихся по базару солдат, поваров, женщин, немолчный говор которых поминутно перекрывается грозными окриками полицейского Петрова.

Скрюченную фигуру Чанчуры можно было видеть на базаре каждый день. Голова у него небольшая, с кулак, плешивая. Лицо, лишенное растительности, — землистого цвета, густо изборожденное морщинами. Маленькие, величиной с фасоль, глубоко запавшие глаза. Иногда на них можно заметить следы слез, гораздо чаще они светятся улыбкой. Тщедушная, сухонькая, толщиной с запястье, бурая от грязи шея. Длиной в три вершка, кофейного цвета ноги. Ходит он босиком. Штаны, сшитые из пестрых лоскутьев, настолько коротки, что едва прикрывают колени.

Друг Артюшки — собака Мура — питает к штанам Чанчуры какую-то непреодолимую ненависть, и потому их владельцу приходится затрачивать много времени на починку этой самой необходимой части своего одеяния. Чанчура хорошо знает, что без штанов ему никак нельзя показываться на людях, так как помимо Муры у него есть еще один враг — и он даже страшнее Муры — полицейский Петров. Увидит этот полицейский человека без штанов, догонит и вмиг выдворит с базара, что больше всего страшит Чанчуру. Ибо, кто знает: есть ли что-нибудь за базаром? Но если и есть, то вряд ли будут там мясники. А коль и найдутся такие, то Чанчуру они не знают и, следовательно, вряд ли дадут ему обрезков. Дадут... Однажды бросил ему кто-то дырявые, поношенные чужаки, но в тот вечер Мура стащила их у него и невесть куда занесла. Больше, кажется, никто ничего Чанчуре не дарил. Хотя нет, одно время у него имелось некое подобие кожаной шапки, тоже подарок. Но... будь она неладна, эта противная Мура, и с чего она так люто возненавидела и Чанчуру и его вещи!

Но ни полицейский Петров, ни озорная Мура не доставляли столько горя, сколько этот шалопаи Артюшка — сын старого Дарчо.

Однажды — Чанчура не помнит точно, когда это произошло, — случилось так, что, по обыкновению, он подошел к прилавку, на котором лежали бараньи потроха, и потянулся к ним рукой. Миг — и кусок печенки очутился у него за пазухой. Старик Дарчо, завтракавший краюхой хлеба, ничего не заметил, и Чанчура уже было повернулся, чтобы незаметно уйти, как откуда ни возьмись появился Артюшка... В руке его сверкнул огромный остро отточенный нож... После этого у Чанчуры на двух руках вместо десяти пальцев осталось только восемь.

3

Утром, как только открывается базар, раньше всех появляется там Чанчура. И первое, на что он обращает свой взор, — это на лежащие на прилавках тушки, которые мясники тут же начинают разделять и раздавать подходящим к ним людям. И странное дело — мясники не колотят этих людей по голове, как колотят они Чанчуру. Они не только не отгоняют их, а, напротив, — зазывают, сами дают им мясо, да еще благодарят, провожают поклонами. Правда, все эти люди дают мясникам взамен какие-то желтые и белые кружочки. Но только для чего они, эти кружочки, мясникам, Чанчура понять не может. Лишь вспоминает, как однажды он нашел на улице точно такую же блестящую кругляшку, но пекарь Симон сейчас же отнял ее у него, а взамен дал большой кусок белого хлеба. О-о, этот белый хлеб! Только раз познал Чанчура его вкус!

То, что Артюшка относится к Чанчуре так же жестоко, как и все люди, это не удивительно. Но Мура, — бес, что ли ее попутал? Такая ласковая ко всем, она почему-то возненавидела Чанчуру, питает непонятную ненависть к его ногам и штанам. Чанчура не раз наблюдал, как кто-нибудь из покупателей ни с того, ни с сего давал Муре пинка. Но она не огрызалась на обидчика, а только жалобно скулила — так жалобно, что даже Чанчура, которому не за что было ее любить, не мог не пожалеть собаку. Он подходил к ней, чтобы приласкать обиженное животное, но та, неблагодарная, в ответ на ласку, как прежде, яростно набрасывалась на него.

Слоняясь между прилавками, Чанчура то и дело поглядывает то в одну, то в другую сторону, чтобы невзначай не попасться Петрову, высокая фигура которого видна отовсюду.

— Вот я те покажу! Я-а-а те! — раздается зычный голос Петрова, как только Чанчура зазеваается и попадет на глаза «блюстителю порядка». Размахивая плеткой, Петров гонится за Чанчурой, но благо, что у коротышки-нищего ноги быстрые, и они быстро уносят его с базара.

Ходить по тротуару Чанчуре тоже настрого запрещено тем же Петровым. Да он и сам соображает, что путаться в толпе для него небезопасно — затолкают, сомнут. Чанчура предпочитает шмыгать посреди улицы, хотя здесь, того и гляди, какой-нибудь извозчик огреет его кнутом. Но Чанчура ни на кого не обижается, безропотно принимает, как нечто неизбежное, и удары кнута, и подзатыльники, и тумачи базарных мальчишек, и плеть полицейского, и укусы Муры, и бесконечные издевки Артюшки.

Когда время перевалит за полдень и мясники уже заканчивают «раздачу» мяса, настает черед Чанчуры. В руках у него появляется толстая, заостренная с одного конца железная проволока, которую мясники не раз пытались отнять. Но, нет — Чанчура скорей расстанется с жизнью, чем:

уступит кому-нибудь это свое «копье». До полудня он где-то прячет его, а после полудня появляется с ним перед одним из мясных прилавков. С жалостливой улыбкой он скулит, точно Мура, извещая мясников о своем появлении. Если улыбка и просьбы не возымеют ожидаемого действия, то Чанчура постепенно повышает голос и тычет «копьем» в куски мяса.

Случается, что мясник настроен благодушно, тогда он возьмет попрошайку за шиворот, крутанет его, точно волчок, и, наградив парой подзатыльников, все же швырнет ему обрезок легкого. Замухрышка завернет подачку в засаленную тряпицу, сунет ее за пазуху и отправится клянчить дальше.

Если погода хорошая, и торговля идет бойко, тогда и настроение у продавцов благодушное. Все они «приветствуют» Чанчуру тычком или оплеухой, но в подавании не отказывают.

Но так как хорошая погода и удачная торговля совпадают не так уж часто, то и Чанчура редко чувствует себя сытым.

В те дни, когда ему удастся набрать с десятков кусков мяса, он поскорей убирается восвояси. Но...

Но именно в этот момент, откуда ни возьмись, перед ним появляются Артюшка и Мура. Чанчура, разумеется, хорошо знает, какая опасность грозит его обеду, и поэтому моментально поворачивается и пускается наутек. Однако Артюшка со своей Мурой мчатся за ним по пятам. Мальчишка неистово гикает, собачонка заливается лаем, умолкают мясники, грохочет вслед голос полицейского:

— Я те покажу! Я-а-а-те покажу-у-у!

Чанчура чувствует, что от Артюшки и Муры ему не уйти. Выбившись из сил, он ничком валится в уличную пыль и обеими руками прикрывает завернутые в тряпку обрезки. Но тщетно!.. Артюшка прижимает его к земле, Мура впивается ему в плечо зубами и совместными усилиями они переворачивают его на спину.

— Мура, ищи! Ищи! — приказывает Артюшка собаке, и та бросается немоу на грудь, кусает, царапает и спустя некоторое время с торжествующим видом извлекает у него из-за пазухи добычу.

Гордо повизгивающую собаку мясники приветствуют смехом, рукоплесканиями, а вслед жалобно всхлипывающему Чанчуре несутся насмешливые крики:

— Эх ты! И впрямь — Чанчура!

— Паршивая собачонка — и та тебя одолела!

Чанчура протирает слипшиеся от слез и пыли глаза и до следующего дня больше уже не осмеливается подходить к мясным рядам.

Неравнодушен был Артюшка и к длинному носу Чанчуры. Бывало, схватит улыбающегося карлика за нос и водит от одной лавки к другой, от духана к духану. Водит и приговаривает:

— Подайте Христа ради! Подайте милостыню Чанчуре! Дай бог вам здоровья, дай бог вам долгой жизни... Подайте, несчастному! Три дня не ел человек! Подайте!...

— Бог даст, — равнодушно отвечают одни. Другие сунут подачку. Но разве достанется что-нибудь бедному Чанчуре, когда Мура, не сводя с него глаз, не отстаёт ни на шаг?

Иногда Артюшка обвяжет шею Чанчуры бечевкой и таскает его по базару, напевая и прихлопывая в ладоши:

— А вот обезьянка! Фокусница! Обезьянка!...

И немой приплясывает, вскидывает вверх руки, топчется на одном месте, кружится, дрыгает коротенькими ножками и беспрестанно улы-

бается. А Мура суетится вокруг, радостно повизгивает, тьякает, «служит», становясь на задние лапы.

Торговцы стоят возле лавок, мальчуганы толпой следуют за «цирком», кричат, хохочут:

— Молодец, Чанчура, молодец! Ай, молодец!

Немой понимает, что его хвалят, и усердствует вовсю: прыгает, скачет, лопочет, без устали размахивает коротенькими руками и ногами.

Когда «представление» оканчивается, Мура лакомится кровавыми обрезками, а изнуренный Чанчура стоит тут же и с завистью глядит на собаку.

4

Кроме врагов, есть у Чанчуры и друзья. Взять хотя бы пекаря Симона — если б не был он ему другом, разве ночевал бы Чанчура в его теплой торне? Кто бы по нескольку раз на день поил бы его кипятком, подкармливал бы твердыми, как камень, кусками хлеба?

Не забыть Чанчуре и того дня, когда Симон взял рваный мешок из-под муки, вырезал отверстия для рук и головы и, сунув Чанчуру в такое одеяние, отправил его на базар.

Правда, большая часть мясных обрезков, которые выпросит за день Чанчура, достанется Симону, но что значит десяток каких-то обрезков по сравнению с ночлегом в теплом чулане при торне!

Но вот уже неделя, как весь базар диву дается: неизвестно как и почему, но Артюшка и его Мура вдруг подружились с Чанчурой! И теперь ежедневно, под вечер, Артюшка уводит куда-то немного и собаку с базара и возвращаются они через час, а то и через два. При этом Мура неизменно бежит впереди, держа в зубах завернутые в платок обрезки, а позади следуют Артюшка и улыбающийся Чанчура.

Никто не спрашивает Артюшку, куда он водит своих друзей, но все уверены, что, очевидно, озорник готовит какой-то новый «номер» и терпеливо ждут «цирка».

Странно, но уже третий день, как Чанчура не выпрашивает ничего у мясников и не ест черствых корок, которыми снабжает пекарь Симон. Он без дела слоняется теперь возле базара и ожидает Артюшку и Муру.

Жаркий летний день. Время уже обеденное. Торговцы пообедали, подмели возле своих прилавков, побрызгали вокруг водой и теперь отдыхают. Некоторые из них дремлют в ожидании покупателей, другие, лениво позевывая и едва шевеля челюстями, переговариваются с соседями.

Весь базар как-то приутих, приумолк.

Вдруг неожиданно раздается шум, слышится гогот и смех. Меж прилавков проносится ватага мальчуганов.

— Цирк! Цирк! — возвещают они.

Шум и смех становится громче. Все устремляются туда, где уже собралась добрая сотня зевак, плотным кольцом окруживших Чанчуру и Артюшку.

Крики не смолкают ни на минуту.

Артюшка мечется из стороны в сторону, размахивает «копьем» Чанчуры и возбужденно орет:

— Круг! Круг! Шире! Еще шире!

Толпа подается назад. Артюшка снимает шапку и обходит ряды.

— По пяточку! По пяточку! На пропитание Чанчуре! Четыре дня ничего не ел бедняга! А ну, давайте, раскошелитесь! Гоните пятаки!

Со всех сторон в шапку Артюшки падают медные монеты. Разжи-

ревшие, багровые от жары торговцы еще не знают, чем собирается по-развлечь их Артюшка, но они заранее уже гогочут:

— А ну, Артюшка, — деньги собрал, скорей давай твой цирк! Хороший цирк давай!

— Смотри, Артюшка, не подкачай, а то, ей богу, обоим вам достанется!

Артюшка извлекает из кармана кусочек сырого легкого, разрезает его на две части, кладет в шапку и садится на землю.

Пока он режет мясо, Мура юлит перед ним, облизывается, виляет хвостом, подвизгивает, нетерпеливо перебирая лапами. Чанчура же стоит, сдавливая двумя руками свой маленький впалый живот, дрожит от возбуждения, заливаясь тоненьким смехом.

Глядя на попрошайку и собачонку, толпа хохочет.

Артюшка берет кусок мяса и командует:

— А ну, Мура, не оплошай, иначе — повешу тебя за ноги!

Собака делает прыжок и оказывается рядом с Чанчурой. Она с еще большим нетерпением перебирает лапами, бьет хвостом, визжит, отрывисто лает.

Готовится и Чанчура. Засучив рукава и выставив вперед одну ногу, он впился глазами в Артюшку так, словно вот-вот ринется на него и сшибет с ног.

Собравшиеся разгадали уже «номер» и с нетерпеливым гулом сжимают круг.

— Чанчура, держись! Не уступай, стой крепко!

— Покажи себя, заморыш ты этакий!

— Не осрамись, а то я тебе...

Немой словно понимает, чего от него требуют. Оскалив зубы и переступая с ноги на ногу, он кивает головой.

— Мура, сукина ты дочь!

— За нос, за нос хватай его!

— Цапни его так, чтобы он день рождения своего проклял!

Мура как будто догадывается, что большинство на ее стороне и на возгласы толпы отвечает задорным лаем.

— Мура — мой чемпион, — объявляет Артюшка, коверкая слышанное им в цирке слово.

«Чемпон» подпрыгивает на целый метр.

— А Чанчура — мой чемпион! Ну-ка, давай, Чанчура!

— Мура лучше! Мура возьмет!

— Чанчура — чемпион! — со смехом орут в толпе, взмахами рук подбадривая своих ставленников. Некоторые тут же заключают пари.

— Мура! — вскрикивает Артюшка и высоко поднимает руку с куском мяса.

Собака приседает на задние лапы и замирает, уставившись на Артюшку.

Крик и смех на минуту смолкают.

Артюшка взмахивает рукой, и кусок мяса взлетает в воздух.

— Мура, лови!

Мура подпрыгивает, вскакивает Чанчуре на плечо и, оттолкнувшись от него, пытается подхватить мясо. Но Мура просчиталась.

Мясо, Чанчура и Мура оказываются на мостовой.

Толпа приходит в движение.

Чанчура и Мура катаются в пыли. Мура крепко вцепилась зубами в мясо. Чанчура же одной рукой душит собаку, а другой старается вырвать у нее добычу.

— Скорей, Чанчура, скорей!

- Души ее, души!
- Поднимайся! Вставай!
- Э-э нет! Стоя нельзя!
- Мура, собачья твоя кровь!
- Держи, не выпускай!

Все кричат, ругаются, напирают, машут руками, то толкают, то поддерживают друг друга. Какой-то мальчишка, заложив четыре пальца в рот, бегаёт вокруг барахтающихся в пыли «чемпонов» и неистово свистит.

— Шире, шире круг! — мечется Артюшка, вертится волчком, подпрыгивает, как мячик, ловчась ударить «копьем» тех, кто подбадривает Чанчуру.

— Брось железку, пока тебе зубы не пересчитали!

— Угомонись, крысенок ты этакий!

— Дай ему, дай, Артюшка! — подстрекают сорванца прижимающие за Муру, и тот мечется еще быстрее, машет железным прутком и орет хриплым голосом:

— Назад, назад! Шире, шире круг!

Постепенно собака ослабевает. Крики усиливаются. У раскрасневшихся от непрерывного смеха торговцев слезятся глаза, тряпками побвисли жирные щеки, точно в лихорадке, трясутся плечи. Весь базар охвачен диким хохотом. Свистит и свистит в четыре пальца мальчуган. Уже переходят в драку пререкания между сторонниками Чанчуры и Муры. Победа явно клонится на сторону немого.

— Не пускай! Держи!

— Ах ты, волчья сыть!

— Нажимай, нажимай, Чанчура!

Мура разинула пасть и выпустила мясо. Те, кто был за нее, с ревом подались вперед. Чанчура схватил вывалянный в пыли кусок легкого и поднес его ко рту.

При виде этого собака рассвирепела, бросилась Чанчуре на грудь и крепко вцепилась зубами в мясо.

— У-ух, душка, шени чиримэ!

— Не давай, скорей лопай, Чанчура! Эх, ты... растяпа!

— За нос его цапай, за нос! Молодец, Мура!

Словно внимая советам своих доброжелателей, Мура выпускает мясо изо рта и набрасывается на Чанчуру. Немой торопится запихнуть мясо в рот. Перекатываясь с боку на бок, прикрывая лицо руками, он мычит, отбиваясь от щелкающей зубами собаки. Клубы пыли окутывают дерущихся.

Взвизгивание Муры, хрипы немого, гогот задыхающейся от смеха толпы — все смешалось в неистовый протяжный гул.

— Ой, мать моя!

— Уморил... Не могу!

— Мура! Бесенок ты этакий!

— Чанчура, пусть тебя бог покарает!

— Не напирайте! Шире круг!

— Мура, молодец, куси его!

— Чанчура, души ее, души подлюгу!

Все сгрудились вокруг живого клубка. И когда, наконец, пыль рассеялась, взору толпы представился лежащий на спине Чанчура. Обеими руками он душил собаку, выл и дрыгал ногами. Собака же навалилась ему на грудь и не выпускала из зубов длинный нос Чанчуры. Рядом валялся запыленный кусок мяса.

Толпа ревет, вплотную приблизившись к соперникам.

— Мура победила! Довольно! Разнимайте! — решает большинство, и мальчуганы рвутся вперед, чтобы оторвать собаку от Чанчуры.

— Нет, не победила! Пускай еще дерутся!

Но кто-то из толпы схватил Муру и оторвал ее от истекавшего кровью Чанчуры. Потом подбросил в воздух и крикнул:

— Bravo, Мура! Победила! Ура-а-а!

— Ура-а-а! Ура-а-а! — подхватывают все и начинают перекидывать обезумевшую от ужаса собаку из рук в руки.

С криком и свистом, высоко держа над собой победительницу, толпа движется на улицу. Впереди вприпрыжку мчатся мальчуганы. Озорничая, состязаются в ловкости, становятся на руки, ходят «колесом», шныряют в толпе, точно мыши, без умолку свистят, запустив пальцы в рот. Один из мальчишек положил себе на голову вываленный в пыли кусок мяса и шагает с ним медленно и важно. Предводительствует толпой торжествующий Артюшка. Дирижируя «копьем», он уставшим, осипшим голосом распевает:

«Поем мы здравницу
Муре-красавице...»

6

Наконец, привстал и побежденный Чанчура. Выпрямился. Кровь ручьем течет с его искусанных рук, ушей и носа. Все его сморщившееся лицо в пыли и крови. На глазах слезы. Всхлипывает он так, точно скулит собака.

Кто-то толкнул его, дал подзатыльник и бросил с презрением:

— Эх ты, ублюдок!

— Дай ему и за меня! — раздается голос, и Чанчура получает второй подзатыльник. Еще кто-то взял его за шиворот, потряс и швырнул шагов на пять в сторону. Чанчура медленно поднялся, стер с глаз и губ кровавую мешанину и, глядя вслед удалявшейся с пением и хохотом толпе, впервые за всю свою жизнь облегченно вздохнул.

— Ура-а! Ура-а! — доносилось с другого конца улицы.

Крики эти, пение Артюшки, свист мальчишек и ликование толпы вызвали в душе Чанчуры и зависть и злобу. Растирая по щекам грязь, он опять начал стонать и скулить.

И вдруг из-за угла появился Петров. Увидев огромную толпу, он тотчас же юркнул обратно за угол, и через мгновение оттуда раздались резкие тревожные свистки. В ответ донесся свист с противоположного конца улицы. Еще и еще засвистели откуда-то, и спустя несколько минут вызванные Петровым полицейские уже подбегали со всех сторон к толпе. Однако появление полицейских никого не смутило.

— Разойдись! — заорал обеспокоенный неожиданным происшествием Петров. Взор его остановился на измазанном, застывшем в страхе Чанчуре. Грозно размахивая плетью, Петров направился прямо к нему.

— А-а!.. Так это ты здесь куролешишь, шут окаянный! Я т-те покажу!

Чанчура вскочил, чтобы бежать от Петрова, но в этот момент с противоположной стороны к нему подошел второй полицейский. Спасаясь от своих врагов, Чанчура попытался шмыгнуть в гущу толпы. Петров погнался за ним. Но толпа, завидев устремившегося к ней «чемпона», с хохотом преградила ему дорогу.

Закрыв лицо руками и наклонив голову, Чанчура втиснулся было в толпу, но кулаки мясников заставили его повернуть обратно. Чанчура

заметался, не зная, куда ему деваться, очутился лицом к лицу с Петровым, собрав последние силы, снова ринулся в толпу, пробился через нее и, сломя голову, пустился за угол, по узкой улочке. Но...

Но страшная боль пронзила все его тело. Это было последнее, что ощутил Чанчура. Что случилось потом, он уже не мог знать.

Толпа вздохнула, как один человек. На секунду все смолкли, а затем устремились туда, где под копытами пары ломовых лошадей, точно черный обрубок дерева, валялся Чанчура. Лошади сначала было стали, но сейчас же опять рванули построжки и перевезли через Чанчуру груженную мукой подводку.

Толпа образовала молчаливый круг, в середине которого в пыли и в крови извивался и стонал Чанчура. Рядом со своим недавним соперником сидела Мура и удивленно глядела на него.

Постепенно народ зашумел, заговорил. Спустя минуту подоспел и полицейский Петров.

— Расходитесь, расходитесь! Ну, что тут интересного? Расходитесь, говорю вам по-хорошему! — увещевал он, поторапливая то одного, то другого несильными ударами плети.

Один из полицейских повел извозчика вместе с лошадьми и подводой в участок. Петров и другой полицейский положили пострадавшего в фаэтон и повезли куда-то.

Из удалявшегося фаэтона некоторое время доносились стоны Чанчуры. Постепенно и они смолкли.

А спустя минут десять Петров уже гнался за истинным виновником сегодняшнего происшествия — собачонкой Мурой. Собака кружила вокруг полицейского, весело лаяла, подпрыгивала и, как бы дразня его, отбежав в сторону, становилась на задние лапки и «служила».

Петров лениво трусил за нею, помахивал плетью и, улыбаясь, грозил:

— Смотри, попадешься ты мне, тогда берегись! Ой, и достанется же тебе! Крепко достанется.

Базарный люд от души смеялся над проделками своей любимицы. Поощрительно покрикивал:

— Куси его, Мура, куси! За нос его, за нос!

— Молодчина, Мура! Молодчина!

Мура прыгала, лаяла и снова «служила».

* * *

На следующий день Петрова вызвал пристав.

— Вчера в больнице умер этот, как его... Чанчура. Кажется, он в твоём участке проживал. Так вот, немедленно отправляйся в больницу, выясни имя, фамилию этого человека, национальность, вероисповедание, женат он или холост, осталось ли что после него. Установи, когда и откуда он прибыл в наш город. Да... возраст, возраст не забудь указать. Ступай! Сегодня же доложишь мне обо всем рапортом.

Печальный, возвращался Петров на базар.

«Теперь уж уволят, как пить дать, уволят, — думал он. — Если не поймаю сегодня же пару воришек или социлиста, непременно уволят».

Как я работаю

Статья Михаила Джавахишвили «Как я работаю» была впервые напечатана на страницах «Мнатоби» в 1933 г., в порядке дискуссии, проводившейся редакцией журнала по вопросам писательского мастерства. На русском языке статья «Как я работаю» публикуется впервые.

На эту тему — о работе писателя — некоторые литераторы могли бы написать целые тома. Богата и сложна творческая лаборатория писателя. Она состоит из технической и психологической сторон. Техника письма, взятая отдельно, не представляет особого интереса. А психология творчества — очень трудна, да и скучна. Трудность состоит в том, что психология творчества как наука — тем паче экспериментальная — не существует. А то, что имеется, слишком изменчиво, пестро, непостоянно.

С ужасом думаешь о тех временах, когда какой-нибудь ретивый вивисектор прикрепит к голове композитора или поэта новоизобретенный аппарат для съемки мыслей и образов. Хотя успокойтесь, этим временам никогда не бывать, так как подобный аппарат только вспугнул бы, как охотник дичь, мысль, эмоции, образы. Ведь творчество и любовь одинаково избегают излишне любопытных. Однако творчество и его психология существуют, и было бы полезно хоть одним глазом проникнуть в

тайники заветной шкатулки и подсмотреть процесс создания романов, поэм, картин, опер, скульптур.

Редко встретишь счастливого человека, нашедшего свое призвание в дни юности. Мой отец занимался сельским хозяйством и меня готовил к тому же. Восемь лет отняла у меня агрономия. Когда скончался отец, то директор школы вызвал меня и сказал:

«Из вас агроном не получится. Мой совет — выберите другую специальность, например, станьте телеграфистом. Как вам нравится? Прекрасное дело!» Я поспешил согласиться и бросил агрономию. Но и «прекрасным делом» не занялся. Совершенно другое мучило меня. Очень хотелось стать художником. На самом же деле я начал изучать литературу и пробовать перо. С этих пор терзающие меня думы и картины поверяю бумаге. Правда, вскоре я забросил художественную литературу и около двадцати лет молчал, но сейчас не время говорить

об этом. Автобиографию отложим до другого раза.

В те годы в литературе утвердилось тема «бедных людей», и меня потянуло к ней.

Однажды я заметил на базаре нищего — немого карлика. Долго ходил я за ним по пятам и наблюдал. Часов в семь вечера засел за рассказ и писал до двенадцати утра. Так появился на свет «Чанчура». Дважды переписав, я отнес этот рассказ дирекции «Информационного листка» и через неделю был введен в писательскую семью. Один рассказ о несчастном повлек за собой целую вереницу — «Беспризорный», «Самозабвение», «Сапожник Габо», «Свадьба Курки». Этот мотив — униженных и оскорбленных — даже после двадцатилетнего перерыва в творчестве — неоднократно привлекал мое внимание. Да и не мог не привлечь, так как отзывчивость и сочувствие являются для писателя тем же, чем пальцы для чонгуриста.

В то время (в первый период моего творчества) ясно обозначился еще один мотив: «Чертов камень» был написан под влиянием «Психологии толпы» Густава Лебони, а картина, увиденная мною в Цхинвали, легла в основу рассказа «Суд народа».

Какой материал наиболее полезен для писателя, что питает его творчество, — автобиография, наблюдения, книги или путевые заметки? Все вместе, а отдельно взятое — ни одно. Книжный материал является наиболее опасным. Вместо оригинального творчества может получиться слепое подражание. Наблюдения одно время возводились мною в культ и сослужили мне хорошую службу. Для прозаика они равнозначны крыльям — без них не полетишь. Возможно, бескрылый писатель напишет какую-нибудь чисто психологическую вещь, но он никогда не создаст живой тип, не нарисует пейзаж, не покажет взаимосвязи одушевленного с неодушевленным, то есть не уловит живую жизнь. А ведь назначение писателя состоит именно в этом, и ни в чем ином. Искусство отражает жизнь, писатель мыслит образами, он должен показывать, изображать, а не рассуждать, беседовать. Кто не обладает большим запасом наблюдений, тот ничего не покажет.

Наблюдения и автобиография тесно переплетены между собой. Пережитое и увиденное собственными глазами так же не похоже на вымышленное, как живое на мертвое. Две трети человека — жидкость, одна треть — жиры, белок, известь, сахар и железо. Но если соединить эти элементы, то человека не создашь. Гомункул и перпетуум-мобиле свели с ума сотни тысяч ученых и не ученых, не меньшее число писателей загубил надуманный материал, а скольких действительно талантливых авторов заставил он познать горечь поражения! В живом человеке есть и жидкость, и железо, и известь, и еще «что-то», благодаря чему «жизнь сухому дереву может быть возвращена».

Каждый может выдумать какой-либо сюжет, но если это «что-то» — увиденное и пережитое — отсутствует у него, то даже блестящая техника не превратит бездушную фабулу в волшебное создание, которое не только пульсирует, живет, но и восхищает, завораживает.

Не подумайте, будто наблюдательность — самое главное, что ею можно ограничиться. Все без исключения попадали в какой-нибудь жизненный переплет, все что-то пережили и видели. Однако далеко не все могут стать писателями. Для литератора, да и творца вообще, необходимо не только то многое, что уже изучила наука, но и то единственное (талант, «что-то»), перед чем наука бессильна.

Я очень много путешествовал, видел, слышал, пережил, поэтому мой автобиографический багаж достаточно велик. В этом отношении я счастливый писатель.

Знания также не являются решающим фактором. Одно книжное образование создает эрудита, но не просвещенного писателя. Чересчур широкая образованность иногда готовит писателю западню. Тэн пишет: «Доскональное знание своей профессии очень опасно для поэта, так как он становится в поэзии не творцом, а ремесленником...»

Я хочу сказать, что человек, запершийся в кабинете для изучения книг, больше похож на арестанта, чем на писателя. Писатель, и особенно прозаик, должен много путешествовать, видеть, слышать, пережить,

понять, впитать, иначе — кто не получил многого, тот многого и не даст.

Прототип во многом помогает писателю. Если перед мысленным взором стоит живой знакомый человек, то и тип выходит живым. Но недостаточно списать портрет. Писатель по-своему переиначивает увиденное, кое-что прибавляет, кое от чего отказывается. В результате получается такой образ, который и похож на оригинал и не похож. Так создается синтетическое лицо. Выше я говорил, что видел живого «Чанчуру». Видел я и сапожника Габо, Курку, Ламбало, Кошу, Абдулу. Неоднократно встречался мне Квачи, бывало, и меня задевал он своими цепкими ногтями. Это собирательный образ.

Совершенно иначе родился образ Джако. Тридцать лет тому назад я встретил в Джавском ущелье странного незнакомца. Он был крупный, волосатый, лукавый, алчный и в то же время проворный и ловкий. Имя его я позабыл. Через десять лет инженер Фидо Казбеги рассказал нам в Грузинском клубе такой анекдот:

Бывший крепостной преподнес своей княжне подношение.

— Здравствуй, Джако!

— Мой нижайший поклон княгине!

— Что подделываешь, как поживаешь?

— Очень хорошо живу!

— Как твоё семейство?

— Все здравствуют, генацвале!

— Сколько у тебя детей, Джако?

— Двенадцать, свет моих очей!

— Как ты умудрился стольких произвести, Джако?

— Вот-вот! Так умеет Джако! — отвечал бывший крепостной.

Последние три слова были еще сильнее наперчены. Вообще, анекдот никогда не удерживается в моей памяти больше пяти минут, но эта непристойность как-то слилась с лицом этого джавца, и образ основательно засел в одном из уголков моей памяти. Прошло еще около десяти лет, и совершенно неожиданно образ ожил, обнажился и предстал передо мной. Вот как странно рождается иногда тип.

Облик Арсена я лепил с моего двоюродного брата Баграта Бурнадзе. Хвтисавар — это мой дедушка

Андро Бурнадзе. Лацабидзе — повар князя Меликишвили — Сандро.

Вымышленное лицо выходит суровым, перенесенное же с прототипа — наделено живыми чертами.

Спрашивается, что дает первый импульс — рассказанный случай, заказ, невзначай увиденное лицо или что-либо другое? Отвечаю: и первое, и второе, и третье. Содержание «Самозабвения» рассказал мне Св. Кипиани, «Лесного человека» — Паоло Яшвили, «Двух приговоров» — Шота Дадиани, «Невинного Абдула» — Сандро Шаншиашвили, «Белого зайца» — профессор Асатиани. Многое услышанное и от других использовал я в рассказах и романах. Сейчас все даже трудно припомнить. Я взял себе за правило и по сей день следую ему: почти каждый день что-нибудь записывать — меткое слово, образ, поговорку, событие — важное и незначительное. Многое я слышал, многое сам видел, многое выдумал. Весь этот материал — услышанный и вымышленный — варится, перерабатывается в творческой лаборатории и, в конце концов, выходит таким, что иногда сам автор с трудом его узнает.

Когда я работаю? Работаю тогда, когда обстановка способствует этому. Осень и зима для работы предпочтительнее весны и лета, день — ночи. По ночам и мысли и чувства возбуждены, взвинчены, суетливы. Днем же они спокойные, ясные, сдержанные... Когда я писал ночью, то днем был совершенно выбит из колеи. После ночной работы видишь кошмарные сны — герои произведения терзают тебя, пытаются, выжимают все соки. Ум совершенно выходит из повиновения, работает, как заведенные часы. Кто-то или что-то захватывает тебя в плен и веником влачит по земле. Здоровое творчество возможно лишь днем, когда ты подчиняешь себе этого «кого-то» и ведешь его твердой рукой, как опытный наездник необъезженного жеребца. А ночью удила опущены, и своенравный конь плутает без пути и дорог.

Сколько часов в сутки работаю? К сожалению, в наше время нельзя установить точный распорядок дня. Большею частью работаю по 6—8 часов. Иногда еле урываешь час, два, а, бывало, работал по 10—12 часов.

В месяц я писал примерно 11—12 листов. Работая, возбуждающих напитков не пью, а вот папиросы курю. 15—18 штук в день. Когда-то писал карандашом. Опротивело. Бросил. С этого времени пользуюсь чернилами. Не представляю себе, как можно писать романы или рассказы на пишущей машинке. Умея ею пользоваться, пишу при ее помощи только письма. Ведь когда создаешь художественное произведение, приходится неоднократно перечитывать, вносить поправки, зачеркивать, добавлять, менять порядок слов, предложений. Все это делать на пишущей машинке очень сложно, пожалуй, даже невозможно.

Нельзя сказать, чтобы я, как правило, переписывал все свои романы или рассказы. Хотя «Чанчура», «Эка», «Лесной человек», «Невинный Абдула», да и некоторые места других произведений пришлось переписать не раз. Зато очень много времени уходит на внесение поправок. Так, например, сразу же после написания «Арсена» я правил его четыре-пять раз, а если учесть, что он дорабатывался при печатании на машинке и прошел сквозь две-три корректуры, то получится, что я читал и исправлял этот роман раз семь-восемь. Вообще же, чем больше времени трачу на правку, тем больше удовольствия получаю от конечного результата.

Иногда опасно заранее ограничивать писателя в размерах произведения. На рассказ «Абдула» мне выделили 700 строк. Уместился и, кажется, не проиграл. Раньше же я принимался за рассказ лишь после того, как в «Мнатоби», по моей просьбе, отводили мне 2—3 формы. Выходило точно: ни больше, ни меньше. Так были написаны рассказы «Два приговора», «Золотой зуб», «Вор». От этого они ничего не потеряли, а если и потеряли, то малую толику. А вот рассказ «Третий», по моему, изуродован. Чтобы втиснуть в жесткие рамки рассказа тему, требующую целого романа, пришлось отрубить у нее руки и ноги. «Арсена из Марабды» я писал по частям, тут же сдавая готовую часть в печать. Никому не желаю следовать этому примеру.

Составляю ли я предварительный план? Это очень интересный вопрос. Предвижу, как будут многие удивлены моим ответом. Существует два типа писателей. Один уже задолго до начала работы продумывает весь роман или же составляет на бумаге подробный план, раскладывает все по полочкам. У него каждое действующее лицо, как хорошо вымуштрованный солдат, знает свое место. Писатели другого типа, садясь за стол, не видят всех деталей задуманной вещи: сюжета, лица, типа, идеи. Все это для них пока туманно, подвижно. Я принадлежу к этой группе писателей. Неоднократно пытался я составлять план, и каждый раз, начиная писать, предавал его забвению, рвал на клочки. План вырабатывается во время работы. Его создают развитие фабулы и герои. Начиная писать произведение, смутно вижу стержень, героев, основную идею. В дальнейшем туман рассеивается, и постепенно все заливается светом: осязаемым становится предмет, вырисовываются лица, появляется аромат. Тогда-то просыпаются во мне и учащенно бьются все пять чувств, проявляются подробности. Ну, в такой момент разве до плана и заранее приготовленной схемы?! План рушится потому, что он плод спокойной, сухой мысли, а во время письма мысль и сомнение впряжены в одно ярмо, органически спаяны. Они своими путями ведут повествование и заимствуют из предыдущего плана лишь мизерную часть.

Труднее всего написать рассказ. Зачин дает всему рассказу колорит, стиль. Вяло начатое повествование будет течь так же бесцветно. Трудно потом разжечь огонь, изменить стиль и ритм, трудно и опасно. Именно поэтому я так тщательно шлифую начало рассказа. Русская поговорка гласит, что быка надо брать за рога. Я долго кручусь вокруг быка, приноравливаюсь, но как только улучу минуту, тут же стараюсь ухватиться за рога и ни на минуту не ослаблять напряжения.

Концовка по трудности не уступит началу. Трудно поставить завершающую точку. Этот гвоздь должен войти глубже остальных. Из всех читателей наиболее несговорчивым, придирчивым является сам автор. Поэтому первым долгом он сам должен

быть удовлетворен концовкой произведения.

Что для меня важнее: слух или зрение? Раньше этот вопрос не вызывал споров. Сравнительно недавно формалисты и символисты заострили его и сами же отдали предпочтение слуху. Гениальные писатели, все без исключения, начинали с содержания и образа, а затем облакали их в соответствующие музыкальные формы. Художник — единоутробный брат писателя, композитор же — родственник второго разряда. Я утверждаю, что в этом вопросе символисты, особенно Андрей Белый и его последователи, нанесли большой ущерб прозе. Белый и его ученики являются лишь композиторами слова, но не художниками — воссоздателями жизни. Они излишне изоцирили слух и почти совершенно зажмурили глаза. Андрей Белый пишет: «Я сравниваю себя с композитором, который ищет текст, чтобы музыкальную тему превратить в литературный сюжет». И этот фантазер тщится найти нечто общее между своими романами и звучанием симфоний Бетховена! Таким путем он сближает литературный образ с музыкальными звуками. Белый и его прислужники поставили с ног на голову веками утвержденную истину, которая не замедлила жестоко отомстить им за измену природе: они уже повержены, и скоро наступит день, когда лишь историк литературы вспомнит об их бесплодном новаторстве...

«Музыканты» пренебрегают всем и совершенно отказываются как от образа, так и от элементарной логики. Элемент музыкальности содержится в любой хорошо написанной прозе — художественной, публицистической, научной. Он органически вплетается в ткань повествования. Стихотворный ритм обязателен только для поэзии. Ритмической прозой легко написать миниатюру, маленькую картинку, даже рассказ (вспомним стихи в прозе). Написанная же скучным однообразным ритмом монументальная проза — тяжела, мутна, неудобочитаема. В стихах и музыке — постоянный, неизменный ритм. В прозаическом произведении он изменчив, своенравен и не подчиняется никаким нормам. Конечно, это вовсе не значит, будто в прозе ритм — излишен.

Напротив. Я воздаю ему должное, но все имеет свое место и меру. Проза знает бесчисленное количество ритмов. Поручите описание одной и той же картины или происшествия десятерым писателям, и вы получите десять произведений, написанных в разном ритмическом ключе. Измените тему, и тут же изменится ритм. Совершенно различен ритм в таких моих произведениях, как «Чанчура» и «Лесной человек», «Самозабвение» и «Невинный Абдула». «Своим» ритмом наделены и отдельные эпизоды произведения. Вспомните хотя бы конец романа «Хизаны Джако», «Цангала и Гогона», описание весеннего утра из того же произведения. А разные картины из романов «Белый воротничок» и «Арсен из Марабды»!

Выше я говорил, что неоднократно перечитываю рукописи. Добавлю: в то же время я внимательно слежу за музыкальным построением произведения и как только «что-то» коробит слух, тут же громко читаю и исправляю. Легко представить себе, какая радость охватывает человека, когда он завершает большое дело и чувствует, что плод его труда удачен и полезен. Поставивший последнюю точку писатель напоминает раба, сбросившего с себя цепи. Разница только в том, что эти цепи автор носил с удовольствием. Я не ропщу на жизнь, и счастье улыбалось мне и горе приходилось испытать. Но редко перепадает человеку такое счастье, какое испытывал я при окончании некоторых рассказов и романов («Чанчура», «Самозабвение», «Сапожник Габо», «Лесной человек», «Невинный Абдула», «Белый воротничок», «Арсен из Марабды»).

Удивительно: больше всего споров вызвал роман «Хизаны Джако», но и больше всего радости доставило мне его окончание. В этот день я превратился в резвого мальчугана, который не может совладать с обрушившимся на него счастьем. Меня не могли узнать ни я сам, ни мое семейство.

Меняю ли я текст при повторном издании? Без сомнений, обязательно меняю, то есть заново исправляю. Еще не было случая, чтобы я послал в типографию неисправленное произведение.

Вы спрашиваете: как влияет на

меня критика? Очень не хочется, но все же отвечу. Греческий философ Зенон Элейский сказал: «Если бы меня не обижала ругань, то и не радовала бы похвала». Лишь лицемер не согласится с этим. Конечно, это истина, но все же критика критике рознь. С самого начала творчества на мою долю выпало немало похвал (Занги, К. Абашидзе и др.), и если они тогда не вскружили мне голову, тем паче теперь суровые рецензенты не раздражают меня. Людям моих лет само время прививает духовный иммунитет, и не так-то легко критикам расшатать его. Лично я отдаю должное справедливой и искренней критике. Но что такое справедливость? Кто искренен и кто неискренен? Довольно, ведь и об этом можно было бы написать целый том. Иногда мне кажется, что все существующие на белом свете книги в конечном счете написаны на эту тему.

Язык — наиглавнейшее оружие писателя. Писатель, не владеющий свободно языком, похож на трехногого коня. Будь он хоть гением, все равно не сдвинется с места, не победит. Жизненные обстоятельства мои сложились так, что я дважды настолько забывал грузинский язык, что даже обиходные слова еле пони-

мал. Когда же я твердо решил стать писателем, то засел за грузинские книги, три лета подряд жил в Картли. Так я не только восстановил забытое, но и обогатил язык новыми словами. Этой системе я не изменил и тогда, когда надолго отошел от художественной прозы. Словарь, духовные книги и произведения классиков — вот что каждодневно питает мой язык. Бесперывная тренировка — вот залог победы. Вечное обогащение лексики, и, как наипервейшее условие, изучение народного языка составляют основу основ, без которой нельзя создать ни один литературный памятник. Больше того: если писатель средних способностей досконально изучил грузинский язык, он превзойдет более способного писателя, не владеющего хорошо этим языком. В подготовительный период я долго не прикасаюсь к книгам, написанным на иностранных языках. Цель ясна: языковый аппарат мозга сосредотачиваю на чисто грузинском мышлении.

Для победы на литературном поприще нужен вначале хороший литературный грузинский язык, затем — хороший литературный грузинский язык и под конец вновь хороший литературный язык.

Старинная ЧАША

Перевод с ингушского М. Шехтера

Деревянная чаша позабытого века,
Из тебя, знать, мой пращур молоко пил овечье!
Ты теперь без работы, пыльной древности веха,
Одинока, печальна и похвастаться нечем.
Пращур шел на разведку в дебри темного леса,
Отыскал пень замшелый, обломал его корни,
Резал дерево камнем, резал гнутым железом
И обтачивал долго чурбачок непокорный.
Вместе с горцем, о чаша, ты взбиралась на горы,
Забиралась в ущелья, подружилась с кремневкой,
Ты вперяла в пространства деревянные взоры,
Стала необходимой, очень важной обновкой.
...Никогда не забуду босоногого детства,
Незабвенного детства, жизни бедного утра:
Средь печального хлама мне досталась в наследство
Деревянная чаша, первобытная утварь.
Нынче ты не в почете, годы славы померкли,
Ты не сетуй, что стала достояньем музея;
Из фаянса посуда на моей этажерке,
Но тебя равнодушьем я коснуться не смею.
Кем была ты: чинарой, липой старой иль дубом?
Что ты видела, древняя чаша пустая?
По щербатым краям, по зазубринам грубым
Я Истории мудрую книгу читаю.

Седина

Я знаю, молодость вторую не подаришь.
Но крепок ты. И седина, товарищ,
Твоя до времени седая голова—
Совсем, совсем не старости примета.

Циклоном войн, эпохою задета,
У воспаленной лампы до рассвета
Металась тень ее по стенам сельсовета,
Она бывала пулями отпета,
Сыпняк душил ее в подушках лазарета,
Но вновь, как знамя, поднималась где-то
Твоя до времени седая голова...

Она, как дерево над кузницей, —
Листва
В дыму желтеет посредине лета
Дыханием железным перегрета.

ЛЕНИВАЯ *Кучита*

РАССКАЗ

Перевод с абхазского А. Кац и я

Едва только начинали щебетать птицы, сообщая о том, что скоро из-за гор поднимется солнце, Кучита Лагвилава был уже на ногах. Он каждый день вставал в одно и то же время и раньше всех появлялся на поле.

Но в это утро Кучита проснулся раньше обычного — вчера куда-то запропастился бычок, и Кучите не спалось. Схватив одежду, он толкнул в бок жену:

— Хифа, вставай, Хифа, я иду искать нашего бычка.

— М-м, — сонно пробурчала жена.

— Да проснись же ты, наконец, я ухожу, слышишь? Хоть сегодня встань пораньше, накорми скотину и кур.

Кучита оделся и вышел. Когда в долину брызнул первый луч солнца, он уже разыскал бычка и пригнал его домой. Ночью выпала роса — Кучита промочил ноги почти до колен. Подходя к своей усадьбе, он еще издали услышал мычание коровы и пронзительный визг поросят.

— Ты еще спишь?! — сердито воскликнул Кучита, остановившись на пороге. В ответ раздалось мирное похрапывание жены.

— Эх, лучше бы мне помереть, чем видеть такую лентяйку! — горестно ударил себя кулаком в грудь Кучита и стал наводить порядок в хозяйстве — подоил корову и пустил к ней телка, выгнал во двор поросят и кур, развел в очаге огонь и подвесил над ним котелок с молоком.

Мрачный и опечаленный, словно на похоронах отца, Кучита стоял, скрестив на груди руки, и разглядывал грязную замусоренную кух-

ню. Вскоре, блаженно потягиваясь, на пороге появилась Хифа — красивая, пышная женщина с нежным белым лицом и высокой, не знавшей материнства грудью. Подойдя к очагу, Хифа уселась на низенькой скамеечке и, позевывая, протянула к огню ноги.

— Как хорошо, — сказала она, — как хорошо, что сегодня воскресенье и не надо идти собирать чай.

— Хорошо, говоришь? — сквозь зубы проговорил Кучита. — А много ли ты наработала? Можно подумать, что тебе некуда девать трудодни. Старухи — и те больше вырабатывают. Ну, да ладно, — вздохнул он, — у меня к тебе просьба. Выполнишь ты ее?

— Боже мой, опять ты нашел мне какую-то работу? Когда у тебя только закончатся эти просьбы и поручения!

— Ничего не поделаешь, хоть сегодня и воскресенье, но надо же прибрать в доме. Вдруг кто-нибудь зайдет...

— Ну и пусть заходит. Чем у нас плохо?

— Как чем? Вот мусор валяется, куры по всему двору разнесли.

— Посмотрите вы на него, люди добрые! Да что ты пристал ко мне? Все хочешь подковырнуть да уколоть. Где это видано, чтобы подле дома не валялось что-нибудь?!

— Значит, по-твоему у нас в доме чистота и порядок? И твоя совесть позволяет утверждать это? Ну, что молчишь?

— А что мне говорить, когда ты сыпешь словами и за себя и за меня.

— Ты посмотри на полку — тарелка из-под мамалыги заросла плесенью так, что ее скоро косить можно будет. Не хочешь мыть тарелку, выбрось ее, стыдно ведь, не дай бог, на глаза людям попадетя!

— Да оставь ты меня в покое! Там бригадир пристаёт, дома ты — житья нету.

— Ты позоришь меня, весь колхоз над тобой смеется! — крикнул Кучита.

— Отстань! Клянусь тебе, пусть хоть отец мой воскреснет, я не в силах делать ничего больше.

— Бедный твой отец, если бы он знал, что за дочь у него!

— Тружусь в поте лица, сгорбилась уже, а он все погоняет и погоняет меня, несчастную... С этой минуты я и пальцем не шевельну! — упрямо произнесла она.

Большое полено, наклонно стоявшее в очаге, сгорело посередине и должно было вот-вот развалиться и упасть на Хифу. Она покосилась на него, но не отодвинулась.

— Обожжешься, непутевая! — не выдержал Кучита.

— Ну и пусть обожгусь, ты только рад этому будешь, — сердито ответила жена. — А если боишься за меня, поправь полено сам.

— Берегись, сейчас полено упадет! — крикнул он.

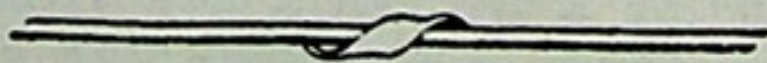
«Чего доброго, сильно обожжется», — подумал Кучита и только было протянул руку, как головня переломилась и упала Хифе на колени.

— Горю! — завопила она, кружась по кухне и отряхивая с платья горящие угольки.

— Ведь предупреждал я тебя! — воскликнул Кучита и, схватив кувшин с водой, облил жену.

Похожая на мокрую курицу, она стояла посреди кухни и причитала:

— Лентяй ты этакий, бессовестный, не мог отодвинуть полено вовремя!

Римма Канделаки

НОЧЬ В ПОРТУ

Потийские зарисовки

Ночь, порт.

Причалы, краны, пароходы...

Крепкий норд-ост, колкий и злой, несет с суши на море массы пыли, песку. Под его ударами на краю причала трудно устоять человеку.

Второй район Потийского порта отделен от первого полосой моря. Днем — полоса узкая, цвета позеленевшей бирюзы. И видимость отличная: помахать, посигналить, и с той стороны уже отваливает шлюпка. Ждать не заставят.

Но сегодня...

В непроглядно - темный, взлохмаченный норд-остом поздний вечер, среди рокота порталных кранов, свистков одетых в броню автокаров и грохота обвалов руды, под громовую команду невидимого диспетчера, запертого в стеклянной башне на краю пирса, — резкую команду, повторенную по радио на дальних причалах, — как заставить услышать свой одинокий и слабый возглас:

— Э-гей, шлюпка!

Пауза.

Никто не откликается. Молчание, наполненное воркотней раздраженного моря, работой механизмов, трудом невидимых в пыльном мраке людей, тянется неимоверно долго — целую вечность. Но вот в черниль-

ной глубине что-то замаячило — трудно разобрать, в воздухе или на воде. Под ударами норд-оста невольно пригибаешься, в ресницах — колючий песок, пока протрешь вспухшие глаза кулаками, — то, что померещилось, успевает исчезнуть.

— Шлю-ю-п...

Наши позывные неожиданно прерывает близкий спокойный голос:

— Подошла. Держитесь крепче, спускайтесь, прыгайте, гоп!

После «гоп» и неловкого «прыжка в неизвестность» — мокрая, скользкая скамья шлюпки, голос человека, еле различимого в темноте, — и сильные удары весел выносят на простор.

Быстро приближается противоположный берег — весь в электрических огоньках работающих кранов, с причудливым вечно меняющимся рельефом темных холмов и гор, которые завтра могут отсюда исчезнуть, а послезавтра возникнуть вдвое выше: это — руда и уголь.

Шлюпка увезла нас из той части Потийского порта, где разгружаются «штучные грузы», и доставила в царство грузов сыпучих.

Новичка обычно приводит в недоумение, что столь различные по сво-

ей природе вещи (чугун в кусках, сахар в мешках, хлопок в кипах) могут быть объединены в одно общее понятие: «штучный». Но портовик мыслит об этих вещах профессионально, мало интересуясь содержанием тюка, ящика или кипы. Все это — груз. Если его можно зацепить, «застропить» — он штучный, если его нельзя ни зацепить, ни застропить, а только пересыпать — он сыпучий. Важно не содержание тары, важно то, как поднять груз, чем поднять, куда погрузить и сколько погрузить. В высшей степени важно — сколько отмерено на все это времени.

В соотношении двух важных понятий — веса и времени — весь смысл работы портовика.

* * *

Вступая на землю второго района, увязаешь по щиколотку в чем-то зыбучем, черном. Уголь! Уголь рассыпан сегодня по всей территории района, а на этом маленьком участке под ногами — крутая каша, черные комки.

Виноват ветер. На причале идет разгрузка парохода «Земляк». Люди моря и порта — команда на борту, грузчики на причале, крановщики в своих кабинах — работают, несмотря на погоду, слаженно, четко, с одним стремлением — досрочно разгрузить судно. А норд-ост безобразничает, норд-ост дует без всякого порядка, озлобленно раскачивает грейферы, толкает краны, стремясь сорвать ритм труда двух человеческих коллективов — сухопутного и морского. И кое в чем его «подрывная деятельность» удастся: много угля зря рассыпано по причалу — значит, завтра, засветло, немало драгоценного времени уйдет у портовиков на зачистку. Ничего не поделаешь! Территория порта должна быть чиста, как стеклышко. Пусть ветер семибалльный, пусть груз сыпучий (зыбучий, скрипучий и черный, как из преисподней) — неважно! Принцип чистоты рабочего места потийскими портовиками блюдетя так же

свято, как любыми передовиками заводов страны, ибо в аккуратности, в порядке — залог быстрых темпов здесь и повсюду...

Уголь прибыл в трюмах парохода «Земляк» — прямым рейсом из Жданова.

Поти — Жданов. Жданов — Потти. Круглый год, в жару и холод, в штить и штормы, с регулярностью маятника выверенных часов работает эта морская линия: теплоходы, пароходы везут из Донецкого бассейна уголь индустриальным гигантам Закавказья по синей морской дороге. И пароходы, теплоходы идут обратно в Жданов, доставляя драгоценную для металлургов Украины чистурскую руду по той же синей морской дороге.

Так обычно представляют себе работу Потийского порта, такова она и есть на деле, но все же... упрощенное это наше представление! Все ли просто, гладко в налаженной работе «маятника»: вперед — назад, вперед — назад, в обмене руды на уголь, угля — на руду?

Далеко не все.

Трудностей множество. Горы трудностей, неразличимых простым глазом, неуловимых для непосвященных, приходится преодолевать потийским портовикам. Лишь познакомившись с их жизнью вплотную, ближе узнав будничную, неутомимую борьбу всего коллектива в целом за план и каждого члена коллектива в отдельности — диспетчера, прораба, начальника отдела, крановщика, складского рабочего и грузчика — за выигрыш во времени, за отличный показатель, за экономию не только часов — минут! — лишь тогда начинаешь понимать крепко слаженную работу всех отдельных частей и «винтиков» огромного механизма, имя которому — Потийский порт. И работа «маятника» представляется уже не простой функцией, а героической эпопеей: из года в год, при непрерывно растущем плане работать, как часы.

Сколько сложено песен, исписано бумаги, потрачено метафор, обра-

зов, сравнений на описание главных (будто бы) трудностей, подстерегающих черноморского портовика в осенне-зимнее время! Картины коварных штормов, свирепых ураганов, проливных дождей, снежных завалов, шквалов всех сортов и видов, туманов и даже обледенений — картины всего, что подтачивает человеческую выносливость, имеющую границы, что порой крушит самые прочные механизмы, что подрывает план, — все это было описано в стихах и в прозе.

Но когда мы спросили о «стихийных» трудностях старого портовика, тот, к нашему изумлению, откинулся на мокрую спинку скамьи, от души расхохотался, показав два ряда еще крепких зубов под великолепными сивыми усами и прогудел:

— Пустяки!

Нет, он не отрицал, что при очень сильных ветрах порт временно прекращает работу, что трудности непогоды могут существовать, могут беспокоить, как гвоздь в сапоге. Просто старый портовик считал климатические явления неприятностями второго - третьего ранга, немножко устаревшими, более подходящими для эпохи парусных судов, деревянных причалов и погрузки лебедкой... Это, дескать, не главное в наше время автоматизации, передовых методов труда и совершенных механизмов.

На вопрос: что же является главной трудностью в работе Потийского порта, старый портовик ответил не сразу. Сплюнул, прищурил свои ястребиные глаза, вглядываясь в темные морские дали (кто знает, может быть, ему виделись в ту минуту за вздыбленным горизонтом одесские причалы, великолепное здание Черноморского пароходства, величавые начальники, склоненные над графиками движения судов...), и, подавив вздох, загадочно проговорил:

— Мешают «пачки».

И ткнув дубленным большим пальцем через плечо в сторону ярко светящейся в ночи стеклянной ба-

шенки на краю второго района — той башенки, откуда несется зычная команда «начальника штаба» — по всем причалам, дружески посоветовал:

— Спросите у него.

Чтобы «спросить у него» — то есть узнать побольше о взаимосвязи работы черноморских судов и портов, надо подняться по выбитым ступеням на третий этаж дозорного здания — к главному диспетчеру Потийского порта.

* * *

Михаил Иванович Пурцхванидзе — просоленный морскими ветрами старый моряк — отдал порту многие десятки лет трудовой, честно прожитой жизни.

— До того привык старик к порту, так сроднился с людьми, что уйти на пенсию никак не может решиться! — ласково говорят о нем портовики.

Но из года в год растет объем грузооборота, увеличивается поток руды, ширится торговля со всеми странами света, все больше и больше «угольщиков», «рудовозов» и всяких других судов большого тоннажа как отечественных, так и под флагами других стран, заходит в Поти — и усложняются обязанности диспетчеров.

Нелегко быть диспетчером большого незамерзающего порта! Пресловутые «пачки» — то есть пачкообразный заход судов в порт — ломают строго выдержанный график, создают тесноту — не хватает причалов под разгрузку. Судам грозит простой.

— В начале месяца прибывает по чайной ложечке, в третьей декаде месяца — по целой миске! — мрачно шутит старший диспетчер Николай Павлович Качаровский, правая рука Михаила Ивановича, такой же старый моряк, как и его начальник, так же влюбленный в море, не представляющий себе жизни вне порта, хоть злая непогода и сырость ломают иной раз старые косточки. Николай

Павлович («командир движения» — называли бы его на транспорте) подробно излагает растущие потребности Потийского порта в тоннаже и причалах.

— Дайте тоннаж! Руда лежит! — взывает порт через просторы бурного моря, адресуя зов пароходству.

— Шлите больше угля! Вы не даете. Наши суда иной раз возвращаются в балласте! — это адресовано потийцами уже собрату по работе — порту Жданов.

Таковы требования порта. В частной беседе они обычно подкреплены крепким словом по адресу пароходства — «штурмовщина!» по адресу порта Жданов — «лопухи!» К требованиям прислушиваются, но сдвиги происходят, на взгляд диспетчеров, недостаточно быстро.

В самом деле, почему порт Жданов не добавляет угля? Почему должны оттуда идти обратно полупустыми (или загруженными на одну треть) великолепные суда большой грузоподъемности с отлично обученной, передовой командой, готовой по первому зову досрочно разгрузить и погрузить? Угля нету, что ли?

Угля в Жданове предостаточно. Шахтеры угольных бассейнов трудятся исправно. Жданов уголь получает по плану и... передает железной дороге.

Узнаешь неожиданные «новости»: ежемесячно недодавая Потийскому порту десятки тысяч тонн угля, ждановцы во втором квартале 1958 года перебрасывают в Закавказье сотни тысяч тонн по железной дороге.

Где же смешанные перевозки?

Морская печать вполне своевременно забила об этом тревогу. Но вопрос о смешанных перевозках сегодня уже перерос узкие ведомственные рамки, он всецело в компетенции Совнархозов. Учитывая широкие возможности Черноморского флота и портов, Совнархозы легко найдут способ переключить часть важнейших грузов на смешанные перевозки — самые экономичные и целесообразные. Тогда красавцам-пароходам не ходить больше в балласте

из Жданова в Потю: уголь польется в их трюмы рекой. И наоборот, по ту сторону моря железную дорогу в Жданове прекратят заваливать соперники — клиенты лихорадочными требованиями: «Дайте еще вагонов! Еще вагонов! Еще!»

Норд-ост сотрясает стеклянный дом. Сигнал! Обработка судов прекращена: мало ли что, часом, может случиться в порту в злую погоду: раскачиваются гигантские краны, может сорваться грейфер, перевернуться автопогрузчик. Нельзя рисковать ни жизнью людей, ни механизмами.

Но эта «передышка» предвещает новое напряжение: норд-ост утихнет, значит, нужно будет еще ускорить темпы. Чтобы суда не простояли лишние полчаса против графика, нужны особая оперативность, железная слаженность работы всех бригад и экипажей кранов. И дружный коллектив порта способен подчас на подлинные чудеса — они зафиксированы здесь в диспетчерских журналах.

Вот выдержки из декадной сводки: досрочно обработаны крупные суда: «Соликамск» — за 9 часов вместо 12 часов 15 минут по плану, «Малая Земля» — за 8 часов вместо 11-ти по плану, «Златоуст» — за 6 часов вместо 12-ти по плану, «Головин» (очень крупное судно) — за 19 часов вместо 39 часов 20 минут. И еще многие, многие другие. (Именно в эти дни одно иностранное судно грузоподъемностью в девять тысяч тонн было разгружено и погружено вдвое быстрее заданного срока, чему немало удивлялись иноземные гости).

Только моряк поймет поэзию этих цифр — таких сухих и строгих!

План — суровая вещь; предельно уплотнены в нем все виды погрузочно-разгрузочных операций. Потийские портовики умудрились, несмотря на перерыв из-за фокусов норд-оста, досрочно отпустить все пришедшие суда и тем самым сделать черноморским морякам подарок: флоту сэкономлено 7.062 часа эко-

плуатационного времени. Значит, флот перевезет тысячи тонн грузов сверх плана.

В апреле этого года разгрузочно-погрузочных операций порт выполнил на 106,8 процента, в мае — показатели его работ еще выше.

— Набираем скорость, — резюмирует старый диспетчер, захлопывая свою замечательную тетрадь. — Не жалуемся! Кипит работа, растет грузооборот. Приезжайте к нам через два года поглядеть, какие потийцы наберут темпы! — и старый моряк, словно видя будущее, горделиво оглядывает с высот стеклянной башенки необъятные просторы Поти.

* * *

Мы спустились в ночь, мрак и вой ветра.

Снова причалы, отдаленный гул моря, резкие свистки паровозов, стук сцепляемых вагонов.

Приостановилась работа порталных кранов и погрузочных механизмов, но ведь это вовсе не означает, что люди порта будут отдыхать сложа руки. Вся тяжесть операций сейчас переключена на железную дорогу — и только.

Двигутся при свете электрических фонарей, маневрируя, длинные железнодорожные составы. Машет красным фонариком невидимый нам составитель. Сигналы, сигналы! Пусть в эту ночь беснуется ветер — не сломить ему настойчивой воли потийцев: план будет перевыполнен.

...Шагаем по железнодорожным путям. Неожиданная преграда — «горный хребет». В полутьме завал руды вырос большим холмом мягкого оттенка серой замши — значит, руда высокосортная. Откуда этот высокий холм? Почему он лежит на причале, когда грузинский марганец так нужен везде, где только варится сталь.

Каждую тонну марганцевой руды (а руда — семи разных сортов!) рудники отправляют с точным адресом. Едет руда в Поти, а вместе с

рудой следуют погрузочные документы — толстые папки, набитые сотнями бумаг, где очень точно указан адрес отправителя и, конечно, адрес получателя. Но нет в этих папках, в этих документах главного — учета требований заводов, учета обстановки на рудных дворах. И вот...

«...На складах портов нередко образуются огромные скопления руды», — пишет заместитель начальника Черноморского пароходства товарищ Визиров. Он напоминает, что давным-давно предлагается другая, простейшая система. Вот ее схема: трест «Чиатурмарганец» отправляет в Жданов марганцевую руду в установленном количестве, установленной сортности, но — обезличенно. Поти отправляет руду морем в Жданов. По прибытии груза в Ждановский порт, там отгружают марганец в соответствии с утвержденной Сталинским Совнархозом разрядкой и, согласно оперативным заявкам, отправляют на производства. По старой поговорке: «На месте виднее, что кому нужнее». И только Совнархозам по плечу разрешение «проблемы» завалов руды на причалах. Возьмутся Совнархозы за марганец — холмы растают и площади очистятся.

* * *

Светает. Рычание норд-оста заметно ослабло. Как утомленный зверь, ложась, кладет голову на лапы, так понемногу, рывками, спадает норд-ост. В тучах уже прорезываются голубовато-стальные полосы чистого неба.

Утро приближается неслышно. Предрассветный холодок потянул рябь по воде между двумя причалами. На берегу слышен голос:

— Шлюпка, э-гей!

И экипаж крана № 24 — четыре молодых парня с веселыми, свежесмытыми румяными лицами, набросив, согласно портовой традиции, промасленную спецовку на одно пле-

чо, ловкими прыжками соскочили в шлюпку.

Взмахи весел понесли легкую лодку к причалам второго района. Молодежь становится на трудовую вахту, приступает к очередной задаче нового дня, которому предстоит ликвидировать прорехи бурной ночи, заполнить до отказа каждую минуту рабочего времени сложными и тонкими операциями.

Труд хорошего крановщика — сочетание не одной, а нескольких профессий. В кабине порталного крана не меньше приборов, чем в кабине иного самолета, а инструмента всякого, вероятно, побольше...

Передовой крановщик порта! Работает такой парень на «генеральных» и «штучных» грузах — цикл его крана исчисляется в минутах. Но если груз сыпучий, тут под контроль берутся уже секунды. Четким, быстрым должен быть каждый поворот стрелы. Специальный грейфер схватит руду своей пастью, сомкнет челюсти, и когда стрела крана перенесет его к просвету, он выплюнет свою порцию в разверстое, словно бездонное, нутро трюма.

Но если это, как тут принято говорить, «трудный пароход», вроде судов старого типа — «Земляка» или «Мацесты», то приходится ставить вдвое больше людей на его обработку: в таких судах груз находится очень далеко, в твиндеке, и его требуется потом равномерно распределить по трюму — «штивать». А люди в порту, при его огромной программе работ, — на вес золота.

Нелегко тогда крановщику! Это здесь называется «тяжелый режим погрузки». Но все равно — при любом режиме труда работа потийцев кипит бесперебойно.

А вот пришвартовалось судно нового типа с удобно сконструированными трюмами — просто залюбуешься! Стройностью всех своих разнообразных операций, выполняемых палубной командой, бригадой грузчиков, экипажем крана, — это напоминает работу симфонического

оркестра. И первая скрипка тут — конечно, крановщик.

Отличные механизаторы — знатные крановщики Гугушвили, Белый, Чулков (мы называем лишь самых выдающихся) — гордость Потийского порта. Много не знатных, просто хороших крановщиков делают свое дело вровень с лучшими.

К нам подошел высокий, тонкий, уже седой «кадровик» — начальник района Сильвестр Лаврентьевич Гудавадзе. На наш вопрос ворчливо ответил:

— Показатели, показатели! Смотрите, Гиви Гугушвили уже пришел на смену. А до смены — двадцать минут. Вст вам и показатель. Значит, сколько заботы, серьезного внимания к крану у этого молодого человека. Осмотр, профилактика, предупреждение аварий, чистоту наводит, порядок... По незаметным показателям лучше всего судить о людях.

Было бы несправедливо не сказать здесь хоть слово про славных грузчиков порта Поти. Во всех бассейнах и портах нашей страны знают отлично организованную бригаду грузчиков знатного бригадира Куция. Это — превосходный организатор. Соревнуясь, великолепно работают бригады Качарава, Чантурия. Они выполняют на двести процентов план переработки грузов — будь то сыпучий груз — уголь, штучный — хлопок, или генеральный — сахар. Можно назвать еще крановщиков Топурия, Кузьменко, Гвазава и других. Но — неожиданность! Из кабины крана нам улыбается женское лицо. И вскоре по тонкой железной лесенке сходит, сбрасывая промасленную спецовку, молодая женщина с приветливым лицом — депутат Верховного Совета Грузинской ССР Анастасия Казакевич. «Наша Настя», — называют ее портовики. Двадцать четыре года работает Анастасия Кузьминишна в порту. Во время Отечественной войны ей доверили пост крановщика. Трудится «тетя Настя», не глядя на годы, вровень с молоды-

ми: ее кран № 11 досрочно разгрузил крупное тоннажное судно «Райкомвод». От Анастасии Кузьминишны узнаем, что «соперниц» - крановщиц у нее теперь немало: на другом кране работает кандидат партии Наташа Даниленко, вместе с «тетей Настей» трудится крановщица Ткачева, короче говоря, женщины порта выросли в неплохих механизаторов.

* * *

Покидаем Потийский порт в ясное, свежее утро.

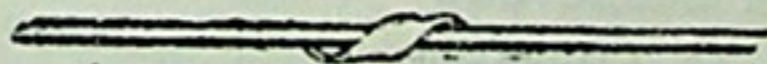
Словно и не бывало бурной ночи! По гладкой лазури моря бегут белые барашки. В самом порту — волна ленивая, мягкая. Порт шлет вдогонку поезду отзвуки своего «оркестра»: басом рокочут краны, тяжелым мягким звуком вторит им сыпаемая в трюмы руда, дискантом врезаются свистки паровозов, свирелью поют автокраны, тягачи... И вот отошли пирсы, причалы, порталы краны стали еле видны вдали. Грусть сжимает сердце — успеваешь полюбить скромных героев великого общего дела, жалеешь, что еще мало видел, недостаточно оценил всю разветвленную сеть работы: портовый флот с его буксирами, маяк, вспыхивающий в ночи, замечательные своей чистотой склады и, наконец, одну из самых интересных отраслей — «малую механизацию».

Столько замечательного рассказал нам о ней руководитель механизации молодой инженер, воспитанник Одесского института морского транспорта Френкель! Кстати, непонятно — почему эта механизация называется «малой»? Нам показали великолепные новейшие ма-

шины «ПТС-4» и «ПТС-5». Эти «малые механизмы» ростом почти с двухэтажный дом, с десятитонным у каждого ковшом. Портовики любовно посматривают на трюмных погрузчиков — ведь машины вовсе вытеснят теперь ручную штивку руды и угля — то, что диспетчеры называют «несчастьем».

Показали нам и мощный, веселый парк «малой механизации». Именно веселый: почти все механизмы — автопогрузчики, гусеничные тягачи, автокраны на пневматическом ходу, подъемные механизмы типа «Меркурий», «Вале», «340», «УМП-6» свежескрашены в веселые, преимущественно ярко-красные и канареечные цвета! «Для приятного вида», — как пресерьезно заявил нам один старый портовик. Приятнее всего смотреть, как четко, быстро выполняют операции эти машины! Все больше прибывает новой техники сегодня в Потийский порт. И эта техника помогает порту оперативно перерабатывать миллионы тонн грузов в год. Миллионы тонн!.. Если все это количество грузов поместить в товарные вагоны, то подобный состав, вмещающий «продукцию» Потийского порта, протянулся бы на многие тысячи километров. При помощи новейшей техники, совершенствуя передовые методы труда, успешно справляется коллектив Потийского порта со своей грандиозной задачей.

И на тех потийских старых причалах, где ручная погрузка была когда-то проклятием человека, где слагались о ней скорбные тягучие песни, — ныне славой советского человека, его торжеством стал осмысленный, грандиозный и созидательный труд.

Критика и публицистика

Н. Джаши,

кандидат искусствоведения

СОКРОВИЩНИЦА МИРОВОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

За годы Советской власти искусство в нашей стране добилось значительных успехов. Созданы художественные произведения, в которых правдиво отражен пафос коммунистического строительства, беспримерные подвиги и трудовой героизм советского народа в годы военных испытаний и мирного строительства. Советское искусство — искусство большого исторического значения, воплощающее передовые идеи нашего времени. Проникнутое оптимистической верой в светлое будущее человечества, в противовес человеконенавистнической империалистической идеологии, оно вот уже более сорока лет последовательно отстаивает идеи гуманизма, борьбы за мир и дружбу между народами.

Всех своих успехов и достижений советское искусство добилось благодаря верному служению народу, тесной связи с жизнью народа, благодаря тому, что оно всегда и везде следует мудрым указаниям и советам Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина.

Собранные воедино статьи и выступления, высказывания, заметки, письма В. И. Ленина по вопросам

«В. И. Ленин о литературе и искусстве». Гослитиздат. Москва, 1957 г.

культуры, литературы и искусства имеют огромное значение для современности, для дальнейшего развития нашего искусства, нашей литературы.

* * *

Развивая учение основоположников марксизма, В. И. Ленин в своих трудах «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и в других произведениях с исчерпывающей полнотой раскрыл суть материалистической теории познания. Разработка В. И. Лениным марксистской гносеологии имеет исключительное значение для искусства и литературы. Материалистическая теория познания, ленинская теория отражения являются основой основ для понимания сущности искусства, закономерностей отражения действительности в художественных образах.

Ленинская теория отражения является философским фундаментом для понимания и изучения всех областей культуры, в том числе литературы и искусства. В теории отражения дано обоснование основополагающего положения марксистско-ленинской эстетики, согласно которому источником искусства является действительность, каждое художественное произведение представляет собой

отражение явлений жизни, реальной действительности. В этой связи весьма характерны статьи Владимира Ильича о Л. Н. Толстом, являющиеся замечательными образцами применения теории отражения к вопросам искусства.

После поражения первой русской революции, в годы реакции вокруг имени Толстого развернулась большая борьба. С самого начала борьба эта приобрела политический характер. Вопрос ставился так: в чем величие Толстого, что он дает русскому обществу и мировой культуре? Хронологически статьи В. И. Ленина о Толстом связаны с двумя важными датами: с 80-летием со дня рождения (1908 г.) и со смертью великого русского писателя (1910 г.).

Буржуазно-помещичья реакция на первый план выдвигала ошибки Толстого и пыталась представить его пророком жизни, утверждая, что Толстой велик не художественными произведениями, а проповедью «непротивления злу насилием», проповедью «общественного вегетерианства». Ясно, что это была борьба против Л. Толстого, это был поход против гениального художника, чьи произведения представляют гордость русской и мировой культуры.

В. И. Ленин в статьях о Толстом, называя писателя «зеркалом русской революции», гениальным художником, который дал несравненные картины русской жизни, «самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок», показал, что противоречия во взглядах писателя — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые было поставлено крестьянство в русской революции.

Статьи В. И. Ленина о Толстом, в которых дан исчерпывающий марксистский анализ творчества и взглядов писателя, были направлены против вульгаризаторов и буржуазно-либеральной критики. Как известно, по мнению вульгарных социологов, вся деятельность художника обусловлена его классовым происхождением, а буржуазно-либеральная критика вовсе отрицала партийность идеологии, ее классовый характер.

В современных условиях происходит острая идеологическая борьба между силами социализма и силами

империализма. Реакционеры всех мастей из кожи лезут вон, дабы использовать в этой борьбе литературу и искусство. Защищая интересы капитала, ревизионисты от эстетики в некоторых странах под флагом «свободы творчества» в открытой и скрытой форме ведут злобные атаки против основных принципов советского искусства, отрицают познавательную и воспитательную функции искусства, являющиеся душой эстетики.

Поэтому борьба против всех видов ревизионизма, как главной опасности на современном этапе, является важнейшим долгом деятелей советской культуры.

В. И. Ленин отмечал, что Толстой, который по рождению и воспитанию принадлежал к высшей помещичьей знати, «порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные... порядки». Л. Н. Толстой, встав на точку зрения патриархального крестьянина, перенес его психологию в свою критику, в свое учение и с невероятной силой чувства, со страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», отразил настроения миллионов крестьян.

Знаменитое положение В. И. Ленина о том, что «если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях», помогает нам понять сущность реалистического искусства. Правдивое отражение жизни, существенных сторон исторической действительности эпохи — ведущий критерий ленинской оценки подлинных произведений искусства.

★ ★ ★

В. И. Ленин развил и отстаивал марксистское положение о партийности идеологии вообще, литературы и искусства в частности. Ленинская теория отражения учит нас видеть в искусстве мощное средство правильного познания жизни, существенных сторон ее развития, общественной психологии, многообразия человеческих характеров.

Великая заслуга В. И. Ленина заключается в том, что он более полуме-

на тому назад, в знаменитой статье «Партийная организация и партийная литература», выдвинув принцип партийности литературы, показал глубокую связь литературы и искусства с жизнью народа, с большевистской партией, возглавившей революционную борьбу пролетариата за преобразование общества.

В этой статье В. И. Ленин дал исчерпывающую критику положения искусства в буржуазном обществе, обосновал характер, сущность и пути развития социалистического искусства.

«Литература, — писал В. И. Ленин, — должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип **партийной литературы**, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме».

Принцип партийности литературы, как указывает В. И. Ленин, заключается не только в том, что для рабочего класса литературное дело не может быть орудием наживы групп или лиц, оно не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего дела. «Литературное дело, — писал В. И. Ленин, — должно стать **частью** общепролетарского дела...»

В. И. Ленин говорил, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, что свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная или лицемерно маскируемая зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания. В этих словах со всей убедительностью показаны порочность и лживость буржуазной демократии. Как известно, провозглашение свободы искусства в буржуазном обществе было одним из основных лозунгов буржуазной демократии, в соответствии с принципами которой все формы духовной деятельности человека якобы свободны и ничем не ограничены.

В. И. Ленин показал, что за этой так называемой «свободой», за этим

отрицанием всякой связи с обществом, скрывается, по существу, буржуазная партийность, то есть художник становится на позиции буржуазного класса. Отсюда важный вывод, сделанный В. И. Лениным: партийность — идея социалистическая, а беспартийность — идея буржуазная.

Во главу угла строительства нового социалистического искусства В. И. Ленин ставил служение народу, борьбу за его интересы, открытую связь с рабочим классом, с революционным движением. Говоря о литературе будущего, Владимир Ильич писал: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».

Как пронзительны, дальновидны эти слова! Советская литература поистине служит всему народу, миллионам и десяткам миллионов трудящихся, подлинным творцам истории.

В этих прозорливых ленинских словах выражена неразрывная связь между принципом партийности и народности искусства.

Говоря о том, что литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного единого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом рабочего класса, В. И. Ленин в то же время предупреждал, что литературная часть партийного дела пролетариата не должна быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Владимир Ильич указывал, что литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством, что в этом деле, безусловно, необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, мысли и фантазии, форме и содержанию.

Провозгласив и развив принцип партийности литературы, В. И. Ленин обосновал принцип народности искусства. В словах В. И. Ленина о том, что «наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство», что на почве широкого народного образования и воспитания «должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию», выражена глубокая забота о роли искусства в эпоху диктатуры пролетариата, ленинский принцип народности искусства.

«Искусство, — говорил В. И. Ленин, — принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимыми ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их». В этих гениальных ленинских словах выражена суть советского искусства и литературы, требование неразрывной связи искусства с жизнью трудящихся масс, с жизнью народа.

Некоторое время тому назад духовные оруженосцы империализма и их пособники — ревизионисты всех мастей «единым фронтом» повели бешеные атаки на метод социалистического реализма и его основополагающие принципы, всячески восхваляли пресловутый буржуазно-анархический лозунг «свободы творчества», выступали против партийного руководства литературой и искусством. Сложность и своеобразие идейной борьбы в области литературы и искусства заключалась и в том, что в среде нашей художественной интеллигенции нашлись отдельные люди, оказавшиеся на поводу у буржуазной критики.

Известно, какой большой вред нанесла развитию советской литературы вульгаризаторская статья новоявленного рапповца А. Белика «О некоторых ошибках в советском литературоведении», в которой сделана попытка отождествить буржуазную

беспартийность с позицией беспартийных советских писателей, противопоставить партийных и беспартийных советских писателей, искажены положения статьи В. И. Ленина и возводится клевета на советских писателей. Известно также, что Б. Назаров и О. Гриднева в статье «К вопросу об отставании драматургии и театра» искаженно, неверно разъяснили вопросы свободы творчества и партийного руководства культурой. Высказывания этих и некоторых других горе-теоретиков в свое время были единодушно осуждены советской прессой, советской общественностью.

Все успехи советской литературы и искусства, внесших неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры, достигнуты благодаря постоянному мудрому руководству Коммунистической партии, которая внимательно и заботливо направляет деятелей культуры по пути беззаветного служения народу. Новым проявлением заботы КПСС о расцвете советской культуры является важнейший партийный документ «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». В этом партийном документе, который был единодушно одобрен всеми работниками культуры, всем советским народом, дана развернутая программа дальнейшего подъема многонационального советского искусства.

«...Нельзя противопоставлять понятия партийности и народности, — говорил Н. С. Хрущев. — Партийность в художественном творчестве определяется не формальной принадлежностью художника к партии, а его убеждениями, его идейной позицией».

Борьба за идеалы коммунизма, за счастье народа является целью советского художника, советского писателя. И поэтому служение народу свободно, без принуждения, по собственному убеждению, по велению души и сердца является призванием советского художника. Замечательно сказал об этом выдающийся советский писатель М. Шолохов: «О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а

сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

Реализм в литературе и искусстве был тесно связан с освободительным движением русского народа, отвечал запросам развития страны. Антиобщественные, антиреалистические течения в литературе и искусстве питались реакционной идеологией, и поэтому беспощадная борьба против этих течений представляла главную задачу реалистического искусства в отстаивании принципа партийности литературы.

Принципом партийности пронизано творчество основоположника литературы социалистического реализма, великого пролетарского писателя М. Горького, которого высоко ценил В. И. Ленин.

Известно, что М. Горький в период реакции допустил серьезные ошибки, подпал под влияние богостроительских идей. В. И. Ленин, со всей резкостью и принципиальностью критикуя заблуждения писателя, вовремя поправлял его, помогал ему понять свои ошибки.

Под идейным влиянием Владимира Ильича Горький освобождался от ошибок, идеологических срывов и до конца своей жизни остался верным защитником и выразителем дум и чаяний трудящихся.

«...Горький, — писал В. И. Ленин, — безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать». Борьба М. Горького с реакционными течениями в литературе и искусстве с самого начала отображала подъем русского революционного движения. Сближение писателя с большевистской партией, его активное участие в партийной работе стало составной частью литературной и общественной деятельности М. Горького.

Ленинский принцип партийности литературы благотворно влиял на творчество М. Горького, обогащал и идейно вооружал писателя, стал важным фактором в борьбе за литературу, стоящую на службе революционной борьбы трудящихся. М. Горький боролся с упадочным, безыдейным и аполитичным буржуазным искусством, защищал и развивал лучшие традиции передовой русской ли-

тературы. В. И. Ленин всячески поддерживал великого пролетарского писателя в его неустанной борьбе с последователями теории «искусства для искусства», в борьбе за реалистическое искусство.

«Я тысячу раз согласен с Вами, — писал Владимир Ильич М. Горькому, — насчет необходимости систематической борьбы с политическим упадничеством, ренегатством, нытьем и проч.»

Какой теплотой и заботой согреты письма Владимира Ильича к М. Горькому, включенные в сборник!

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась началом новой эпохи, эпохи расцвета подлинно народной культуры, литературы и искусства. В речах, выступлениях, директивах, советах, поручениях, письмах, распоряжениях В. И. Ленина послеоктябрьского периода красной нитью проходит неустанная забота о просвещении, учебе, воспитании, повышении культурного уровня широких масс трудящихся.

В. И. Ленин указывал, что только мирозерцание марксизма является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата. В проекте резолюции «О пролетарской культуре» (1920), написанном В. И. Лениным, говорилось:

«В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком».

В первые годы Советской власти в области культуры и искусства появились чуждые и вредные течения, группировки, проповедовавшие буржуазные идеи.

Незавидную роль в проповеди чуждых марксизму идей в области культуры и искусства занимал «пролеткульт». Возникший еще до Октябрьской социалистической революции, он был провозглашен «незави-

симой» рабочей организацией, причем независимой от министерства народного просвещения временного правительства. Революция изменила обстановку; несмотря на это «пролеткульта» продолжали считать себя «независимыми», что по существу означало бы независимость от Советской власти. По этим и другим причинам в эти организации хлынули социально чуждые элементы, захватившие в некоторых организациях «пролеткульта» руководство. Кое-где всеми делами в «пролеткультах» стали заправлять футуристы, декаденты, сторонники идеалистической философии, выходцы из рядов буржуазной публицистики и философии. В этих организациях под видом «пролетарской культуры» рабочим преподносили буржуазные взгляды в философии (махизм), а в области искусства рабочим прививали нелепые, извращенные вкусы (футуризм). Антимарксистские взгляды, которые пышно расцвели после поражения первой русской революции в умах «социал-демократической» интеллигенции, в замаскированном виде прививались «пролеткультом».

Антинародная деятельность «пролеткульта» и его идеологов подверглась уничтожающей партийной критике со стороны В. И. Ленина. В известном письме ЦК РКП(б) «О пролеткультах» (20. XII. 1920), в проекте резолюции «О пролетарской культуре» и других документах партия разоблачила демагогию «пролеткультистов» и еще раз подчеркнула, что новая литература, искусство, культура могут быть созданы, могут развиваться только на основе сохранения и развития многовекового отечественного культурного наследия.

Именно ошибочные взгляды «пролеткульта» имел в виду В. И. Ленин, когда он говорил: «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества».

В. И. Ленин, дав уничтожающую

критику «пролеткульта», формализма и всех других «измов», вскрыл их реакционную сущность, показал, что «всякая выдумка» в области искусства, т. н. псевдореволюционность, противоречит интересам народа и должна быть отвергнута.

* * *

История советского искусства воочию доказала правоту критики формализма со стороны партии, В. И. Ленина, неоспоримо подтвердила тот факт, что формализм не только являлся препятствием в росте нашей литературы, живописи, культуры, но и вел активную борьбу против прогрессивных художественных сил, пытался оторвать искусство от народа, от реальной общественной жизни. Так было в 20-х годах, когда представители «Лефа», «четырёх искусств» и других формалистических группировок всячески старались помешать росту реалистических тенденций в искусстве; так было в 30-х годах, когда избалованный партией формализм уже не мог открыто выступить против принципов социалистического реализма, но пытался свернуть наше искусство с пути изображения советской действительности; так было и в дальнейшем.

Коммунистическая партия всегда вела непримиримую борьбу против буржуазной идеологии, безыдейности, аполитичности, против всяких проявлений формализма в искусстве. Партия является вдохновляющей силой советской литературы и искусства. В. И. Ленин, указывая на необходимость активной борьбы против проявлений буржуазной идеологии, формализма в искусстве, говорил:

«...Мы — коммунисты. Мы не должны стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты».

Положение В. И. Ленина о партийном руководстве литературой и искусством свое дальнейшее развитие получило в решениях XII, XIII съездов партии, в известном постановлении ЦК нашей партии от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы», в постановлениях ЦК КПСС по идеологическим вопросам, в партий-

ном документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», в постановлении ЦК нашей партии «Об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца».

Большое значение для развития советского искусства имел ленинский план монументальной пропаганды, смысл которого заключался в приближении искусства к народу, в воспитании народа средствами искусства.

Вся история советской литературы и искусства является ярчайшим свидетельством того, что ее успехи достигнуты благодаря тесной связи с жизнью народа, верному служению интересам трудящихся масс.

В настоящее время, когда советский народ, вооруженный историческими решениями XX съезда КПСС, под руководством Коммунистической партии самоотверженно трудится над выполнением величественных задач коммунистического строительства, неизмеримо возрастает общественно-преобразующая, активно-воспитательная роль советской литературы и искусства. Деятели советской культуры являются верными помощниками партии в осуществлении грандиозных задач строительства нового общества, в коммунистическом воспитании трудящихся. Все самое лучшее и значительное в нашей литературе и искусстве создано теми талантливыми мастерами, которые навсегда связали свою судьбу художника и гражданина с судьбой народа, с делом партии.

Многонациональная литература и искусство нашей страны развиваются под знаком братского содружества деятелей культуры всех республик Советского Союза, в том числе Грузинской ССР.

Только в советскую эпоху обрели неограниченные возможности творческого роста и расцвета литература и

искусство Грузии, глубоко уходящие своими корнями в народную жизнь, унаследовавшие богатейшие традиции.

Всех своих успехов деятели грузинской советской культуры добились благодаря тому, что они, под руководством партии, всегда следовали указаниям В. И. Ленина о том, что литература и искусство являются неотъемлемой составной частью общенародной борьбы за коммунизм. Об этом свидетельствует состоявшаяся в столице нашей Родины — Москве вторая Декада грузинского искусства и литературы. Декада явилась большим событием в культурной жизни грузинского народа, праздником всей советской культуры. Декада показала, что в нашей республике выросла замечательная плеяда талантливых писателей, артистов, художников, музыкантов, созданы значительные художественные произведения. Достижения в развитии искусства и литературы грузинского народа, продемонстрированные в дни декады, — результат неуклонного осуществления ленинской национальной политики Коммунистической партии, еще одно свидетельство расцвета под непобедимым знаменем Великого Октября национальной по форме, социалистической по содержанию грузинской культуры. Искусство и литература Грузии так же, как и литература и искусство всех народов СССР, служат великой цели построения коммунистического общества, осуществлению всепобеждающих идей марксизма-ленинизма.

Исключительно широк и значителен круг вопросов, освещенных в сборнике «В. И. Ленин о литературе и искусстве», и почти невозможно его охватить, исчерпать в журнальной статье. Работы В. И. Ленина, касающиеся вопросов культуры, литературы и искусства, являются неоценимым вкладом в сокровищницу мировой эстетической мысли.

Владимир МАЯКОВСКИЙ
К шестидесятипятилетию со дня рождения

Снимок 1925 года.

Ю. Суровцев

БЛИЗОСТЬ К ЖИЗНИ И ГЛУБИНА ПОЭЗИИ

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Наверное, нет в современной критике выражения более условного, чем «молодой поэт». Иногда молодым называют поэта шестнадцати-семнадцати лет, а иногда чуть ли не сорок стукнуло человеку, а его — по невнимательности ли, по привычке ли — все продолжают именовать молодым.

Вышел в московском издательстве сборник «Стихи молодых поэтов Грузии», и оказалось, что в нем объединены произведения поэтов самых разных поколений. Ладо Асатиани и Медея Кахидзе, например, — все у них разное, а что общего? Впрочем, во вступительной статье к сборнику говорится: «Не все из них (поэтов, представленных в сборнике, — Ю. С.) молодые в буквальном смысле этого слова, хотя никто еще на свете не определил точно границ между поэтической молодостью и поэтической зрелостью». Последнее замечание — верно, но все же должен быть какой-то критерий отбора, правда? «...В их поэзии много общего: молодой задор и страстность, пафос утверждения, беспокойство поиска, новизна мыслей и чувств». Опять-таки — не очень определено. Разве в сегодняшних стихах Г. Леонидзе мало задора и страстности, разве не беспокойство поиска — особенность лирического стиля С. Чиковани? Что касается пафоса утверждения, то, право же, как-то даже неловко напоминать, что это общий пафос нашей литературы. Вот «новизна мыслей и чувств» — это, действительно, важное качество, рассуждая о котором можно отделить поэзию одного поколения от поэзии другого, можно... если начать говорить о содержании этих мыслей и

чувств. Но о содержании духовного мира поэтов именно этого поколения, о содержании их поисков автор, возможно, из-за небольшого объема вступительной статьи, сказать не успел.

Впрочем, какого точно «этого поколения»? Давайте будем конкретны. Давайте откажемся от выражения «послевоенное поколение» — бытующего в критике, но, на мой взгляд, слишком широкого, мало что объясняющего в творчестве того или иного «молодого поэта». Действительно, разве писатели, формировавшиеся в 46-49 годах, ничем не отличаются от писателей, вступивших в литературу в 55-57 годах, и нужно ли разве объяснять, почему они в чем-то непохожи друг на друга? Но главное — даже не в этом. Если правильно, что не возраст определяет характер творчества, то правильно и другое: не только характером времени, в которое ты живешь, определяется твое творчество, оно определяется и твоим отношением к действительности. А если так, то можно ли критике, пытающейся разобраться в творчестве молодых, не учитывать, вместе с характером времени, также и того, откуда пришел в литературу тот или иной поэт, с каким жизненным опытом, с какими наблюдениями, какими мыслями о жизни. Правомерно говорить о «военном поколении» советской литературы, о поэтах, рожденных годами войны, потому что и у С. Гудзенко, и у А. Межирова, и у М. Луконина, С. Орлова, П. Воронько, И. Нонешвили, Ю. Смуула и многих, многих других до их работы в литературе был в общем одинаковый опыт, одинаковые «впечатления

бытия», характеризовавшиеся жестоким и великим словом — война. Такой единой «предисторией» не было у «послевоенного поколения». Стоит только чуть внимательнее присмотреться к творчеству поэтов, начавших свой путь в конце сороковых — начале пятидесятых годов, и нельзя будет не увидеть различных, в том числе существенных, градаций и оттенков.

Я не буду поэтому говорить вообще о «послевоенном поколении», о «молодых поэтах» и т. д. Хочется остановиться лишь на одном «ответвлении» этого поколения, творчество которого в русской поэзии связывается с именами Р. Рождественского, Е. Евтушенко, В. Соколова, И. Кобзева и других, из украинцев назову Дм. Павлычко, в Латвии — О. Вацетиса, А. Вейна, в Молдавии — Ковальджи. В Грузии это будут М. Мачавариани, А. Сулакаури, Н. Киласония, М. Кахидзе и их несколько более старшие товарищи по профессии, например, Ф. Халваши или О. Мампория (упоминаю только эти имена и потому, что вынужден, к сожалению, ограничиться уже переведенными на русский язык сборниками, и о многих других поэтах — М. Поцхишвили, Т. Чиладзе, Ш. Порчхидзе и др. — могу судить лишь по некоторым отдельным стихотворениям).

«По каким мотивам, спросят меня, вы объединяете этих поэтов?» На этот вопрос и должна ответить статья. А пока скажем, что названные поэты еще не делают погоды ни в русской, ни в грузинской, ни в латышской или эстонской поэзии, но что без них уже нельзя в какой-либо степени полно представить себе сегодняшней нашей многонациональной литературы. О названных поэтах вполне, хотя и в разной степени, можно говорить, как о поэтах самостоятельного творчества, они стоят сейчас на той самой грани, подчас трудноуловимой и трудноуяснимой, когда, поддаваясь впечатлению, говоришь: «А он уже не юный, этот поэт, он уже зрелый — и поправляешься потом — ...почти зрелый». Во всяком случае все они (и это лишний раз свидетельствует об их талантливости) очень быстро прошли необходимый период литературного ученичества, который у многих, малоталантливых, поэтов затягивается, бывает, до седых волос.

И второе предварительное замечание. Эти заметки — критические заметки. Это не значит, что я не согласен с высокой положительной оценкой, которую дали творчеству молодых грузинских поэтов на недавней декаде в Москве.

Но декада — это в основном наше первое знакомство с поэтами Грузии, начавшими работать примерно 5-6 лет назад. Надо теперь, чтобы это знакомство перешло в дружбу, подобную той,

которая издавна существует между русским советским читателем и грузинской советской поэзией. Что может сделать для такого доброго дела критика? Перейти от «рецензионности», от конкретных похвал и частных упреков к проблемному анализу, к широкому рассмотрению творчества молодых поэтов, то есть взять их в каких-то более широких связях и более существенных перспективах. Эта задача и избавляет нас от необходимости как-то оговаривать свои замечания, обставлять их подпорками комплиментов и реверансами оговорок. Лучше нам посмотреть на себя трезвыми глазами, чтобы определить, чего мы все, действительно, стоим, и чего нам, действительно, не хватает. Пусть же статья о поэзии и начнут слова молодого русского поэта, слова, которые хорошо выражают цель, толкнувшую меня к написанию этой статьи:

«О мой ровесник! Друг мой верный!
Моя судьба в твоей судьбе.
Давай же будем откровенны
И скажем правду о себе.
Тревоги наши вместе сложим
Себе расскажем и другим,
Какими быть уже не можем,
Какими быть уже хотим».

★ ★ ★

«Арчил Сулакаури в 1951 году окончил филологический факультет Тбилисского госуниверситета им. Сталина, а в 1954 году — аспирантуру при этом же университете». Нази Киласония «закончила факультет западноевропейской литературы Тбилисского государственного университета...». «Арчил Сулакаури, Мухран Мачавариани, Акакий Гецадзе, Тамаз Чиладзе и др. ...вышли из литературного кружка Тбилисского университета» и т. д. и т. д. Со студенческой скамьи шагнули в литературу многие выпускники «филологических» вузов в Москве, Риге, Ленинграде, Ереване, Таллине, по всей стране. Такое сильное, многочисленное «филологическое» пополнение — пожалуй, первое в истории советской литературы.

Среди поэтической молодежи последнего десятилетия поэты — «выпускники» гуманитарных вузов обладают, по моему, некоторыми общими качествами и признаками.

Есть такое выражение: человек — это его биография. В абсолютном смысле оно не очень справедливо: у скольких людей жизнь складывается не так, как им хотелось бы или не так, как они заслуживают. Но ведь никто, наверное, не станет оспаривать и того, что биография, жизненный опыт, пережитое и пережитое оказывают огромное воздействие на склад ума человека, его характер, нормы его отношения к жиз-

ни, а раз тот человек еще и поэт, то, стало быть, и на характер и содержание его поэзии.

Сегодня мы особенно отчетливо сознаем, в чем сила и в чем слабость, скажем, университетского воспитания. На филологических факультетах, по моему мнению, резче и выявленней, чем где-либо, сказалась недавняя беда нашей высшей школы и — шире — недавних методов и привычек воспитания нашей молодежи (говорю «недавняя» не потому, что сейчас эта беда уже полностью миновала, а потому, что она уже осознана и против нее ведется настойчивое наступление). Речь идет о почти исключительно книжной подготовке студентов — в нашем случае — будущих учителей, преподавателей, поэтов, научных работников и т. п. — к самостоятельной жизни.

Будем, далее, иметь в виду, что в такую, объективно несколько изолированную от практической жизни, обстановку молодые люди до недавнего времени почти на 99% попадали прямо из школы, то есть — не говоря о том, что и школьное воспитание страдало и страдает еще из-за своего отрыва от жизни, своей «книжности» — в вуз приходили люди с неустоявшимися характерами, с отсутствием собственных наблюдений (а откуда бы им взяться, собственным?) Для многих из нас университет представлялся всего лишь продолжением школы, да и был таковым: там о нас заботятся, дают нам знания, и цель существования состояла тогда лишь в их усвоении — не было возможности, да и особого стремления, воспитать в нас умение, навык собственным умом проверить то, что говорится в лекциях. Университетская «книжная» обстановка часто лишь оттягивала срок начала накопления собственного опыта, лично «заработанного», выстраданного, как любят говорить в критике, духовного содержания.

Отсюда «логически» можно было бы предположить бедность, малозначительность в содержании художественного творчества тех, кто начал писать стихи в стенах гуманитарного вуза и стал поэтом-«профессионалом» выйдя оттуда. «Логическое» предположение это имеет все шансы оправдаться, если только молодой поэт или молодой критик (все равно) не поймет своей ограниченности и не постарается разорвать сковывающий его круг «книжной» односторонности. Но все ли из нас понимали и хотели понять эту односторонность?

Конечно, было бы очень и очень неверно недооценить значение «филологического» воспитания, преувеличить степень и опасность недавней оторванности нашей воспитательной работы от практической жизни. Изучение общественных наук, усвоение идеологиче-

ских критериев подхода к историко-литературным фактам и литературоведческим понятиям, общественная жизнь на факультетах — все это идейно воспитывало нас, все это, безусловно, только благотворно могло сказаться на дальнейшей работе молодых выпускников, на творчестве молодых поэтов, в частности. Правда, «могло» еще не значит — «отразилось»; были среди нас и такие, что при первом же столкновении с практической жизнью многое порастеряли из того полезного и нужного духовного багажа, которым нас «оснащали» в вузах.

Положительное воздействие студенческо-филологической «предистории» на будущих поэтов, весьма немаловажное именно для поэтов, для литераторов было и в другом. Большинство из них вынесло из вузов довольно ясное представление о том, какое серьезное значение имеет в искусстве профессиональная культура: своеобразный образ, оригинальная рифма, словом, — «форма», «техника». То, что они думают и чувствуют, молодые поэты-«филологи» выражают эстетически грамотно, без «технического» косноязычия, с той степенью творческой свободы, когда видишь, что не «материал» побеждает автора (тьма примеров тому в современной поэзии!), а, наоборот, автор — хозяин материала. Этому, безусловно, способствовали «филологическая» подготовка автора, постоянное общение с художественной и специально-литературоведческой книгой, бесчисленные семинары и спецсеминары. Мы должны быть благодарны нашей «академической» науке за те знания, которые она дала нам, за ту прочную методологическую, профессиональную основу, на которой только и может плодотворно развиваться эстетическое чувство и талант; мы должны быть благодарны и жизни, самой жизни, самой «судьбе» нашей, которой обязаны счастливой для нас возможностью заниматься кто — поэзией, кто — критикой, кто — литературоведением. Мы пишем свои стихи и свои статьи — как и до этого курсовые работы и дипломы — в «спокойной», благоприятствующей этим занятиям обстановке. Другим поколениям приходилось учиться науке и культуре, в том числе и поэтической, — в ходе самой жизни, «в сплошной лихорадке буден», отрывая на учебу часы у отдыха, отрываясь для учения от текущих практических дел. Нас же посадили за парты, довели до аттестатов зрелости, пересадили на скамьи институтов и университетов, ввели в аудитории, залы библиотек и музеев: гуманитарная «подкованность», филологическая культура падала в руки сегодняшним молодым поэтам и критикам, как яблоки с яблони; кое-кто из нас да-

же руки ленился поднять, кое-кто из нас воспринял свою «образованность», не выстраданную, не заработанную, как нечто само собой разумеющееся, как нечто обязательное, хотя и неизвестно за что причитающееся.

Мы учились без тех трудностей, с которыми сталкивались в нашем возрасте отцы и старшие братья. Это естественно: жизнь всех советских людей должна становиться все более радостной, легкой, обеспеченной. Но для нас, молодежи, есть здесь и другая сторона. Корень слова «трудность» — «труд». Сравнительно (я подчеркиваю это), сравнительно несамостоятельная, бесхлопотная, сравнительно далекая от больших и малых практических требований повседневной жизни обстановка кое у кого рождала неуважение к труду, а всем нам мешала быстрее и глубже вырабатывать в себе то, что Белинский метко называл «тактом действительности»; и субъективными и объективными факторами не очень возбуждалось у нас плодотворное стремление разобраться в жизни, узнать, как следует, жизнь тех, кто своими руками в поте лица добывал и себе и нам хлеб насущный, строил новые заводы и плотины, на ком действительно стоит наша великая держава, чьи эстетические запросы и должна, собственно, удовлетворять литература, о чьем идейно-эстетическом развитии она и должна заботиться. Для многих из нас, выпускников вузов, характерно было неумение претворить в жизнь прекрасные принципы, в которые мы верим; это обстоятельство у части нестойких людей породило неправильное, опасное разужерение в принципах, у других же — какую-то растерянность перед бурной, стремительной жизнью.

Воспитание книгой (правильной, хорошей книгой) — очень большое подспорье в деле коммунистического воспитания советского человека, но при условии одного только книжного воспитания возникает возможность отрыва от великого мира действительной борьбы, ухода в мир собственного интимного душеустройства или нервических, «фрондерских» выкриков (жизнь, мол, оказалась совсем не такой, как я думал!) Так кого же винить: себя или жизнь?! Эти опасности есть, эти опасности могут погубить самый сильный природный поэтический талант. Вот почему так вовремя и остро подчеркнутый партией вопрос об укреплении связи творческой интеллигенции с жизнью народа касается, может быть, в первую очередь молодых писателей.

Хорошо чувствовать, что в большинстве своем сами поэты тревожатся за судьбу своих стихов, сами неудовлетворены созданным, ищут и думают, хотят большего и лучшего. Может быть, это и есть показатель того переломного воз-

раста, когда беспечная, довольная собой молодость, расположенная еще очень близко к детству, к мальчишеству, уступает место зрелой юности, мятущейся, стремящейся к вершинам, юности первой ступени возмужалости.

Герой одного из стихотворений А. Сулакаури держит в руках свою старую, некогда, наверное, заветную тетрадку стихов. И что же думает он при этом? Какое чувство бьется в нем? Досадливое удивление.

«Но это, может быть, тетрадь чужая?
И кто же он, ребенок этот странный?
Иль вправду был таким я, воспевая
Одни лишь ночи, ночи и туманы?
Одно и то же:
Небо,
Звезды,
Горы,
Да мгла ночная,
Да овраг бездонный,
Девичьи руки и девичьи взоры.
Безбрежная печаль в ночи бессонной».

И поэт делает строгий вывод:

«Здесь некий мальчик с голоса чужого
Поет, тревожа вымыслы и тени.
Здесь отголоски книг, и нет ни слова
О жизни, ни следа ее волнений...»

Перевод М. Петровых.

Легко показать, что подобное настроение удивленности повзрослевшего человека — вот, какую малозначительную ерундику я писал тогда, — охватывает порой не только Сулакаури, но и многих других поэтов того же «возраста», и не только грузинских. Очень характерно здесь это самокритическое ощущение своей несамостоятельности в жизни и в искусстве, принимающее у поэтов-«филологов» подчас форму справедливого и плодотворного сетования на свою «книжность». Ленинградец В. Торопыгин так и пишет, несколько гиперболизируя свое несчастье:

«Уже никуда не деться —
кружится голова:
Из книжных реминисценций
снова идут слова.
Образы из кого-то
читанного давно,
Двигутся, как пехота,
двигутся, как в кино».

В. Торопыгин эту «книжность» относит не в такое уж далекое прошлое, как это выглядит в стихотворении А. Сулакаури, — и, пожалуй, он более прав. В подражательности, в детскости «ребенка» нет ничего «странного» и страшного. Но что если через несколько лет поэт возьмет в руки сегодняшнюю свою тетрадь и посмотрит строгими завтрашними очами, а нет ли и там лишь «от-

голосков книг», «образов из кого-то», и как там со «следами волнений» жизни?! Лирический герой Сулакаури, Евтушенко, Торопыгина и др. уже отнюдь не «ребенок странный» — и все же... все же, несмотря на безусловную талантливость поэтов, на их серьезные поэтические достижения, как еще мало этих «следов волнений» жизни, если, разумеется, под волнениями жизни понимать нечто более важное, чем «одно и то же»: первое свидание, глаза любимой, шелест деревьев на проспекте Руставели или Тверском бульваре, запахи трав родного села и т. д. и т. п.

Мы вступили в такой возраст, когда люди ждут от нас, что мы скажем нечто значительное, им нужное, их обогащающее. Чем же обогащают читателя молодые поэты? Своей искренностью, доверчивой откровенностью, немного наивным, несколько эгоистическим, но в общем располагающим к себе стремлением поделиться радостью от того, что ты живешь на свете с душой нараспашку, вдыхая по-весеннему благодатный воздух. Да, это хорошие качества молодости, их хорошо передают молодые поэты, стихи «про это» могут даже на какое-то время завладеть сердцем. Но надолго ли? И ведь только, к тому же, сердцем! А ум, а воля человека? Обогащают ли эти стихи ум, закаляют ли, направляют ли волю, способны ли они дать ответ на серьезные вопросы человека?

Я не преуменьшаю, конечно, значения искренних, чистых, талантливых стихов о весне и молодости. Хорошие стихи! И на этой общей всем теме каждый из поэтов вполне может показать свою оригинальность; А. Сулакаури, например, — свою любимую интонацию раздумья, прислушивания к жизни, в результате чего его насквозь эмоциональный стих приобретает трезвую «рационалистическую» окраску:

«Смотри,
Как ожил сон недавний,
Какой огромный мир вокруг,
Как будто распахнулись ставни...
Ты слышишь громкий сердца стук?
Весна командует сердцами,
Весна, весна владеет нами.
Да, я всегда встречал в волненье
Зеленых листьев первый пыл,
Но ждал бы я так дней весенних,
Когда б я жизни не любил?»

Перевод И. Снеговой.

В стихах о весне и молодости Нази Киласония прекрасно обнаруживает главный нерв обаятельности своей поэзии — мягкость, ласковость; поэтесса так и просит, обращаясь к солнцу, —

«Распахни мне сердце, лаской трогай!»

Или в другом месте:

«Я иду. Меня воздух пьянит, как вино.
Здравствуй, март, здравствуй, жизнь
весенней начало!»

Улыбается мать, как когда-то давно,
В дни, когда мою детскую люльку качала.
И сейчас, когда март пробудился в лесу,
И ручьи зажурчали в ущелье глубоком,
Первоцветы тебе я в подарок несусь,
Приласкай меня, мама, как в детстве
далеком!»

Перевод Е. Николаевской.

А у Мухрана Мачавариани основа своеобразия — горячее, молодое озорство... — Весна? — спрашивает он. — Ну, что же! Ты хороша, это верно, но не очень-то задавайся, я тоже парень не промах:

«Мне послушны глаза камелий,
Моя рука весела и легка.
Я напускаю мох на камень
и растрачиваю

облака.

Со мной вдохновение не растается.
Бессонно стучит оно у виска.
Во мне грохочет,

гудит,

раздается...

Я сам не хуже весны —

весна!»

Перевод Евг. Евтушенко.

Ну, что же, все это и хорошо, и правильно, и здорово, и оригинально, и талантливо — когда поэт пишет вот так о весне, или о воспоминаниях радостей детства (их, правда, немножко можно было бы поубавить, этих стихов о детстве), или, совершенно неизбежно, о первой любви. Если искренне, от души передать свои чувства, да еще такие симпатичные всякому человеку, как чувство любви, ожидания счастья, радости бытия, то, конечно, никто не останется полностью равнодушным, какая-то ответная, если не волна, то волнишка в душе колыхнется.

Но коварная вещь — лирика! Вот схлынуло первое впечатление от прочитанного, волнение отзвука улеглось, «в игру» вступил строгий, трезвый разум, — вот тогда-то стихи начинают цениться в истинную свою цену. И что же остается у нас на душе, в сердце, в уме, когда мы читаем стихи, подобные цитированным выше, что, кроме ощущения привлекательной молодости лирического героя, откровенно заявившего, что он молод, молод, молод? Ведь ничего больше и не остается. Все небогатое содержание таких милых стихов с четкостью, почти силлогической, выразил Ф. Халваши:

«Я впервые
Сейчас полюбил,
Выковал первый стих

Весною.
Верю я.
Что весенний пыл
Будет вечно дружить со мною!»
Перевод Д. М. Голубкова.

Но, во-первых, то счастливое обстоятельство, что именно весною лирическому герою довелось полюбить и «выковать первый стих», не является очень уж убеждающим подкреплением веры в вечную свою «весенность». А, во-вторых, не мало ли этого, в принципе, для содержания стихотворения? Приятно познакомиться с лирическим героем таких стихов, но ведь повзрослей он — и сам он увидит в тех строчках себя, так ска-

зать, прошлого, но не будущего, да и вряд ли полностью даже сегодняшнего! Беда состоит в том, что то «нечто», которое мы можем сказать сейчас читателям, — еще весьма и весьма незначительно по сравнению с тем, чего от нас ждут. В этом и проявляется недостаточная близость наша к жизни. В осознании этой, пусть детской, но болезни следует искать стимул для того, чтобы расширять и углублять свой опыт, оттачивать ум, настраивать сердце на большие, всех касающиеся, миллионы людей затрагивающие и интересующие проблемы и явления. Преодоление отрыва поэзии от жизни заключается, прежде всего, в углублении содержания нашей поэзии.

Э. Елигулашвили

РАССКАЗЫ МОЛОДЫХ

В течение целого ряда лет в некоторых литературно - критических статьях обзорного характера настойчиво подчеркивалось отставание жанра рассказа в нашей литературе. То и дело раздавались сетования по поводу того, что писатели рассказов не пишут, что прозаики, мол, целиком переключились на создание трилогий и тетралогий, и только экстренные меры могут повернуть их «лицом к рассказу».

Однако достаточно просмотреть сборники, журналы и газеты последних лет, чтобы прийти к неоспоримому выводу: рассказы писались, и среди них совсем немало было таких, которые принял и полюбил требовательный советский читатель.

Единственным, пожалуй, результатом статей указанного типа было то, что критики выпустили из поля зрения ход литературного процесса, в частности — развитие рассказа. Именно поэтому так невелико было в последнее время количество работ, посвященных разбору творчества советских прозаиков-новеллистов или анализу их отдельных произведений. Из работ, посвященных теории этого жанра, отметим опубликованные лет пять назад «Письма о рассказе», причем автором их был один из интереснейших современных

русских новеллистов Сергей Антонов, а не профессиональный литературовед или литературный критик.

Актуальность постановки вопроса о судьбах рассказа в нашей критике бесспорна. Тем более, что за последнее время в грузинскую литературу вступил отряд молодых писателей, активно работающих в области небольшого рассказа. При всем разнообразии творческих индивидуальностей этих писателей объединяет много общих черт, позволяющих говорить о них в рамках одной статьи.

Общность не является синонимом «похожести». Моменты сходства в творчестве молодых грузинских рассказчиков вполне естественны и даже обязательны. Они объясняются, прежде всего тем, что их авторы принадлежат к одному поколению советской молодежи и стремятся выразить ее думы и стремления, ее жизнь и труд, ее поиски и надежды.

Кроме того, если проследить историю зарождения и развития рассказа в грузинской литературе (достаточно назвать имена таких ее представителей, как И. Чавчавадзе, А. Церетели, А. Казбеги, Важа Пшавела, Н. Ломоури, Н. Лордкипанидзе, Е. Габашвили, Э. Ниношвили и Д. Клдиашвили), то нетрудно заметить характерные черты школы гру-

зинского рассказа: острая социальная злободневность тематики, значительность, масштабность героев, своеобразие стиля, сочетающего в пределах одного произведения лирико-романтическую и сатирическую струю, которое и является компонентом национальной формы.

Наследниками этих традиций и явились грузинские советские писатели. Литературная молодежь имеет возможность учиться у таких мастеров старшего и среднего поколения, какими являются Ш. Дадиани, Л. Киачели, С. Клдиашвили, Д. Шенгелая, К. Лордкипанидзе, А. Белиашвили, Г. Натрошвили и другие.

Творчество молодых писателей свидетельствует о плодотворности и жизнеспособности этих традиций и примечательно то, что оно отмечено смелыми поисками своего лица, индивидуального творческого почерка. Однако оценка их произведений во многом зависит от того, насколько успешны и органичны эти поиски, насколько зрело художественное мастерство авторов.

В дни Декады грузинского искусства и литературы в Москве, анализируя книги молодых грузинских прозаиков, видные советские писатели и критики показали их сильные и слабые стороны, серьезно и поделовому анализировали достоинства и недостатки их произведений. Требования предъявлялись без скидок на молодость и неопытность, по большому счету. И это, думается, обязывает продолжить начавшийся разговор.

Специфика жанра

На декаде были представлены книги рассказов молодых писателей Р. Инанишвили «Натэла» и Т. Гоголадзе «На нашей улице». Кроме того, в большой сборник грузинских рассказов были включены произведения и других представителей молодого поколения писателей, работающих в этом жанре.

В рассказе особое значение приобретает соразмерность формы и содержания, средства и цели. Композиция не терпит никаких излишеств. Поэтому перед автором рассказа каждый раз встает вопрос об оригинальном и в то же время наиболее

органичном для данной темы сюжетно-композиционном решении. Насколько удачны поиски молодых писателей в этом направлении?

Вспомним небольшой рассказ Тенгиза Гоголадзе «На нашей улице». В нем автор создает привлекательный образ молодого парня, честного, искреннего и в то же время немного нерешительного. Именно эта нерешительность мешает ему открыться любимой. Автор рассказывает читателю о том, как жизненные встречи и столкновения помогают его герою стать духовно богаче, смелее и решительнее в борьбе за свое счастье.

Время действия рассказа ограничено пределами двух дней, в течение которых молодой шофер — водитель такси (герой рассказа) встречается с разными людьми, соприкасается с чужим счастьем и горем. Финальное столкновение героя с человеком, осквернившим высокое чувство любви, позволяет ему определить свою этическую позицию. Изгоняя подлеца с улицы, на которой живет он сам и любимая им девушка, герой рассказа совершает первый, пусть пока не очень крупный, подвиг в защиту своей чистой любви.

К сильным сторонам этого произведения относятся четкость авторской позиции в разрешении основной проблемы, логичность развития характера героя, умение писателя минимальными средствами, буквально одним-двумя штрихами создавать образы людей, с которыми приходится встречаться шоферу такси.

Автор ставит своего героя в условия, когда перед ним поочередно проходят остальные, эпизодические персонажи. Этот же прием употреблен другим молодым новеллистом — Ревазом Инанишвили в рассказе «Майя». На этот раз героиня рассказа — официантка столовой. Автор, естественно, получает возможность нарисовать целую галерею образов посетителей столовой. Его моментальные характеристики, проникнутые теплым, мягким юмором, запоминаются читателям.

Но даже сходная сюжетно-композиционная канва не мешает самостоятельности художественных решений, порожденных различием творческих индивидуальностей двух молодых писателей. У Р. Инанишвили не ожи-

данный поворот сюжета в финале рассказа вполне соответствует содержанию и стилистическому строю произведения.

Особое значение в рассказах приобретает тщательный отбор сюжетных линий, образов и деталей. Но нельзя забывать, что даже удачная и интересная сама по себе художественная деталь не всегда обогащает рассказ.

Р. Инанишвили обладает даром создания непринужденного диалога, яркой детали. Причем, у читателя создается впечатление, что автор не испытывает никаких трудностей при их создании. Однако эта щедрость порой приводит к излишествам, которые нетерпимы ни в одном жанре литературы, тем более — в жанре рассказа-миниатюры.

Вот рассказ «Квочка». В нем читатель встречает знакомые черты почерка Р. Инанишвили: юмор и естественность, с какими ведется повествование, неожиданная концовка. Однако попробуйте решить, для чего нужна в пятистраничном произведении «увертюра», составляющая добрую треть рассказа. В ней автор очень весело и увлекательно повествует о том, как приехал в Уджарму молодой рабочий (он же рассказчик), как его здесь встретили товарищи по работе: как над ним вначале смеялись, а потом — перестали... Все это, повторяю, читается с интересом. Но в целом эта часть ни сюжетно-композиционно, ни интонационно с рассказом не связана.

Вообще, следует отметить, что инерция рассказывания, инерция непринужденной беседы, свойственная стилю Р. Инанишвили, порой уводит автора в сторону от рассказа, приобретает самодовлеющее значение, как получилось это в рассказе «На тутовом дереве». В нем автор рассказывает о том, как юноша, полюбив приехавшую в их село из города учительницу, каждый вечер взбирается на тутовое дерево, стоящее напротив ее окна, и оттуда наблюдает за возлюбленной. Однажды ему удалось даже подсмотреть, как учительница собралась купаться. Но в это время на дерево стал карабкаться другой любитель пикантных зрелищ. Между наблюдателями разгорелась драка. Она-то и помешала «герою» довести до

конца начатое им дело. Вот и весь рассказ. О чем он, для чего написан? Неужели он нужен был автору только для того, чтобы лишний раз продемонстрировать свое мастерство в создании речевых характеристик, ярких, образных деталей?.. Никакие «художественные красоты» не могут замаскировать незначительность содержания рассказа.

Композиция, образ, художественная деталь — все это очень важные элементы всякого произведения литературы. Но даже самое мастерское их использование не может спасти от неудачи писателя, если он избирает мелкие, нетипичные темы, проникнутые чуждым для нашей литературы духом пошлости и эротизма.

Роль детали в рассказе необыкновенно велика. Поэтому особого внимания заслуживает вопрос о том, как используют ее молодые грузинские писатели для раскрытия идеи своих рассказов.

Находки и штампы

В Тбилиси, на узенькой улице Шавтели живет Ношреван Лагидзе, старый актер, который давно уже не выступает на сцене. Лагидзе решает писать мемуары — все же, как-никак, работа. Он помнит много интересного о Котэ Марджанишвили, Ладо Месхишвили, профессоре Гнедове...

Такого героя избирает для своего рассказа «Вечный двигатель» Эдишер Кипиани. Мы ясно представляем себе старого актера, интересы, которыми он живет. Перед нами разворачивается история богатой событиями жизни, и все это в небольшом по объему рассказе. Чем достигает писатель такой «емкости» изображения? Тем, что он использует специфичные для рассказа художественные приемы, и, прежде всего, образную деталь, которая позволяет глубже раскрыть идею и не просто «уплотняет» и оживляет рассказ, но сама становится активным средством выражения содержания.

Вот описание тбилисской улицы, старой, как сам герой рассказа, и в то же время — живой активной жизнью. Как рисует автор эту улицу? Несколькими черточками он сумел воссоздать атмосферу старой улицы, которую оживляют крики молоч-

ниц по утрам, треск мотоциклов и деловитый гомон экскурсантов, осматривающих древнюю церковь; от дома к дому, «словно челнок», неустанно снуют почтальон. Таков фон, нарисованный лаконично, но не скупно.

В процессе развертывания повествования прочными ассоциативными связями срastaются с основной темой все эти, на первый взгляд, проходные детали, становятся активными средствами раскрытия идеи. Приведем примеры.

Инкассатор пришел проверить электросчетчик. Эта ситуация сразу же обрастает многообразными связями. Постучав в дверь, инкассатор отмечает, что проходит много времени, прежде чем ему открывают дверь: «Постарел давний клиент, с трудом передвигается по комнате, а на улицу и вообще не выходит». После проверки показаний счетчика оказывается, что энергии израсходовано за истекший месяц больше обычного. И тут вступает в действие герой рассказа: «раз больше ушло энергии, значит, ему удалось больше поработать». Эта связь в рассказе не подана, конечно, в столь прямой форме. У Кипиани она вытекает из логики художественных образов.

Таким образом, в «Вечном двигателе» уже в завязке выступает мотив «счета энергии», потраченной человеком. С этим основным мотивом сочетается и другой, не менее важный: на что именно потрачена эта энергия, кому на пользу, во имя какой идеи?

Активную роль в рассказе призваны сыграть и экскурсанты, записывающие сведения о древнем архитектурном памятнике — храме Анчисхати. В дальнейшем окажется, что именно в числе этих экскурсантов были супруги Собко, поселившиеся у старого актера и напомнившие ему дни молодости. И данная деталь также нагружена идейно-образным подтекстом: человек никогда, до самой смерти, не становится «памятником старины», даже в его воспоминаниях содержится сила живой жизни.

На подобном «расширении» упомянутых вскользь деталей построен «Вечный двигатель». Из сочетания всех мотивов рассказа и возникает его основная мысль: жизнь челове-

ка — это единственный образец вечного двигателя, вечного в своих поисках, мечтах, устремлениях, вечного в любви и работе.

Отметим здесь же, что к концу рассказа у Э. Кипиани появляется стремление рассказать (правда, устами героев) о том, что с достаточной полнотой было уже показано раньше. Это привело к определенной дидактичности концовки «Вечного двигателя». Помимо того, что традиционный «тост под занавес» выпадает из образной структуры рассказа, он явно ограничивает звучание его идеи, суживает образ «вечного двигателя». Я уже не говорю о том, что «тост под занавес» давно стал художественным штампом.

Подобные штампы (они встречаются и в произведениях других молодых писателей) свидетельствуют о том, что литературная молодежь не всегда проявляет требовательность и должный вкус при отборе художественных средств. В то же время причиной появления шаблонных, «поношенных» деталей, метафор, эпитетов является и то, что иногда, не разобравшись до конца в своих жизненных впечатлениях и наблюдениях, молодой автор пользуется «проверенными» средствами, черпая их не непосредственно из жизни, а «из вторых рук».

Успех же возможен только на путях глубокого и всестороннего изучения жизни. Приведем пример плодотворных поисков оригинальных выразительных средств из рассказа молодого прозаика Ильи Руруа «Бессонная ночь». Добиваясь того, чтобы читатель зримо представил себе протяженность времени между началом и концом действия рассказа, автор использует для этого лишь две пейзажные детали. Направляясь в дом матери, герой рассказа Леван «шагал по седой от росы траве»; когда же он возвращался, «травы чуть потемнела, словно, обрызгивая купоросом виноградные лозы, ненароком залили и лужайку».

Рассказ И. Руруа привлекает чистотой чувства, гуманизмом содержания, изящной «пастельной» манерой живописания словом. Ставя проблему разрыва со старой жизнью, автор находит свои, оригинальные художественные средства. В «Бессонной но-

чи», как и в других рассказах И. Руруа, привлекает внимание пластичность картин природы. К сожалению, некоторые молодые писатели созданию пейзажей родной страны уделяют явно недостаточное внимание.

Заканчивая разговор о рассказе «Бессонная ночь», отмечу, что и в нем автору в одном месте изменило чувство меры. Резко диссонирует с мягким лиризмом всего рассказа заключительный абзац.

«По саду пробегал свежий ветерок. «Тсс! Тсс!», казалось, вторил он детям, обвевая стены залитого солнцем дома, в котором досыпали бессонную ночь убаюканные нежной заботой мать и сын».

Без этой сентиментальной концовки рассказ, на наш взгляд, был бы несомненно лучше.

Чувство современности

Рассказы молодых, понятно, вовсе не обязательно должны быть рассказами о молодых. Такого требования к ним никто не предъявляет. Однако совершенно необходимо, чтобы в них ясно чувствовался ветер современности, чтобы читатели видели в них действительность подлинную, а не мнимую (все это, разумеется, относится не только к рассказчикам и не только к молодым).

Дыхание наших дней овеивает многие рассказы молодых новеллистов. Даже Ягор — старый школьный истопник из рассказа Р. Инанишвили «Чурчхелы» — всеми чертами своего характера принадлежит сегодняшнему дню. Я специально останавливаюсь именно на этом рассказе, так как сама тематика могла увлечь автора на путь архаизации и стилизации.

Старый Ягор находится уже в том возрасте, когда ему положены заслуженная пенсия и не менее заслуженный покой. Многие черточки его характера обрисованы автором с сочувственной улыбкой. Читатель симпатизирует трудолюбивому, беспокойному старику, которому до всего есть дело: и до осанки своего друга-одногодка, и до сверхпланового угля, добытого грузинскими шахтерами, и до заседания Ассамблеи Организации Объединенных Наций, и до экзаменов юношей-студентов.

Образ Ягора безраздельно принадлежит нашему времени. Заслуга молодого писателя состоит в том, что ему удалось традиционный в литературе образ решить по-новому, сделать его современным.

Сюжет рассказа несложен. Истопник Ягор случайно встречается в классной комнате с двумя юношами, готовящимися к экзамену. Он близко к сердцу принял их заботы, окружил их вниманием, а они забыли даже сообщить старику о том, как прошли их экзамены. И вот Ягор с трогательным постоянством носит в кармане завернутые в газету чурчхелы, чтобы при случае угостить ими своих случайных собеседников.

Грустной нотой заканчивается этот рассказ. Читателю искренне жаль старика, который встретился с бездушием, а может быть, — просто со свойственными подчас молодости забывчивостью и беззаботностью. Однако «Чурчхелы» — не элегия. Сам Ягор не согласился бы принять соболезнования. У него такие крепкие и многочисленные связи с нашей действительностью, что история с чурчхелами скоро будет забыта в труде и новых заботах...

Тепло и свет призвана нести людям и Натэла — героиня рассказа И. Руруа «Свет и тень».

По профессии Натэла — диспетчер электросети. Она дежурит ночью, распределяя электроэнергию среди всех, кто нуждается в свете. И Натэле звонят разные люди, которым обязательно, сейчас же, немедленно необходимо электричество.

Как видим, определенная тематическая связь между рассказами «Чурчхелы» Р. Инанишвили и «Свет и тень» И. Руруа существует. В какой-то мере перекликаются даже профессии героев.

Но рассказу И. Руруа присущ органический порок, причиной которого является отсутствие чувства современности. Уже самое начало этого произведения заставляет читателя насторожиться: автор описывает «зámок», в котором совершенно одна сидит девушка Натэла и мановением руки несет свет, куда ей захочется. Может быть, с точки зрения легенд и сказок такое уединение и оправдано. Однако именно эта стилизация под сказку и приводит автора к значи-

тельным идейно-художественным издержкам.

Прежде всего, вряд ли соответствует реальности такое положение, когда совершенно одна, в чистом поле, сидит девушка, которая может по своему желанию и даже прихоти одарять светом или лишать его население большого города. Ей, разумеется, сознание своего всемогущества доставляет удовольствие. Но едва ли такое же чувство испытывают другие.

Стремление к стилизации привело и к другому недостатку: вместо создания реалистических образов автор увлекся элементарной символикой и аллегорией (девушку, из глубины своей башни несущую свет миру, даже зовут Натэла — Светлана). Очевидно, почувствовав неубедительность уединения своей героини, автор решает наладить ее связь с людьми при помощи... электрических и телефонных проводов.

И если Ягор из рассказа Инанишвили связан с жизнью крепкими и многообразными нитями, то героиню рассказа «Свет и тень» даже эти технические средства не могут спасти от чувства одиночества.

Скучно Натэле. Но только она собирается позвонить по телефону, как раздается звонок: в доме свадьба, а тут, как на грех, погасло электричество. Натэла — добрая девушка, она, конечно, поможет молодоженам. Звонки следуют один за другим, звучат все новые и новые просьбы. И тут с особенной ясностью обнажается надуманность, схематичность авторского замысла, ибо идея рассказа так и не обрастает образной тканью, аллегория так и остается неглубокой аллегорией.

Чувство современности, чувство сегодняшнего дня должно было подсказать автору несовместимость избранной им условной, архаичной формы и содержания рассказа.

Молодые писатели должны особенно внимательно прислушаться к призыву укрепить связи литературы с жизнью. Несомненно, что если бы И. Руруа познакомился с работой предприятий, снабжающих электроэнергией Тбилиси и другие города, он нашел бы более актуальные и жизненные конфликты, чем в его рассказе.

Изучение жизни — процесс, длящийся у писателя всю жизнь. В выступлении Н. С. Хрущева ясно показан вред отрыва от жизни. Молодые авторы находятся в гуще современности, трудятся вместе с народом. Для многих представителей литературной молодежи типичен жизненный путь Р. Инанишвили. Он работал слесарем на заводе, затем на строительстве Самгорской оросительной системы. Получив высшее образование, он уезжает в деревню, снова окунается в гущу жизни.

Однако не всегда и не всякое изучение жизни означает ее глубокое постижение. Мерилом, в конечном счете, является глубина и значительность тем и проблем, поднимаемых писателем в своем творчестве.

Почти все рассказы молодых писателей посвящены современности. Но насколько они современны, насколько значительны и актуальны поднятые в них темы? Могут ли их герои стать наставниками нашей молодежи?

Куда зовут герои?

Основной чертой, объединяющей всех молодых писателей-новеллистов, является их любовь к своим героям. Когда вы читаете созданные ими произведения, вас ни на минуту не оставляет впечатление, что авторам доставляет удовольствие познакомиться читателей с такими хорошими людьми, как их герои. В рассказах Э. Кипиани, Р. Инанишвили, Т. Гоголадзе, И. Руруа удивительно много симпатичных, привлекательных, милых людей.

И это вполне естественно. Встречаясь на своем пути с людьми разных профессий, разных возрастов, молодые писатели с особой чуткостью откликаются на все светлое, чистое, честное. Разумеется, эта общая для четырех писателей черта у каждого из них проявляется по-своему, индивидуально.

Вот перед нами рассказы Эдишера Кипиани. Читаешь их, и словно попадаешь в мир простых, честных тружеников. Особое внимание молодой автор уделяет работникам искусства: музыкант, композитор, дирижер, артист часто встречаются на страницах его рассказов. Да и назва-

ния их говорят о симпатиях автора — «Случай на концерте», «Музыкальный момент», «Супруга дирижера»... Герои Э. Кипиани — люди так называемых «необычных» профессий, но самые «обычные», простые и знакомые нам в жизни. Молодой писатель обращает свое внимание не только на дирижера, но и на самого рядового артиста оркестра, выбирает своих героев, проверяя их характеры, их деятельность критериями труда и правды.

Людей труда, людей в труде любит рисовать и Т. Гоголадзе. Причем, своих героев он обычно изображает в момент душевного кризиса, высокого напряжения, когда с наибольшей полнотой раскрываются характеры людей. Героиня рассказа «Сердце женщины» искренне стремится даже в мыслях сохранить верность своему мужу, погибшему в Отечественной войне. Но в ее жизнь властно входит новая любовь; в рассказе «Будь счастлива, Тамила!» герою — сельскому учителю — приходится пережить тяжелую драму: нечестный человек обманул его возлюбленную, и трудными путями приходится идти к счастью двум хорошим людям; старый Габриэл (из рассказа «Свет») теряет зрение, но в этот трагический момент рядом с ним оказываются любящие, чуткие сердца...

Творческие интересы И. Руруа обращаются, в основном, в сфере личных отношений.

Разнообразна тематика рассказов Р. Инанишвили. Этим объясняется и многообразие его героев. Среди них мы встречаем и стариков («Чурчхелы», «Маленькие гости», «Эти минуты сегодняшнего дня»), и людей средних лет, и молодежь («Рассказ Ношревана», «Поцелуй»), и детей («Козочка», «Желание»). Мягкая улыбка автора делает его героев особенно привлекательными и живыми.

Таким образом, у каждого из четырех молодых писателей свой круг тем и героев, свое к ним отношение. Но почему же ни одно их произведение не стало значительным явлением в грузинской литературе? Почему их герои не вышли за рамки книг, остались для читателя, в лучшем случае, добрыми знакомыми, о которых лишь

приятно вспомнить? Объясняется ли это только молодостью писателей, тем, что они еще недостаточно глубоко вошли в жизнь, недостаточно полно овладели художественным мастерством? Отчасти, да. Но главная причина, думается, не в этом. Основным недостатком произведений молодых писателей является камерная ограниченность тематики, незначительность поднимаемых проблем.

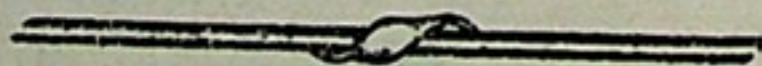
Если в будущем кому-нибудь захочется восстановить картину жизни народа, и в том числе молодежи, по произведениям этих писателей, то может возникнуть представление, что основные конфликты нашего времени сосредоточивались в сфере личных переживаний, причем переживаний мелких, весьма далеких от подлинных конфликтов современности.

Иногда в рассказах молодых писателей героям не только не с кем бороться, но, собственно говоря, и не за что особенно бороться. Это вызвано тем, что авторы обращаются нередко к незначительным проблемам, борьба за решение которых вовсе не требует высокого душевного накала, смелости и героизма. Герои без героизма — к такому печальному парадоксу может привести и нередко приводит мелкотемье.

Жанр рассказа предоставляет писателям богатые возможности для постановки многих важных и актуальных вопросов, для создания полнокровных образов советских людей — героев нашего времени. Достаточно вспомнить произведения многих русских и грузинских писателей, а также представителей литератур других народов нашей страны. Мастера многонациональной литературы социалистического реализма создали много замечательных рассказов.

Молодым писателям есть у кого учиться и есть чему учиться. Но основным их учителем всегда была и остается многообразная и героическая советская действительность.

Писатели нашей страны готовятся к своему очередному съезду. На нем будет говориться не только о прошлом нашей литературы, но и о будущем. Особое внимание, несомненно, будет уделено молодым силам литературы, так как им принадлежит будущее.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

В дни Декады грузинского искусства и литературы в редакции „Дружбы народов“ состоялось обсуждение вышедших номеров журнала „Литературная Грузия“. В обсуждении участвовали члены редколлегии и редсовета, работники редакций обоих журналов и ряд московских критиков. Печатаем сокращенную стенограмму выступлений.

Э. ФЕЙГИН

ВО ИМЯ ДРУЖБЫ СОВЕТСКИХ НАРОДОВ

Журнал наш — один из самых молодых литературно-художественных журналов страны. Мы выпустили только восемь номеров и, следовательно, делаем лишь первые шаги. Какого-либо значительного опыта мы накопить не успели и потому больше других нуждаемся в дружеской поддержке и критике. К сожалению, за год нашей работы мы, кроме непосредственных читательских откликов, что, конечно, чрезвычайно дорого нам, не слышали еще обстоятельного разговора о своей работе, о том, что у нас хорошо и что плохо. В Грузии много лет не существовало журнала на русском языке. В двадцатых-тридцатых годах такие журналы выходили, но затем по различным причинам выпуск их прекратился. Создание в Тбилиси нового журнала на русском языке — факт сам по себе примечательный. Это еще одно проявление ленинской политики дружбы народов.

Главное в нашей работе — популяри-

зация лучших произведений грузинской литературы и публикация произведений русских литераторов, живущих и работающих в республике. Мы поставили перед собой задачу сделать наш журнал местом творческих встреч грузинских и русских писателей, местом дружеских встреч русского и многонационального читателя всей нашей родины с грузинской литературой. Мы также учли и то обстоятельство, что журнал выходит в Закавказье, что рядом с нами Армения и Азербайджан, что в самой Грузии плечом к плечу с грузинами живут и трудятся осетины, абхазцы, армяне, азербайджанцы, курды. Все это вместе взятое и определило тип нашего журнала.

В первых восьми номерах мы напечатали ряд произведений грузинской прозы и поэзии. Прежде всего следует назвать большой историко-революционный роман старейшего грузинского писателя Шалвы Дадиани «Семья Гвиргвилиани». Мы рады тому, что в дни декады этот роман был хорошо принят русской критикой и читателями.

Перепечатано из журнала «Дружба народов» № 5, май, 1958 г.

Мы опубликовали также несколько произведений таких мастеров грузинской литературы, как Михаил Джавахишвили, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе. Наши современники Георгий Леонидзе, Константин Гамсахурдиа, Симон Чиковани, Ираклий Абашидзе, Галактион Табидзе, Карло Каладзе, Георгий Натрошвили, Реваз Джапаридзе, Андро Ломидзе, Хута Бериулава, Отар Челидзе, Алеко Шенгелия, Александр Гомиашвили, Мурман Лебанидзе, Реваз Маргиани и другие активно сотрудничают в журнале. Когда мы говорим о творческих встречах грузинских и русских писателей на страницах журнала, мы имеем в виду и уже опубликованные произведения Н. Тихонова, который выступает у нас и как прозаик, и как поэт, и как переводчик, Н. Заболоцкого, Б. Пастернака, С. Бабаевского, А. Межирова, Е. Евтушенко, М. Максимова, и те произведения русских писателей — москвичей, ленинградцев, ростовчан, сибиряков, которые мы опубликуем в текущем году.

На страницах журнала уже выступали поэты братских республик — Азербайджана и Армении. Мы систематически печатаем стихи и рассказы абхазских и осетинских писателей, в частности новеллы М. Лакербая, стихи осетинских поэтов Асаева и Гафеза, рассказы живущих в Тбилиси армянских писателей

Асланяна и Сейраняна, стихи курдских поэтов. Надеемся, что после дружеской критики со стороны более опытных московских товарищей найдем и новые формы и методы художественной пропаганды дружбы и братства народов нашей страны.

В портфеле редакции есть новая повесть выдающегося грузинского прозаика Д. Шенгелая, над переводом которой работает Элизбар Ананиашвили. Новые рассказы на современную тему дали для журнала Реваз Джапаридзе, Георгий Натрошвили, Семен Бабаевский и другие. Мы намерены опубликовать один из романов покойного Михаила Джавахишвили, оставившего грузинскому народу огромное, еще недостаточно знакомое русскому читателю литературное наследство.

Поэтическими произведениями мы богаты. На страницах журнала в этом году будут выступать Леонидзе, Чиковани, Абашидзе и Шенгелия, прозвучат голоса молодых грузинских и абхазских поэтов. Активно сотрудничают в журнале критики Бесо Жгенти, Георгий Маргвелашвили, Серги Чилая, Лавроси Каландадзе. Планы у нас большие, желание служить благородному делу дружбы народов нашей страны огромное, и работать мы намереваемся не покладая рук.

П. СКОСЫРЕВ

ЛИЦО ЖУРНАЛА

Для русского журнала, издаваемого в братской республике, очень важно правильно определить свой тип. Ведь нередко бывает так, что русские литераторы, живущие в республике, чувствуя за собой право на свой печатный орган, смотрят на такой журнал именно как на свой орган — орган русской секции. К счастью, с «Литературной Грузией» этого не случилось. Наряду с публикацией новых произведений грузинских писателей и русских писателей, работающих в республике, редакция журнала правильно увидела свою главную задачу в том, чтобы сделать «Литературную Грузию» прежде всего пропагандистом грузинской культуры, грузинской литературы среди русских читателей. Уже те первые номера «Литературной Грузии», которые лежат сейчас перед нами, дают возможность в какой-то мере ориентироваться в грузинской литературе, в новинках, которые создаются грузинскими писателями. И наши критики, писатели и поэты, говоря о грузинской литературе; все ча-

ще обращаются к произведениям, напечатанным в журнале. Это свидетельствует о том, что редакция журнала нашла верный путь.

Очень хорошо, что журнал широко привлекает в русский отдел москвичей. Здесь и А. Межиров, и Е. Евтушенко, и Б. Пастернак со своими интересными переводами и оригинальными стихами. Хотелось бы пожелать, чтобы эти творческие связи стали еще шире не только в поэзии, но и в других жанрах, в частности — в очерке.

Очерк — это, пожалуй, самое слабое место журнала. Мне, человеку, мало знающему Грузию, журнал открыл много нового и интересного. Но я не увидел сегодняшнего дня грузинской жизни — я мало что узнал о сельском хозяйстве, о промышленности, о современных людях Грузии. Сегодняшний день республики отражен в «Литературной Грузии» явно недостаточно, и хотелось бы видеть на ее страницах побольше ярких, интересных очерков о современности.

КРИТИКА КРИТИКИ

О критике принято судить строже, чем о других жанрах литературы. Критику принято считать ответственной не только за ее собственные недостатки и ошибки, но и за ошибки и недостатки поэтов, прозаиков и драматургов. Я ограничусь, однако, лишь замечаниями о литературно-критических материалах журнала. Некоторое недоумение вызывает опубликованная в № 1 журнала статья Г. Ломидзе. Это стенограмма его выступления на прошлогоднем весеннем совещании в Москве по вопросам реализма. Позиции своих противников тов. Ломидзе излагает здесь не совсем точно, а иногда и совсем неточно. При этом, ни сам автор, ни редакция в своей приписке не ссылаются на то, что обсуждение этих вопросов идет на страницах «Дружбы народов», и редакция приглашает «писателей, критиков, литературоведов высказаться по затронутым в статье тов. Ломидзе вопросам». Но за всю вторую половину 1957 года так никто после Г. Ломидзе и не высказался.

Лишь в январском номере за 1958 год появилась статья М. Заверина «Перевод и национальное своеобразие культуры», со сноской от редакции: «Настоящей статьей редакция продолжает обсуждение вопросов перевода и национальной формы художественной литературы». Здесь все вызывает недоумение. «Продолжаем обсуждение вопросов перевода», — но ведь такого обсуждения этот журнал не начинал. Были «заметки» того же Заверина о переводах Межирова, — но ведь это только «заметки». (И того же Заверина). Вряд ли заметки Заверина — достаточная причина для «продолжения разговора» хотя бы и с самим собой! А тем более — для спора!

Самая большая и интересная критическая работа на страницах «Литературной Грузии» — это три статьи Георгия Маргвелашвили о грузинской советской поэзии. В № 2 напечатана его первая статья «Подлинное богатство поэзии». Статья интересная, написана в хорошем стиле, с подъемом, пафосом, источник которого — в законной гордости за свою родную поэзию, так успешно развивающуюся, представленную рядом блестящих и любимых народом имен. Автор статьи говорит о большом значении партийных документов и решений партии о литературе 1925 и 1932 годов, о решениях XX съезда КПСС, который «создал объективные условия для нового размаха творческой работы, для раскрытия подлинного богатства поэзии». Все это верно и хорошо сказано. Хорошо и то, что автор «в этой связи» обещает «подробно остановиться

на творчестве хотя бы некоторых представителей грузинской советской поэзии, чтобы на примере их поэтических биографий проанализировать процесс роста, идейного обогащения, художественного совершенствования, который пережила грузинская советская поэзия, показать картину того исключительного многообразия художественной формы, творческих манер и стилей, которое было определено объединением советских писателей на общей идейно-творческой платформе социалистического реализма».

Но в статье нет этих примеров. А установив свое внимание на творческой биографии Галактиона Табидзе, автор статьи не раскрывает благотворного влияния партийной политики в литературе и результаты «объединения на общей идейно-творческой платформе социалистического реализма», — нет, не об этом он говорит, а только о том, какое влияние оказал Октябрь на мировоззрение и поэзию Галактиона Табидзе. Об этом сказано хорошо, с уместными параллелями: Табидзе — Блок — Маяковский. Но это не то, что обещал автор статьи.

В «статье второй», появившейся в № 4 журнала, автор начинает разговор о других поэтах, даже не напомнив о своих обещаниях, данных в предыдущей статье. Автор ведет полемику против ревизионистов. Но каких? Ревизовавших идейные и эстетические принципы всей советской литературы или выступавших с ложными оценками нынешнего состояния и исторического пути грузинской литературы? Неизвестно. Неизвестно и другое: о ком конкретно идет речь? Почему полемика носит такой приглушенный и завуалированный характер? Полемика могла бы быть более конкретной, и статья от этого только выиграла бы.

Во второй статье речь идет о Паоло Яшвили, но опять в самой общей форме и как будто для того, чтобы сделать вывод, что «диапазон творчества Паоло Яшвили был весьма широк». Вряд ли это тот вывод, которого можно ожидать после обещаний автора статьи. Собственно то же самое надо сказать и по поводу кратких замечаний автора о поэзии Валериана Гаприндашвили — «первоклассного лирика со сложным и богатым душевным миром», и по поводу характеристики поэзии Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, Алио Мирцхулава. Это самодовлеющие очерки, своеобразные литературные портреты, но они никак не связаны с другими. Поэты представлены здесь сами по себе, они — вне процесса развития грузинской литературы, поэзии, их связи с другими поэтами не раскрыты.

Взятые вместе эти портреты еще не создают картины развития грузинской литературы, как процесса, как борьбы, в которой помощь и руководство партии играли существенную роль. Если и говорится о борьбе, то лишь против декадентов. Так, например, мы читаем в статье, что «на первых порах главным содержанием литературной борьбы, которую вел Алио Мирцхулава, была полемика с теми антиреалистическими декадентскими направлениями и школами, которыми пестрела грузинская литература в те годы». Но эта борьба представлена только как узколитературный факт. О том, какую поддержку в политике партии имели ведущие вместе с А. Мирцхулава эту борьбу поэты, здесь не говорится ни слова.

Третья и последняя статья начинается словами о значении Октября в истории грузинской поэзии. Потом снова идут такие же литературные портреты, из которых самый пространственный — портрет Ираклия Абашидзе. И только в третьем из портретов этой статьи автор вспоминает, что он хотел говорить о значении творческого метода социалистического реализма для расцвета грузинской поэзии. Но и после этого — снова литературные портреты: Александра Гомиашвили и Григола Абашидзе. Так и получилась серия литературных портретов, правда, квалифицированно написанных, но нет цельного взгляда на историю грузинской советской поэзии как процесс. Нет исторической атмосферы классовой борьбы, в которой решения партии были для лучших писателей и путеводной звездой и поддержкой.

«Заметки о переводах А. Межирова» во втором номере журнала — это не заметки, а восторженная поэма. Посетовав на то, что разговор о переводе часто ограничивается «анализом соответствия его оригиналу», сам автор заметок (М. Заверин) впадает в слишком «общий разговор». Обо всех переводах Межирова (а здесь и переводы из Галактиона Табидзе, и Симона Чиковани, и А. Шенгелия) он говорит, что они «по силе красок, по поэтическому огню вряд ли уступают подлиннику», они «в живой форме воссоздают все его обаяние и эстетическую ценность». Это говорится обо всех переводах, обо всех оригиналах! А когда изредка доходит дело до конкретных примеров, не все выглядит так убедительно. Например, приведя перевод одной из строк А. Шенгелия:

Слыша топот над звездами где-то...—

М. Заверин заверяет, что в переводе «удачно переданы особенности топота конских копыт».

В четвертой части своих заметок М. Заверин говорит и о недостатках переводов. Но он ограничивается только цитацией из последних, без сопоставле-

ния с теми же местами из оригиналов (речь идет в этом случае о переводах из Г. Табидзе). В журнале, который предназначен прежде всего для читателей живущих в Грузии, естественно было именно такое сопоставление.

В № 4 журнала критика представлена только второй статьей Георгия Маргвелашвили из его критического «триптиха». В пятом номере опять-таки нет ничего, кроме его третьей статьи. В последнем, шестом, номере журнала за прошлый год напечатаны три статьи: Галины Прилипки «Великий Октябрь в произведениях Горького», Шалвы Радиани «Творчество М. Джавахишвили», Вахтанга Жвания «Читатель и приключенческая литература». Первая из этих статей не имеет в виду ни перспектив развития советской литературы в целом, ни в историко-революционных жанрах в частности. Вторая — написана о писателе, закончившем свой творческий путь в тридцатых годах. Третья — это заметки народного судьи Калининского района Тбилиси — «Читатель и приключенческая литература».

Таким образом мы перебрали (и по названию и по содержанию) все литературно-критические материалы в журнале за год. Вывод напрашивается сам: отдел критики дал материалы, не лишенные достоинства, большинство из них вероятно с интересом прочтено читателем. Но отдел все же остался в стороне от актуальных проблем литературного развития в республике и в частности — развития русской литературы в Грузии.

Журнал обещал «знакомить русского читателя со всем лучшим, что создает грузинская литература», «публиковать произведения русских писателей, живущих и работающих в Грузии».

Что сделано в рамках этих задач отделом литературной критики в журнале? Рассказал ли он о положении, состоянии, проблемах и задачах развития русской литературы в Грузии, т. е. о том, чем живут, творчески живут русские писатели в Грузии?

Можно ли по комплектам журнала за полгода понять, как и кем представлена русская литература в Грузии?

Мне кажется — нет. По крайней мере отдел критики помог мало в этом отношении читателям.

А какие проблемы, касательно грузинской литературы, рассмотрел он? Проза? Историческая проза? Драматургия? Проблема конфликта, характера, жизненной правды, связи литературы с жизнью и т. д. и т. п.? Все эти проблемы остались за пределами внимания критического отдела. Ни слова не сказано в журнале о тех спорах, которые занимали советскую литературную общественность в 1957 году. Конечно, есть еще в журнале отдел «Среди книг», но вряд ли на него можно возложить эти задачи.

Едва ли не самой острой статьей сле-

дует признать статью Вахтанга Жвания «Читатель и приключенческая литература». Она направлена против халтуры в приключенческом жанре. Но ведь автор этой статьи — судья, не критик, и судит он о литературных произведениях главным образом с точки зрения их соответствия юридической практике расследования уголовных преступлений. Писатели с пользой для себя прочтут эту статью, но это еще не литературная критика. Здесь еще нет эстетической оценки произведений.

И еще один вывод: мало в критических статьях журнала разговора о жизни. Иван Франко считал, например, особенно важным достоинством Добролюбова, как критика, его умение «с помощью беллетристических произведений говорить о явлениях действительной жизни и причинах, вызвавших такие явления». Надо, чтобы этим достоинством отличались и наши статьи, публикуемые в журналах. Журнал еще не собрал силы литературных критиков, не направил их на решение самых насущных проблем литературы. Ему еще много предстоит сделать.

Несколько слов о разделе «Среди книг». Это — маленькие рецензии, некоторые из них ближе к развернутым аннотациям. Всех их за 1957 год 18. С особым одобрением хочется отозваться о маленьких рецензиях четвертого номера.

Здесь их пять, и все они даны под рубрикой «Новые работы грузинских литературоведов». Все вместе они дают хотя бы частичное представление о тех успехах, которых достигло грузинское литературоведение в 1956 году. В них говорится о книгах: Чилая «Грузинская литература XX века», Квеселава «Адам Мицкевич», Кекелидзе «Памятники древнегрузинской агиографической литературы», Гришашвили «Литературные очерки» и Шенгелая «Статьи».

Это, конечно, хороший опыт. Было бы полезно так же группировать рецензии о прозе, о новых пьесах, об очерке, о лирике и т. п. И в заключение — совсем коротко — о типе маленьких рецензий. Из 18 напечатанных рецензий, все — одобрительные. Это превращает отдел в отдел рекомендательной информации. Очевидно, критику журнал передает газетам? И уж никак нельзя одобрить №№ 3 и 5, где маленьких рецензий совсем нет. Что это — не о чем было писать? Или редакция не ценит этот отдел, не уделяет ему должного внимания? При всех отмеченных недостатках журнал и в этом разделе читается с интересом. Особенно потому, что культура тех статей и рецензий, которые помещаются здесь, по-настоящему высока. Хотелось бы, однако, чтобы и в отделе критики, и в отделе библиографии рецензии и статьи были более боевыми, более полемическими.

Г. ГУЛИА

ПОМОГАТЬ РУССКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Уже те номера журнала, которые появились, дают возможность говорить, что его выход — крупное событие в литературной жизни Грузии.

Одна из благородных целей журнала — пропаганда новинок грузинской литературы. И, быть может, нужно так же, как это сделано с романом Шалвы Дадiani, почаще рекомендовать русскому читателю те или иные произведения грузинской литературы. Ведь русский читатель не всегда может сам правильно во всем разобраться. Мы знаем, например, что иногда место литератора, изданного в Москве, в национальной литературе значительно скромнее, чем можно было бы предполагать. И порой это вызывает неприятное чувство — человека превозносят, а в республике удивлены и гово-

рят: «Да, это великолепно, но мы такого поэта в таком качестве не знаем».

В этом отношении «Литературная Грузия» может оказать русскому читателю большую помощь. Рассказывая о том, что появилось за последние два-три месяца, нужно чаще давать литературные портреты, очерки о современных литераторах, чтобы читатель сумел правильно разобраться в том, каково место и значение этого литератора в грузинской литературе. Это не реклама, а представление писателей, их творчества русскому читателю, знакомство национальных писателей с русским читателем. Хотелось бы, чтобы товарищи говорили таким образом:

— Вы хотите узнать грузинскую литературу? Почитайте «Литературную Грузию».

ПОЭЗИЯ И КРИТИКА

С первого знакомства с первым номером «Литературной Грузии» у меня сложилось впечатление, что журнал делается любовно и редакция настойчиво стремится сразу же правильно определить характер и облик журнала. Мы знаем высказывание Белинского о том, что лицо журнала определяет критика. С тех пор в этом отношении произошли большие перемены, — в наше время лицо журнала определяет скорее проза. Может быть, во мне говорит приверженец критического жанра, но мне все же хотелось бы, чтобы большую роль играла здесь критика. Тем более, что для этого у «Литературной Грузии» есть реальные возможности.

Прежде всего хотелось бы продолжить мысль, которую высказал здесь тов. Гулиа, — журналу нужно шире пропагандировать грузинскую литературу, знакомить читателя с художниками Грузии, о

которых русский читатель, может быть, не знает или знает весьма недостаточно.

В этом отношении журнал уже много сделал. В № 3 «Литературной Грузии» опубликована прекрасная статья Маргвелашвили о богатстве грузинской поэзии. Я представляю себе трудности этого жанра и знаю, как редко мы получаем статьи такого типа, в которых сочетается отличное проникновение в индивидуальность поэта с пониманием закономерностей развития советской поэзии. Я просто затрудняюсь назвать в русской критике работы подобного типа, где бы давались такие точные и лаконичные портреты поэтов, показывалась их роль в развитии поэзии.

Единственное, что я бы отметил, как упрек в адрес тов. Маргвелашвили, это недостаточный полемический задор. Мы слишком мало спорим, и хотелось бы, чтобы в статье присутствовал этот здоровый и нужный дух творческого спора.

Н. РЫБКО

ОЧЕРК В ЖУРНАЛЕ

Современный литературно-художественный и общественно-политический журнал нельзя себе представить без яркого боевого очерка. И отрадно, что один из самых молодых журналов нашей страны, журнал «Литературная Грузия» с первого номера взял на свое вооружение очерк.

Вот, например, очерк Ильи Дубинского «Город, люди, конфликты», опубликованный в № 1 журнала за 1957 год. Очерк рассказывает о том, как рос и развивался один из крупнейших промышленных центров страны — Кутаиси и его гордость — автомобильный завод имени Серго Орджоникидзе.

Бывают очерки информационные, напоминающие развернутый репортаж. Необходимость в таком материале очевидна, поскольку мы должны широко показывать перемены, происходящие в нашей повседневной жизни. Но нам нужны и такие очерки, в которых выдвигаются важные проблемы, которые помогают глубже понять насущные задачи сегодняшнего дня. Очерк Ильи Дубинского как раз и

затрагивает такие вопросы, которые после реорганизации промышленности приобрели первостепенное значение: встречные перевозки, кооперирование предприятий, взаимопомощь и т. д. Правда, в очерке, на мой взгляд, неоправданно много места занимают рассказ о радиопередаче из сборочного цеха автомобильного завода и выдержки из стенограммы производственного совещания. Все то, что сообщается в этих разделах, можно было бы изложить и короче, и гораздо интереснее, если бы автор не слишком увлекся цитированием.

Очерк Н. Новицкого «Рустави — город металлургов», опубликованный во втором номере журнала, освещает облик древнего и в то же время юного города, в котором волею партии, усилиями советских людей, в послевоенные годы возникает гигантский металлургический завод. Этот очерк привлекателен тем же стремлением поставить и разрешить назревшие вопросы хозяйственного строительства, что и очерк И. Дубинского.

Журнал правильно поступает, когда

публикует материалы о промышленных центрах не только Грузии, но и других республик. Обращает на себя внимание, в частности, очерк И. Месхи «Наш восточный брат — Сумгаит».

Хочется отметить еще одну особенность всех трех очерков о промышленных городах Кавказа — Кутаиси, Рустави, Сумгаите: они познавательны. Читатель узнает и об истории этих городов, и о социалистических преобразованиях, которые произошли за годы Советской власти, и о перспективах их развития. Но это же самое обстоятельство накладывает на них и печать однообразия — создается впечатление, что они написаны по одному плану. Исключение составляет, пожалуй, та часть очерка Месхи, где рассказывается о жилищном строительстве Сумгаита.

И еще одна деталь бросается в глаза: в очерках очень много места отведено перечислению всевозможных событий, но как-то в отрыве от творцов этих событий, от самих людей.

В этом смысле наиболее удачным, пожалуй, является очерк Константина Лордкипанидзе «Они спустились с гор». Кстати сказать, это и единственный очерк из опубликованных в прошлом году, посвященный сельской теме. В нем показана судьба одной небольшой деревни. И хоть не много рассказано о самом колхозе, о состоянии его хозяйства — впечатление остается свежее: в горах живут хорошие советские люди, верные сыны и дочери своей Родины. Думается, что журналу нужно ориентироваться именно на такой тип очерка.

А. ОЙСЛЕНДЕР

ПОЭТ И ПЕРЕВОДЧИК

Я хочу поговорить о стихах, опубликованных в «Литературной Грузии», и о том, как они переведены.

Вот, скажем, третий номер, в котором помещены стихи Яшвили, Александра Гомнашвили, Каладзе.

Паоло Яшвили дан в переводе Б. Пастернака. Эти прекрасные стихи заставляют задуматься о судьбе поэта, о его месте и значении в жизни республики. Он предстает как глашатай передовых идей и чаяний своего народа.

Хорошо перевел стихотворение «Мечта» Карло Каладзе и Павел Антокольский. Но вот перед нами пятый номер, посвященный сорокалетию Октябрьской революции. Именно тут и должны быть лучшие вещи, которые показали бы уровень сегодняшней грузинской поэзии. Но этого, к сожалению, не случилось. Прекрасный поэт Леонидзе, прекрасный переводчик Светлов, — а как выглядит это стихотворение?

Привет вам, доменные печи,
Привет, комбайны на полях,
Привет рождению металла,
Рождению машин в цехах...

А последние строки?

Привет мой знамени за счастье,
Привет моей Советской власти,
Привет се великой цели,
Привет победы колыбели!

Здесь не сразу понимаешь мысль. Нет богатства мироощущения.

Несколько слов о переводах. Давно идут споры о том, как надо переводить. Идеальное положение, конечно, когда поэт-переводчик знает язык оригинала. Но многие поэты не знают языка, и потому иногда говорят, что надо отдать пальму первенства в смысле перевода тем, кто знает язык. Порой приходится сталкиваться и с такой точкой зрения, что лучше давать перевод человеку, знающему язык, чем талантливому поэту, который не знает языка. Это неверно. Антокольский и Пастернак не знают грузинского языка, а стихи получаются прекрасные.

Но вместе с тем от переводчика надо много требовать. Вот, например, «Октябрьское знамя» И. Нонешвили в переводе Е. Евтушенко. Нельзя же рифмовать «знамя» и «зданья», «степи» и «стихи».

Я славлю Октябрьское знамя!
Хочу я пшеницу в степи,
Сады, виноградники, зданья,
Ему посвятить, как стихи!

В грузинских стихах рифма всегда точная и меткая, а здесь этого нет, у читателя создается превратное мнение о стихах грузинских поэтов. Нужно, чтобы переводы не создавали искаженного представления о такой богатой поэзии, как грузинская.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

История грузинского народа столь продолжительна и богата, истоки грузинской национальной культуры уходят в такую глубокую древность, Грузия — страна таких величественных исторических памятников, что вполне понятно пристальное внимание редакции журнала к историческому прошлому страны, величайшим историческим деятелям своего богато одаренного народа. Хочется все же пожелать редакции проявлять больше критического и политического чутья при публикации тех или иных исторических документов, больше точности в ссылках на те или иные исторические и особенно историко-революционные факты.

Так, к примеру, в № 4 журнала опубликованы воспоминания Софьи Тодрия о ее встречах с В. И. Лениным. Автор воспоминаний утверждает, что «в начале лета 1907 года» Ленин, «искусно загримированный» «в целях конспирации», провожал большевиков-подпольщиков в тайную выборгскую типографию «Пролетария».

Здесь по крайней мере три недоразумения. Во-первых, «в начале лета 1907 года» Ленин не был в Выборге. Во-вторых, никто его до июльских дней 1917 года «искусно» не гримировал. В-третьих, именно по конспиративным соображениям, трудно предположить, что Ленин лично провожал большевиков-подпольщиков в нелегальную типографию.

Неточности содержатся и в мемуарах Федора Шавишвили «Последний день Шлиссельбургской крепости». Здесь сообщается, что в «каменном мешке» Шлиссельбургской крепости «долгие го-

ды» томились среди других революционеров декабристы — братья Николай и Александр Бестужевы и Кюхельбекер. Следствие по делу декабристов продолжалось всего около шести месяцев, и уже 13 июля 1826 года вождей декабристского движения повесили, а остальных участников восстания выслали в Сибирь. Откуда же взялись «долгие годы»?

Некритически подготовлена П. Котеишвили публикация писем Бальмонта о переводе «Витязя в тигровой шкуре». Опубликованные журналом письма Бальмонта полны типичных для этого литератора самовосхвалений. «Все в восторге от моего перевода... Мое имя вписано в историю Грузии. Вчерашнее выступление было блестящим. Слушатели были воспламенены... В Грузии предвидится ликование великое...» и т. д.

Редакция впервые опубликовала на русском языке статью Ильи Чавчавадзе «Сто лет назад». К сожалению, редакция никак не комментировала многие положения статьи, ограничивающие воссоединение Грузии с Россией лишь почти исключительно чисто религиозными моментами.

Такого рода высказывания, коль скоро они воспроизводятся на страницах журнала, нуждаются в комментариях, даже когда они принадлежат таким великим писателям, как Илья Чавчавадзе.

Исторические материалы — важная составная часть литературного журнала, и то, что они так широко публикуются на страницах «Литературной Грузии», — большая заслуга редакции. Но к их отбору следует предъявить те же идейно-политические требования, как и ко всем другим материалам журнала.

Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ

НАЗРЕВШАЯ ТЕМА

Когда мы в Тбилиси будем вспоминать о деловых, плодотворных, таящих в себе перспективы на будущее встречах и разговорах в Москве, на одном из первых мест, безусловно, будет стоять наша сегодняшняя беседа.

Что особенно бросается в глаза? Доброжелательность и благожелательность, которые проявились, может быть, в

преувеличении хороших сторон работы нашего журнала. Но в то же время было сделано много правильных критических замечаний. Все это поможет нам в дальнейшей работе.

Говарищи правы — хотелось бы видеть в журнале больше полемики, зазора. В нашем литературном богатстве есть много материалов, которые мо-

гут послужить основанием для интересной литературной полемики. Мне хотелось бы также, чтобы одной из первоочередных задач нашего журнала стал итоговый, назревший разговор о работе переводчиков грузинской прозы и поэзии. Ведь, скажем, двухтомник Заболоцкого — это поистине гигантский труд одного человека, переведившего почти всю классическую грузинскую литературу. Конечно, такой труд заслуживает

серьезной профессиональной оценки, которая будет полезна всем переводчикам. Эта работа — характерный пример благородного труда русского советского переводчика, крупного поэта, который проявляет столько любви и таланта при переводах литературы братских народов. А переводы стихов П. Ишвили Б. Пастернаком? Они также заслуживают самого подробного анализа и серьезной профессиональной оценки.

К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

НАШИ БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ

Б. М. Рунин говорил, что сейчас лицо журнала прежде всего определяет проза. Но с тех пор, как я стал редактором журнала, я понял, что это должно быть не так: критика, публицистика определяют лицо журнала. Критика ведет за собой и прозу и поэзию. А вот сделать критику подлинно ведущей мы, как верно говорил здесь т. Пархоменко, пока еще не сумели, хотя много работали и работаем в этом направлении. Нужно, видимо, подумать, в частности, и о том, чтобы шире привлекать русских писателей и критиков к рецензированию наших книг. Для нас это очень важно; если русские критики не будут писать для нас и помогать нам, мы вряд ли выполним свою задачу.

Несколько слов о замечаниях Б. В. Яковлева. Во многом я с ним согласен — прежде всего по поводу историко-революционных материалов. Но в отношении других материалов хотелось бы кое-что пояснить.

Почему мы дали материал об И. Чавчавадзе? Потому что он был неизвестен на русском языке. Не знали русские читатели и других высказываний И. Чавчавадзе, например, по поводу русской ли-

тературы. Я думаю, что, публикуя эти материалы, мы показали автора несколько в ином свете, нежели до сих пор его знали русские читатели. Особенно интересно это тем, кто знает, какая борьба разгорелась у нас вокруг имени Ильи Чавчавадзе. О Бальмонте. Надо быть грузином 1905—1907 годов, чтобы помнить тот большой праздник, который представляли для Грузии переводы Бальмонта — первые переводы Шота Руставели на русский язык. Я не думаю, что мы ошиблись, напечатав такой материал.

Несомненно, нам нужно будет поговорить в нашем журнале о том, что писатели и поэты Грузии весьма разнообразны и не похожи друг на друга, в то время как в некоторых переводах все они выглядят одинаково. Об этом нужно поговорить очень и очень серьезно: переводим чересчур много и чересчур быстро, затрачивая иногда на перевод всего несколько часов.

В заключение я хотел бы поблагодарить товарищей за это деловое, дружеское обсуждение, за все те замечания, которые были сделаны. Все это мы учтем в нашей дальнейшей работе.

Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ

О НАШЕМ СОДРУЖЕСТВЕ

Я думаю, что большое достижение журнала — это далеко не архивное отношение к архивному материалу. Материал используется так, что звучит интересно для сегодняшнего дня. Это линия очень правильная, и ее нужно всячески поддерживать. Но возникает вопрос об отношении к материалу, который печатаешь. Я хочу напомнить ленинское указание на то, что всякое явление мы должны рассматривать не только с точ-

ки зрения современности, но прежде всего во всей его исторической конкретности. И поэтому, конечно, нельзя брать высказывания Ильи Чавчавадзе вне зависимости от их времени. Было бы странно, если бы в статье Ильи Чавчавадзе были другие формулировки, — это не вязалось бы со всем его обликом. Он был передовым мыслителем, но все же мыслителем именно своего времени. И журнал совершил бы преступление,

если бы препарировал Илью Чавчавадзе. Здесь нужно быть абсолютно принципиальными, если мы не хотим потерять уважение читателей. Прежде всего нужна достоверность и точность.

Вообще материал, посвященный Чавчавадзе, — один из наиболее удачных юбилейных материалов. Но к данной конкретной публикации надо было дать известные комментарии. Конечно, смешно требовать от Чавчавадзе, чтобы он выразил свое отношение к Павлу I, но в сносках где-то следовало об этом сказать, ссылаясь на другие работы Чавчавадзе.

Хочу подчеркнуть, что из полемики, которая здесь была, не нужно делать вывод, что надо остерегаться такого материала. Нет, такие материалы надо давать, и в этом большая заслуга журнала. Когда я получаю «Литературную Грузию», я первым делом смотрю — есть ли там такой материал. Это не случайный материал для журнала. Это чрезвычайно важно и нужно.

Товарищи правильно говорили, что журнал нашел свой тип и характер. Он целостен, и в этом его огромное достоинство. Видно, что он вырос на грузинской почве, и вместе с тем чувствуешь связь журнала со всей советской жизнью.

Русские писатели, живущие в Грузии, хорошо нашли себя в журнале и как переводчики и как авторы.

В Грузии русская литература и в прошлом и теперь занимает значительное место. То настоящее содружество, которое уже достигнуто журналом, надо крепить и развивать...

Конечно, многие недостатки журнала связаны с тем, что он выходит один раз в два месяца. Это почти на грани альманаха. «Литературная Грузия» должна стать ежемесячным журналом.

И еще одно замечание, — мне кажется, что наступила пора, когда журнал «Дружба народов» должен войти в более тесный контакт с республиканскими журналами. Я думаю, что это не повредит ни нашему, ни вашему престижу, если некоторые, наиболее удачные вещи мы будем печатать в наших журналах одновременно. Например, повесть Риммы Канделаки «Бродил художник по городу» могла бы быть напечатана и у нас, и в вашем журнале. Ведь если из журнала берут материал — значит журнал интересный.

Мы еще не раз встретимся и конкретно, по-деловому решим, как укрепить дружеские связи, которые наметились на сегодняшнем совещании.

СУЛЕЙМАН Рустам (Род. в 1906 г.) — азербайджанский поэт. Начал печататься в 1923 году.

В последующие годы издаются сборники стихов С. Рустама «От печали к радости», «Шаги», «Огонь», «Звезды», «Романтика ночи», поэма «Хороший товарищ» и другие. Сулейман Рустам известен и как переводчик на азербайджанский язык произведений русских поэтов.

ШЕНГЕЛАЯ Демна (Димитрий) Константинович (Род. в 1896 г.) — грузинский писатель. Окончил геологоразведочный факультет Политехнического института им. С. М. Кирова в Тбилиси. Писать начал с 1915 г. Наиболее значительными произведениями писателя являются романы «Бата Кекия», «Заря», «Вдохновение», повесть «Алый цветок» и другие.

ПАСТЕРНАК Борис Леонидович (Род. в 1890 г.) — русский поэт и переводчик. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета и в Марбургском университете. Первая книга стихов «Близнец в тучах» вышла в 1914 году. Затем выходят сборники стихов «Поверх барьеров» (1917 г.), «Сестра моя жизнь» (1922 г.),

поэмы «Лейтенант Шмидт» (1926 г.), «Девятьсот пятый год» (1927 г.), «Второе рождение» (1932 г.) и другие. На русский язык Б. Пастернаком переведены произведения В. Шекспира, В. Гете, Ш. Петефи, стихотворения грузинских поэтов Г. Табидзе, С. Чиковани и многих других.

САХНИН Аркадий Яковлевич (Род. в 1910 г.) — русский писатель. Окончил Институт внешней торговли.

Первая книга военных рассказов вышла в 1942 году. В 1954 году был опубликован роман А. Сахнина «Тучи на рассвете», в 1957 году — повесть «Сквозь годы мчась». А. Сахнин систематически выступает с очерками в газетах и журналах.

НОНЕШВИЛИ Иосиф Элиозович (Род. в 1920 г.) — грузинский поэт. В 1942 году окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета.

Впервые стихи И. Нонешвили были опубликованы в 1939 году в журнале «Наше поколение» («Чвени таоба»), а в 1940 году в издательстве «Сахелгами» вышел первый сборник поэта.

Стихи И. Нонешвили переведены на русский язык и языки народов СССР, а также на ряд иностранных языков.

СУЛАБЕРИДЗЕ (Род. в 1919 г.) — грузинский поэт. Начал печататься с 1938 года. Первый сборник стихов — «Крымские ночи» вышел в 1948 году в издательстве «Саблитгами». Второй сборник «Надписи на скале» издан «Сабчота мцeralи» в 1957 году.

МУТАЛИЕВ (Род. в 1910 г.) — ингушский поэт.
Хаджи-Бекир
Шаухалович С 1933 года по 1935 год Х. Муталиев учился на комсомольском отделении Всесоюзного института журналистики в Москве.
Печататься начал в 1930 году. На ингушском языке опубликовано пять сборников стихов Х. Муталиева. Многие его произведения переведены на русский язык. В текущем году издательство «Советский писатель» готовит к печати новую книгу стихов Х. Муталиева.

ИСКАНДЕР (Род. в 1929 г.) — русский поэт. В 1947 году поступил в Московский библиотечный институт, затем в Литературный институт имени Горького, который окончил в 1954 году.

С 1952 года стихи Ф. Искандера публикуются на страницах московских журналов и газет. В 1957 году в Государственном издательстве Абхазии вышла книга стихов Ф. Искандера «Горные тропы».

ПАПАСКИРИ (Род. в 1902 г.) — абхазский писатель. Окончил Сухумский педагогический техникум, затем учился в Ленинградском институте восточных языков. Начал писать в 1932 году. Перу Ивана Папаскири принадлежат широко известные в Абхазии и переведенные на русский язык романы «К долгой жизни» (1937 г.), «Путь Химур» (1950 г.), повесть «Тамел Мканба» (1952 г.) и другие.

Технический редактор Л. Гагуа.

Подписано к печати 4/VIII-58 г.

Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. 8 печ. нат. л. + 1 вкл.

Заказ 119. Тираж 4.000 УЭ-02396

Цена 5 руб.

Типография «Заря Востока» имени А. Ф. Мясникова,
Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, 42.

5 руб.

34326/53
ՀԱՄԱՅՆՑՆԵՐ
ՆՈՑՆՈՒՄՈՒՅՑՆԵՐ

